

Александр ГЛАЗУНОВ

НАМ НУЖНА... РЕВОЛЮЦИЯ

Москва
Издательство «БПП»
2009

В книге очерков «Нам нужна... революция» собраны материалы, опубликованные автором в 1990-х годах и в начале 2000-х, в основном в газете «Природно-ресурсные ведомости» и в журнале «Деловая жизнь России». Это было время, когда власть и законы менялись так часто, а незаконие и безнаказанность процветала так пышно, что, казалось, преступная жажда наживы затмевала разум даже здравому смыслу, а закон самосохранения, выживания в этих диких условиях подавлял все человеческие качества. Сегодня, оглядываясь в то прошлое, больше всего вызывает удивление, что и тогда находилось немало людей, которые противостояли злу и беззаконию, защищали интересы страны, государства и народа, несмотря на страдания, испытывая отчаяние от несправедливости и цинизма некоторых чиновников. Эта книга — нерукотворный памятник людям, для которых честь и достоинство, гражданский долг и патриотизм совсем не пустые слова. Многие из них уже нет в живых, как не существует и тех организаций, в которых они работали. Но остались те морально-нравственные проблемы в обществе, которые были затронуты в те годы. Они еще ждут своего решения, поэтому и забывать о них мы не имеем права. Как и о тех людях, которые пожертвовали всем, защищая главное народное достояние — совесть человеческую, веру в добро, которое непременно победит, если все честные люди будут непреклонны в борьбе со злом. Это их завещание, их наказ будущим поколениям!

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Известный русский физиолог Иван Михайлович СЕЧЕНОВ еще в XIX веке говорил, что понять человека можно лишь в его единстве — плоти, духа и природы, частью которой он и является. Сейчас, находясь в кабинете начальника Управления организационно-методического обеспечения государственного экологического контроля МПР России, доктора биологических наук, профессора МГУ Александра Сергеевича Яковлева, мне почему-то невольно вспомнились эти слова прозорливого ученого. Но наполнялись они уже неким конкретным смыслом применительно к сегодняшнему времени, напоминающему сумасшедший калейдоскоп неожиданных и порой совершенно непонятных на первый взгляд событий.

Разговор с Александром Сергеевичем касался проблем экологического контроля и нормирования, темы скучной, избитой, как мне казалось, и немало себя скомпрометировавшей в глазах общественного мнения. Да и то верно, экологического крика много, а толку мало — состояние природы все ухудшается. Поэтому, недолго думая, я решил перевести нашу беседу в практическое русло, немного отстраняясь от церемониальной теории и научных выкладок. Вопрос я задал безобидный, без всякой задней мысли, мол, проблемами экологического контроля вы, уважаемый Александр Сергеевич, занимаетесь не первый год, и обстановка в отношении среды нашего обитания вам должна быть из-

вестна лучше всех, вот и скажите, какие регионы в России наиболее неблагополучны в плане экологии.

— Видите ли, — чуть помедлив, произнес Яковлев, — на этот вопрос конкретно, а главное, доказательно вам ответить не в состоянии никто. В настоящее время в Российской Федерации практически отсутствует система экологического нормирования окружающей среды. То есть не проводится ее комплексная оценка в целом по территориям...

— Почему? — невольно вырвалось у меня. Однако потребовалось еще не меньше часа, прежде чем я смог уяснить себе это. Мне пришлось выслушать целую лекцию о великой и многострадальной матушке-природе, о вине человека-хищника, о чем вроде бы все и всем известно. И в то же время наших знаний об окружающем нас мире нам будет всегда не хватать. Ибо мы — часть его, значит, эти знания и о нас самих, а это одна из самых великих и трудных наук — познавать самих себя! — возможно, еще и потому, что человек действительно состоит из плоти, духа и природы. И все же...

Казалось бы, чего проще — государственный экологический контроль должен действовать в соответствии с природоохранным законодательством, тогда и природа будет защищена от антропогенных посягательств, и человек наконец-то осознает, насколько опасно для собственного здоровья отравлять свою природную среду обитания. Дальше останется только принять конструктивные меры для восстановления невольно пострадавшей матушки-природы, и конфликт, как говорится, исчерпан. Виновные будут наказаны, приро-

да ограждена от посягательств. Ведь природоохранительным законодательством сегодня четко определено — экологический контроль должен начинаться с оценки состояния и соблюдения нормативов качества окружающей природной среды, разработанных на основе единой системы экологического нормирования. Так вот, по утверждению Яковлева, с полной уверенностью можно констатировать, что именно наблюдение за состоянием ОПС как единой природной системы в стране у нас практически все еще не налажено. Причина этого именно в отсутствии целостной системы экологического нормирования окружающей природной среды.

— Почему, например, контроль за состоянием природной среды не срабатывал? — настойчиво пытается разъяснить мне суть вопроса Александр Сергеевич. — Потому что он был ориентирован только на уровень антропогенного воздействия. Иными словами, мы контролируем выбросы в атмосферу из заводских труб и следим за размещением отходов промышленного производства. А используем при этом нормативы Госсанэпиднадзора России, Росгидромета, Росземкадастра России и так далее — целый набор всевозможных норм, не связанных между собой единой идеологией экологического нормирования. Мы контролируем чужие нормативы, когда нам позарез нужны свои, экологические. Ведь если размещают где-то отходы, то мы должны точно знать, сколько мы их можем разместить на данной территории. Природоохранительным законодательством России этот лимит определяется уровнем состояния окружающей природной среды каждого конкретного региона, природно-территориального

комплекса страны. Но чтобы определить этот уровень состояния, надо иметь комплексную систему экологического нормирования, а вот ее-то как раз и нет. В этом все зло. И мониторинг надо вести тоже комплексный, и не только района загрязнения, но и сопредельной территории. Об этом сейчас стараются не говорить, но сегодняшняя ситуация именно такова — мониторинг разорван. Экологический контроль существует, но разрозненный, отдельных составляющих природной среды — почвы, воды, воздуха и так далее. Иными словами, есть мониторинг воздействия, но нет мониторинга состояния окружающей среды. Мы следим за выбросами токсичных веществ в атмосферный воздух, сбросами в водную среду, размещением отходов на поверхности земли, а в каком состоянии оказывается окружающая природная среда в связи с этими воздействиями — не знаем. То есть не имеем обратной связи, так сказать...

Исходя из разъяснений Яковлева, получалось, что сегодня мы не можем сделать правильный вывод о том, соответствует ли состояние ОПС или отдельных ее компонентов при имеющей место антропогенной нагрузке определенной экологической норме или нет. Но без знаний этого нельзя вести и разумный контроль за качеством среды. Это все равно, что контролировать здоровье человека, ничего не зная о его общем состоянии. А раз так, то и контроль за уровнем антропогенного воздействия, основанный на наблюдениях и контроле за выбросами и сбросами загрязняющих веществ в воздушные и водные среды, за размещением отходов на поверхности земли, за воздействием на почвы, растительный и животный мир при отсутствии надежной ин-

формации о реакции ОПС на эти воздействия — то есть без наличия той же обратной связи, — такой контроль вообще теряет смысл.

Однако подобная ситуация с экологией складывалась не одно десятилетие. В 60-е годы у нас в стране проводилась тотальная химизация и мелиорация. В сельском хозяйстве применялось ДДТ, всевозможные нерасщепляющиеся токсины и удобрения, которые складировались в открытую на полях даже без ограждений. Плюс ко всему повсеместно почти была нарушена природная система очистки — болота, самый болезненный участок природы. А ведь они относятся к особо охраняемым водным объектам, потому как это природные биохимические лаборатории, куда со стоком попадают всевозможные токсиканты. Там они с помощью микробов нейтрализуются, то есть расщепляются на составляющие природные вещества, уже не опасные для биологической жизни. Иначе говоря, существование болот оправдано самой природой, они являются ее необходимой частью и, по выражению Яковлева, работают точно так же, как и печень человека.

Очевидно, мы еще полностью и не осознали, какой вред нанесен природной среде обитания, нашему дому, тем, что почти повсеместно были осушены болота. По словам Александра Сергеевича, именно благодаря мелиоративным работам наши реки из биосистем превращены в сточные канавы, куда идет неочищенный сток пестицидов, тяжелых металлов... При этом многие предприятия строились ближе к воде, в верховьях рек. В некоторых регионах России люди не доживают до 60 лет, потому что там в несколько раз выросло число он-

кологических заболеваний и других болезней по причине тяжелой экологии. В то же время следует признать, что до настоящего момента правовая нормативная база в области охраны окружающей природной среды Российской Федерации находится в стадии становления. Да, есть Закон РСФСР «Об охране окружающей природной среды», Закон РФ «О недрах», Водный, Земельный и Лесной кодексы Российской Федерации, федеральные законы «О животном мире», «Об экологической экспертизе», «Об особо охраняемых природных территориях», разработаны проекты Законов РФ «Об охране почв», «О растительном мире», однако недостаточная проработанность нормативной базы затрудняет вести экологический контроль. Более того, не дает возможности обосновать эффективность необходимых природоохранных мероприятий. А это уже существенно препятствует и рациональному использованию природных ресурсов.

Наша планета — это единая и организованная живая система, породившая человека разумного. Все, что окружает его в природе, есть часть его плоти, ресурс его жизнеобеспечения. Поэтому, отравляя или безмерно уничтожая природную среду, человечество усугубляет свое существование на Земле, укорачивает срок своей жизни. Вот почему экологию, природоохранную деятельность можно сравнить разве что с медициной. Однако настоящий врач рассматривает заболевание любого организма, исходя из его целостности, общего состояния и запаса прочности, так сказать, иначе одно можно лечить, а другое калечить.

Не похожий ли недуг поразил и экологию? Не потому ли растет число больных среди населения в связи с экологическими нарушениями, несмотря на существование природоохранного законодательства и специальных структур, контролирующих состояние окружающей среды? Что такой контроль сегодня сводится лишь к обнаружению негативных фактов загрязнения выбросами вредных веществ в воду или воздух и штрафам, а каково общее состояние природы вокруг нас, мы и понятия не имеем? Значит, не знаем и как она, измененная человеческой деятельностью в худшую сторону, теперь уже воздействует на человека в том или ином регионе страны?

Судя по словам Яковлева, государственный экологический контроль из года в год проводит проверки, качество которых оценивается суммой оплаченных штрафов и количеством выданных предписаний, составленных протоколов и возбужденных природоохранной прокуратурой уголовных дел. Все это нужно! Но разве в экологическом отношении делимы, например, почва, растительность, вода? Тем более что воздушная и водная среды играют особую роль в распространении загрязнений. А главное, вода и воздух — это обязательные условия существования живых организмов и человека на планете. Почвы же становятся в большей степени накопителями загрязнителей, по существу, напоминают гигантский фильтр, принимающий на себя все вещества, растворенные в атмосферных осадках и выпадающие в виде пыли. И если рассматривать почву как биологическую систему, то ее можно назвать кожей Земли, которая и защищает реки, озера от вредных ве-

ществ, дает как бы определенный иммунитет от их воздействия. Лиши речку такого иммунитета, и она сразу ощутит иммунодефицит, станет больна своеобразным СПИДом.

Вот почему оценка качества природной среды того или иного района страны может считаться достаточно полной или объективной только при условии, если она будет комплексной. Иначе говоря, если будет проведен комплексный мониторинг, для чего и необходима система экологического нормирования.

Значит, достаточно было провести комплексный мониторинг земель промышленных зон России и граничащих с ними территорий? Ведь понятие «земля» включает в себя часть окружающей природной среды, которая характеризуется пространством, рельефом, климатом, почвенным покровом, растительностью, недрами, водами и является главным средством производства в сельском и лесном хозяйстве, а также территории, где размещаются предприятия и организации всех отраслей народного хозяйства. На карту мониторинга почв 10 или 50-тысячного масштаба наложить экологические карты исследования водных объектов, воздуха, растительности, животного мира, дополнить их данными Госсанэпиднадзора России, медицинской статистикой заболеваемости населения региона, и картина состояния качества окружающей природной среды на определенной территории сразу прояснилась бы: где-то природа еще имеет возможности реабилитироваться, способна сама оправиться от ударов вследствие человеческой деятельности; или наоборот, есть районы, где природная среда без принятия экстренных и серьезных мер по ее

восстановлению может угрожать морям и лесам экологическим бедствием.

Увы, для подобных исследований у государства нет денег. Однако любая природная катастрофа — это экстремальная ситуация и для людей. Но порой они даже этого и не предполагают.

— Население должно знать, в каком экологическом районе оно живет, — продолжал Яковлев, — какой уровень загрязнения места обитания и что его ждет в будущем. Несколько лет назад я работал под Екатеринбургом, где находится крупнейший в стране металлургический завод, недалеко от него — комбинат по производству серной кислоты. Рядом река Чусовая, пойма которой была завалена отходами этих предприятий. А вдоль берегов на протяжении пяти километров местным жителям раздали участки под огороды. Мы как раз исследовали прибрежную почву и воду реки. И обнаружили в отдельных местах превышение ПДК в десять раз. Ну о каком здоровье жителей данного района может идти речь? Ведь содержащиеся в почве и воде тяжелые металлы и токсичные вещества скапливались в овощах, которые они выращивали на своих огородах. И естественно, употребляли в пищу. К тому же там постоянно идут кислотные дожди. Именно в таких местах и необходимо в первую очередь проводить комплексный мониторинг, и не только данной территории, но и сопредельной, потому как река Чусовая разносит токсичные вещества по всему региону...

Экологический контроль призван определять и поддерживать баланс интересов человеческого общества и окружающей природной среды. В этом и суть

природоохранной государственной политики, которая и должна осуществляться с его помощью. Для наглядности попробуйте представить себе некие весы, на которых взвешиваются отношения человека и природы. Яковлев метко назвал их «весами жизни общества». На одной чаше держится экологическое качество ОПС, на другой — уровень антропогенного воздействия на окружающую природную среду. Общество, определившее уровень своего экономического развития для поддержания необходимого жизнеобеспечения, при котором будет сохраняться и благоприятная медико-демографическая обстановка в стране, вынуждено будет балансировать между необходимостью использования природных ресурсов и удержания состояния ОПС в пределах экологической нормы. И здесь функция экологического контроля заключается уже в поддержании данного равновесия посредством слежения (мониторинга) и контроля за состоянием (качеством) окружающей природной среды, с одной стороны, и контроля за уровнем антропогенного воздействия — с другой. Для этого Яковлев со своими сотрудниками и вводит в природоохранительную практическую методику градацию качества окружающей природной среды, включающую в себя пять позиций. Первая отражает наиболее благоприятное состояние ОПС, когда природная среда полностью обеспечивает свою жизнедеятельность и саморегулирование экологических систем. Вторая фиксирует устойчивость природной среды к разрушающим воздействиям, которая обладает способностью к самовосстановлению. Третья определяет состояние ОПС уже как неустойчивое к разрушительным воздействиям, однако

может восстановиться еще самостоятельно, если убрать высокие антропогенные нагрузки. Данное состояние ОПС можно считать как пограничное, когда природная среда может очиститься и в скором времени вернуть себе состояние, определяющее второй позицией, или, наоборот, потеряет способность к самовосстановлению и перейдет в четвертую, кризисную, категорию, когда необходимо применение восстановительных мероприятий.

Из этой схемы видно, что установление допустимого предела нарушения природной среды до сохранения ее способности к самовосстановлению (третья позиция) и есть принцип выделения экологической нормы.

— Мы хотим с помощью государственного экологического контроля, — подытожил Александр Сергеевич, — держать руку на пульсе состояния окружающей природной среды. Но добиться этого невозможно без комплексного мониторинга ОПС, проводить который — дело дорогое и трудоемкое. Поэтому и крайне необходимо было изобрести систему, позволяющую свести все сведения о состоянии природы в единое целое. Именно такую систему мы и предлагаем, поскольку отвечаем за организационно-методическое обеспечение государственного экологического контроля и должны регулировать отношения человеческого общества и природы методами нормирования, законотворчества. Поэтому наша система по экологическому нормированию из пяти уровней состояния ОПС и дается в помощь госэкоконтролю, чтобы была соблюдена прямая и обратная связь между уровнем воздействия или экологической нагрузки на ОПС, и изменением состояния природной среды в

целом. Только тогда мы сможем оценить и понять — государственный экологический контроль там работает хорошо, где комплексная оценка ОПС конкретного региона или природно-территориального комплекса приближается ко второй или первой позициям по нашей схеме...

Внимательные глаза Яковлева за стеклами очков вопрошающе разглядывали меня, а сам он добродушно усмехался в густую, с проседью, бороду — дошло ли?

— Если мы внедрим такие системные, комплексные нормативы в практику, — в тихом голосе Александра Сергеевича я почему-то сомнений не почувствовал, скорее наоборот, — мы совершим определенную революцию, если так можно сказать, в природоохранительном законодательстве. Нам очень нужна такая революция! Для сохранения природы в целом как среды обитания человека...

Беседа наша подходила к концу, но меня теребило остаточное любопытство в отношении небольшого штриха в биографии Яковлева, который вдруг так захотелось

Мне прояснить. Совсем недавно в одной из центральных газет академик РАН Глеб Владимирович Добровольский, президент Докучаевского общества почвоведов, назвал Александра Сергеевича Яковлева в числе лучших своих учеников. Такой знаменательный факт я не мог пропустить — мне было просто непонятно, почему перспективный ученый-почвовед вдруг вступил на неблагодарную стезю чиновника-эколога? Не спросить об этом Яковлева я уже не мог.

— Насчет эколога-чиновника, — усмехнулся Александр Сергеевич, — вы не совсем правы. Кстати, докторскую диссертацию я защитил, уже работая начальником Управления по охране почв в Министерстве охраны окружающей среды. Тогда оно так называлось. Как это случилось, что я оказался чиновником? Если честно, то я действительно готовил себя к научной и преподавательской деятельности в МГУ. По окончании университета я пришел к академику Добровольскому и прямо заявил ему, что хочу стать преподавателем. И вот уже двадцать лет я работаю со студентами в МГУ. Глеб Владимирович всячески поддерживал и укреплял во мне эту мою устремленность. Но порой жизнь требует от нас каких-то жертв ради самого дела. Так получилось и со мной. Однажды меня вызвал Добровольский и сказал, что в Министерстве по охране окружающей среды создается управление по охране почв, и мне придется его возглавить. Конечно, я не был готов к подобному повороту в своей определившейся уже судьбе. Тем более, что никогда не стремился стать чиновником и совершенно не представлял себе в качестве государева человека. Да только есть такое слово — надо! К тому же сказанное моим учителем и даже наставником по жизни, которым он был и остается для меня.

— И что, Добровольский не обманул ваших надежд?

— Для меня тогда было самым важным не обмануть его надежд. Да и теперь тоже...

Наверное, в этом вряд ли уже можно было сомневаться. Глядя на этого человека, я все больше убеждался в том, что он действительно совершит свою револю-

цию. В экологии! Сегодня чаши «весов жизни общества» удержать в равновесии сможет, очевидно, только этот фактор. И уже многим ясно, что ядерная война или трагедия Чернобыля — вовсе не единственные опасности для человечества. Разве кислые дожди, уничтожившие рыбу в озерах Скандинавии, загрязнение Ладоги, Байкала, Великих американских озер, превращение Рейна в сточную канаву, сплошные вырубki леса не предупреждают нас о том, что мы находимся на пороге «запретной черты», о чем все время напоминал в своих статьях академик РАН Никита Николаевич Моисеев? Он был убежден, что XX век войдет в историю как «век предупреждения». И сейчас главное, чтобы это предупреждение было услышано всеми. Тогда и очистительная революция в экологии совершится обязательно.

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

I

Александр Александрович стремительно вошёл в кабинет, закурил и, нервно вышагивая, заговорил безо всякого вступления, словно в продолжение разговора. Не со мной, скорее, со своими оппонентами, которым председатель Центрального правления Ассоциации «Росохотрыболовсоюз» Улитин не первый год доказывает одну и ту же истину — не предотвратив надвигающуюся экологическую катастрофу, человечество само окажется на грани гибели. И сегодня на заседании Центрального совета «Росохотрыболовсоюза», куда съехались руководители краевых и областных обществ со всей России, он тоже говорил о состоянии охотничьего хозяйства в стране, хотя обсуждалась проблема гораздо глобальнее — о состоянии дикой природы, среды обитания зверей и человека...

— Да поймите вы, не будет будущего ни у России, ни у какой другой страны мира, если земная цивилизация начнёт деградировать в результате нарушения среды обитания и в конечном итоге прекратит своё существование. Существующий мировой порядок оказался неспособным решить ни одной глобальной проблемы. Единственное, что он сподобился придумать, — насильственно выделить из всего человечества так называемый «золотой миллиард», избранных индивидуумов из стран Западной Европы, США, Канады, Японии... Остальные, естественно, обречены на вымирание.

Александр Александрович резким движением вдавил окурок в пепельницу и продолжил:

— Уже большинству учёных в мире давно очевидно, что с новым тысячелетием должно прийти и новое мировое устройство, иная модель развития общества. И единственный путь спасения человечества от глобальной экологической катастрофы видится в переходе его на ноосферный путь развития. Да, да, — энергично закивал он головой, видя моё удивление, — именно тот путь, о котором мечтал Вернадский и его ученики-последователи: Моисеев, Урсул, Маленков... Переход на разумный путь развития — это не утопия, а назревшая необходимость. Без вмешательства разума в развитие мировой цивилизации на духовно-нравственных принципах её ждёт деградация и вымирание. Ноосферное развитие базируется на чётком понимании того, что человек является частью природы и должен подчиняться её законам. Без сохранения гармонии в отношениях природы и человека невозможно продолжение и рода человеческого. Уничтожая её, мы тем самым уничтожаем своё будущее. То, что мы сегодня успешно и делаем...

Я не пытался перебить Александра Александровича неожиданным вопросом. Честно говоря, не было в этом смысла. Прав он или не прав — покажет время, мне хотелось понять этого человека, найти те корни, тот фундамент, на котором развился не только дар учёного — доктора биологических наук, академика и вице-президента Петровской академии наук и искусств (ПАНИ), члена-корреспондента РАН, но и неординарного поэта, члена Союза российских писателей, издавшего 17

поэтических сборников. Вспоминая сейчас, что рассказывал мне Улитин о себе, я никак не улавливал того цементирующего раствора, той силы, которая смогла соединить воедино в одном человеке аналитический ум исследователя, организатора, и тонкого лирика, видящего мир «глазами души». Как-то не стыковались эти две разные ветви на одном дереве...

Из одиночества в люди

Тонкий слой облаков над лесом играл зеленоватыми оттенками, переходящими сразу в красноватые и оранжевые. Казалось, что небо запылало огнём-радужой закатного солнца, которое, уходя, вдруг решило напоследок всех изумить, разукрасив иными сочными красками беспредельную синеву на востоке — это было ещё более удивительно и прекрасно, когда западная часть неба неумолимо быстро темнела.

Саша Улитин во все глаза смотрел на это чудо, не в силах отвести взгляда и забыв обо всём. Его просто распирала радость от неожиданного видения величия природы. Он не помнил, сколько оно длилось, но когда поугасли небесные краски, а облака превратились в обыденно-серые и не достигаемые для лучей закатного солнца, Саше вдруг стало грустно, потому как не видели всего этого его друзья и о чём обычными словами он рассказать им просто не смог бы. Улитин вновь ощутил внезапно заигравшую тоску одиночества, ещё не понимая, что без этого, возможно, не было бы и чуда. Радость и непонятная грусть — они как бы перемешались

в его сердце и неизвестно почему взволновали. Подобные противоречивые чувства охватывали Улитина не раз, но пройдёт много лет, прежде чем ему станет ясно, откуда шла эта непонятная двойственность. Мыслями он редко будет окунаться в своё прошлое — тяжёлое и не совсем приятное, но в то же время Саша прекрасно понимал, что от него ему никуда не деться, оно всегда будет с ним рядом, как его тень...

Чуть позже он прочитает у Михаила Пришвина: «Но самая суть чисто человеческого здоровья — это когда его неудержимо тянет сказать что-то хорошее другому человеку, как будто это даже закон: раз мне — то должно быть и всем хорошо!». Это было написано и про Сашу Улитина...

Сумрачным декабрьским днём во двор Шуйского районного дома приюта для младенцев въехали сани, запряжённые гнедой лошастью. На передке сидел бородатый мужик в тулупе, сзади — женщина в пальто, она была закутана в платок и держала на руках грудного ребёнка, завернутого в серое одеяло. Спрыгнув с саней, мужик кнутовищем стукнул в дверь и, когда та приоткрылась, охрипло крикнул:

— С села Дунилово, жильца вам нового привезли...

— Быстрее заходите, не лето, чай...

Женщина неторопливо слезла с саней, не выпуская ребёнка из рук, сделала несколько неверных шагов застывшими ногами, но у двери остановилась.

— Ты меня тут жди, — строго взглянула она на возницу, — я скоро...

В кабинете директора, куда привела её нянечка, женщина осторожно положила ребёнка на продавлен-

ный кожаный диван и, развязав платок, тяжело опустилась рядом. Затем достала бумаги и протянула их директору — молчаливой женщине лет под пятьдесят с утомлёнными глазами на морщинистом лице.

— Я из сельского попечительского совета, — наконец представилась вновь прибывшая. — Решением совета Саша Улитин, — кивнула она на неподвижный свёрток из одеяла, — неполный месяц ему и сроку-то — направляется к вам. Отец семьи погиб на фронте, а мать, Антонина Дмитриевна Улитина, перенесла после родов тяжёлую операцию... Так что пришлось двоих её старших — сына и дочь — в детский дом определять, а этого сюда. Тех временно, судя по всему, ну а Саша, — она вздохнула и почему-то поёжилась, — останется здесь, думаю...

Директор взглянула на стоявшую у двери нянечку и коротко проговорила:

— Давай, Семёновна, определяй...

Обо всём этом Александр Улитин узнает спустя годы. Именно эта нянечка и станет для него второй матерью, добродушное лицо которой и ласковые, воистину материнские руки запомнились осмысленному взору парня с самого начала. Она кормила его, укладывала спать, гуляла с ним, очевидно, как и с другими детьми. Но отложились в памяти Улитина её первые слова: «Мой Саша...». Он и считал её своей матерью, и называл её только мамой. Поэтому, когда Саше исполнилось семь лет и вместе со своими сверстниками он должен был переселиться в Луховский детский дом, главной для него бедой и несчастьем стало расставание с матерью. Он словно чувствовал, что больше её не увидит, —

она стояла у двери, поникшая и бледная, украдкой вытирая кончиком платка невольные слёзы. А воспитательница из Луховского детского дома Анна Дмитриевна, приехавшая за детьми на машине, говорила Улитину, что настоящая его мама живёт в Дунилово и они обязательно поедут к ней...

Саша ничего не понимал, вырвался из рук, и, чтобы как-то успокоить ребёнка, шофёр посадил его в кабину рядом с собой...

Года через три Улитин вместе с Анной Дмитриевной действительно поехал в Дунилово. Саша, уверенный, что они едут к той его маме, которая осталась в детском приюте, увидел вдруг чужую женщину и никак не мог понять, почему все вокруг твердят, что это и есть его мама. Он же знал совершенно другую...

И даже спустя годы, когда почти каждые школьные каникулы Саша проводил в Дунилово и как-то привык к родной матери, время от времени сердце его сжимала тоска по той, другой маме, растерянной и в слезах, и он не знал, как избавиться от этого гнетущего чувства двойственности. Но наедине с ним Улитин не мог не осознать и своего одиночества. Так бывает даже при наличии множества друзей, если душа человека развивается, стремится постичь самоё себя...

II

Ночной выстрел

Из чердачного окна сарая с выбитой форточкой хорошо был виден на снегу светлый круг от фонаря на

столбе, за которым чернели в ночи плотной стеной сосны. Улитин пригрёб ближе к окну большую охапку сена, поудобнее устроился на нём и высунул дуло охотничьего ружья в форточку. Теперь оставалось только дожждаться лисицу. В том, что она обязательно придёт, Саша почему-то не сомневался...

Сегодня утром, когда Улитин, как обычно, шёл на ферму доить коров, он вдруг увидел на снегу витиеватую цепочку следов. Было ещё темно, но, присмотревшись, Саша понял, что здесь пробежала лисица. И тут же закралась мысль выследить её и... Прекрасное чучело можно было бы сделать для детдомовской коллекции. Однако, подумав, понял, что желание его неосуществимо. Во-первых, никто ему не даст ружья, а рассказать Владимиру Алексеевичу Зайцеву, учителю по труду и отличному охотнику, так он сам отправится на лисицу охотиться. И хорошо ещё, если его возьмёт с собой.

Улитин поёжился, поднял воротник пальто, поглубже на лоб надвинул шапку и торопливо зашагал дальше. Подходя к ферме, он увидел на навозной куче двухдохлых новорождённых поросят, которых, очевидно, придавила свинья, что уже случалось. Но не их ли учуяла лисица, потому и объявилась в окрестностях детдома? Эта мысль неотступно преследовала Улитина и во время дойки, словно заноза в мозгу застряла. И все такие разрозненные вроде бы вещи: лисица — дохлые поросята — ружьё Владимира Алексеевича — как-то разом организовались в одну цепочку, связующим звеном которой был он сам. И факт охоты на лисицу показался Улитину не таким уж и не осуществимым.

Ближе к вечеру Саша уже на лыжах пошёл к ферме, взял мёртвого поросёнка и осторожно протащил его по снегу рядом со следами лисицы, не нарушая их. Теперь дело было за ружьём, которое Владимир Алексеевич хранил в шкафчике в мастерской. Открыть его не составляло труда. Взяв ружьё и два патрона, Саша завернул его в телогрейку, потом в халат и отнёс на сеновал, как назывался сарай недалеко от фермы, где хранили сено. На чердаке Улитин и спрятал ружьё. Саша надеялся, что за ночь успеет почистить его после выстрела и положить на место. Потом можно во всём и признаться, но победителей не судят...

Сейчас, сидя у окна на сене, Саша терпеливо ждал, когда появится лисица. Ему уже не так было тоскливо и обидно за то, что кто-то спалил его тетради с записями наблюдений. Фенологический дневник, как называл его Владимир Алексеевич. Результаты нескольких лет наблюдений за живой природой. Очевидно, чтобы как-то успокоить парня, Зайцев после этого и стал брать его с собой на охоту. Чем-то приглянулся учителю по труду Саша Улитин.

Детский дом, куда привезли Улитина, находился в посёлке Лух. Это было кирпичное трёхэтажное здание с двухэтажными крыльями-пристройками — бывшая барская усадьба стояла посреди соснового бора. Название посёлка осталось от времён русско-польской войны, когда польские шляхтичи так и не смогли взять приступом и осадой русскую крепость Лух. В гражданскую войну, как и в Отечественную, усадьбу занимали под военный госпиталь. В здании сохранились даже деревянные лотки, по которым прямо из операционной скидывали в

котельную ампутированные конечности солдат, где те и сжигались. Дом был окрашен в белый цвет, очевидно по медицинским нормам.

Большинство детдомовских детей послевоенной поры отличало трудолюбие, самостоятельность и чувство коллективизма. Улитин не был исключением из этого общего правила. Правда, за желанием работать, вообще что-то делать, не сидеть сложа руки Саша пытался скрыть надсадное чувство совершённого над ним насилия. То, что его лишили матери, сделало Улитина на первых порах неразговорчивым и замкнутым. Ему больше нравилось находиться в одиночестве, поэтому и искал любую работу. Однако делал всё на совесть, как и учился. Может, поэтому и обратил на него внимание Владимир Алексеевич. Да и характерами они оказались как бы схожи — Зайцев был небольшого роста, человек осторожный и сдержанный. Именно он и раскрыл Саше глаза на лес и его обитателей, заставив его по-иному относиться ко всем живым тварям. Улитин ловил ужей, мышей, птиц, кормил их зиму вместе с товарищами, а весной выпускал на волю...

Однажды на уроке русского языка они писали сочинение. Улитин сосредоточенно водил пером, совершенно не обращая внимания на ужа, который ползал у него под рубашкой. Саша и не заметил, как уж заполз в правый рукав, и как в какой-то момент его змеиная головка с быстрым языком вдруг поднялась из рукава. И надо же было, чтобы как раз в эту секунду сзади подошла учительница и, погладив его по голове, спросила:

— Ну как, всё понятно?

Саша хотел было ответить, поднял голову и увидел округлившиеся от страха глаза учительницы. Она отдернула руку и, отшатнувшись от него, почему-то на цыпочках медленно пошла к двери. Выскользнув в коридор, она пугливо заглянула в класс и сердито зашептала:

— Улитин, выйди из класса. Ты слышишь, Улитин, выйди...

От директора тогда Саше здорово досталось за то, что он таскает на уроки змей, а заодно и за мышей, снегорей — в общем, за весь живой уголок. И как ни пытался Улитин объяснить, что это всего лишь безобидный уж, это только больше рассердило директора.

Зато Сашин проступок вызвал совершенно иную реакцию у Зайцева. Встретив Улитина в коридоре, Владимир Алексеевич с усмешкой взглянул на него и сказал:

— Значит, животных любишь... Тогда их лучше в неволе не держать, они, брат, в неволе тоскуют. Ты лучше наблюдай за ними, а наблюдения свои в тетрадку записывай. А я тебе помогу...

Зайцев и научил Сашу читать по следам — где сорока проскакала, где вороны бились или обозначились на снегу следы взмахов крыльев глухарей на току, где вилась устойчивая цепочка следов лисицы... Улитину это нравилось, он бродил по лесу и записывал, когда капель весной начиналась или первая проталина обнажала пожухлую бурую траву, когда появлялись грачи, скворцы, как ведут себя поползни, что клесты своих птенцов выводят зимой... И понемногу уходила из сердца тоска, чувство одиночества, видимо хорошо из-

вестное и Зайцеву, раз он понял Сашу Улитина и нашёл верный путь к его душе. А это для детдомовца иногда становится жизненно важным...

Лисицу Улитин прежде почувствовал, чем увидел, и замер, всматриваясь в темноту. Спустя какое-то время мелькнула на снегу тень, и в ту же минуту Саша заметил на границе светового пятна настороженного зверька — лисица потягивала носом воздух, не решаясь преодолеть полосу света.

Улитин взвёл курок и прицелился. И как только лисица решилась шагнуть на свет, Саша выстрелил. Она уткнулась мордой в снег и не двигалась. Улитин выжидал — может, только ранена? Саша хотел было уже спуститься вниз, но тут услышал яростный собачий лай и гневный голос сторожа дяди Вани:

— Кто там дурит? А ну выходи, собаку спускаю...

Улитин даже сообразить не успел, как услышал злобное рычание сторожевой овчарки, ворвавшейся в сарай.

— Да это я, Улитин, — закричал Саша, понимая, что теперь ему уже не вырваться. Вредного и мстительного сторожа не любили многие, но ночью он был полновластным хозяином в детдоме и не терпел никаких ночных происшествий. А воспитатели приходили только утром. Поэтому теперь Улитин молча терпел жёсткую руку сторожа, тащившего его к дому. Там он толкнул парня в тёмную сушилку и запер дверь.

Однако Саша ни о чём не жалел и встречи с директором на следующее утро не боялся, потому как ничего плохого он не совершил, наоборот, добыл лисицу... Но в кабинете директора главным вопросом стало, где он

взял ружьё? И когда выяснилось, что ружьё-то он фактически украл, то по-иному уже смотрел на случившееся и директор. Во время разбирательства в кабинет зашёл Зайцев и попросил Сашу подождать пока в коридоре. О чём беседовал он с директором, Улитин так и не узнал. Но когда Зайцев вышел из кабинета, он сказал Саше, чтобы тот успокоился и шёл в свою комнату...

Улитин да и никто другой и предположить в то время не могли, что именно эти мрачные события повлекут за собой положительные последствия. Пройдёт совсем немного лет, и Саша вопреки заведённым в детдоме правилам, что после окончания восьми классов детдомовцы поступают учиться дальше в ремесленные училища, наотрез откажется сделать это. Узнав из газеты про Московский заготовительный техникум, где учат на охотоведов, он решил поступать только туда, хотя директор был против. И снова Улитина поддержал в его устремлениях Зайцев. Саша хорошо запомнил слова учителя по труду, сказанные им однажды во время одного из походов в лес:

— Охотник, брат, это прежде всего самый рачительный хозяин в природе. Отстреливать дичь — то не главное их дело. Главное — сохранить условия существования зверью всякому, среду их обитания, лес, тогда сохранишь природу и для людей. Она для всех одна...

И всё же окончательный выбор помог сделать Улитину Михаил Пришвин. На чердаке детдома Саша как-то наткнулся на потрёпанную книжонку, в которой недоставало нескольких листов. Его поразило название книги «Глазами Земли». Улитин прочитал её залпом, и она стала его настольной книгой на долгие годы.

«Если будет вода и в ней ни одной рыбки — я не поверю воде. И пусть в воздухе кислород, но не летает в нём ласточка — я не поверю и воздуху. И лес без зверей с одними людьми — не лес...». Эти слова русского писателя Михаила Пришвина навсегда запали в душу Саше. Больше он уже не колебался.

III

— ...Россия располагает уникальным природно-ресурсным потенциалом, — продолжал Александр Александрович, поглядывая на часы, — перерыв заканчивался. — На территории нашей страны сосредоточена треть мировых запасов природного газа, почти 14% нефти, около четверти железных руд, пресной воды, лесных ресурсов. Земельный фонд России составляет чуть ли не два миллиарда гектаров, а это превышает площади других государств мира. Да и вообще по природным ресурсам, во всяком случае по многим их видам, Россия может вполне соперничать с такими континентами, как Европа, Северная, Южная и Центральная Америка, Австралия. Надо только распорядиться разумно этими запасами. А мы лишь видим, как эти ресурсы разбазариваются...

— То есть вы знаете выход из создавшегося экономического положения в стране? — поспешил уточнить я, совершенно сбитый с толку. — Выходит, до вас никто этого не знал?

— Наоборот, всему миру известно, — отмахнулся с усмешкой Александр Александрович. — Вы знаете, почему в Кувейте или в Арабских Эмиратах высокий уро-

вень жизни у населения? Например, на Аляске каждый гражданин с момента рождения имеет в год определённую сумму. Скажем, тысячу долларов. Деньги выплачиваются населению теми нефтяными корпорациями, которые используют природные ресурсы. Они платят так называемую природную ренту. А в России народ нищий, потому как олигархи не хотят делиться с населением, присвоив себе в личное пользование природные ресурсы, принадлежащие всем. Вот почему в своей экономической политике нам необходимо переходить на рентные платежи. То, что принадлежит государству, а значит, и населению России, в качестве природного ресурса — кстати, это и животный мир тоже, — в виде платы за его использование должно поступать только государству и перераспределяться на охрану, воспроизводство, в нашем случае, и идти на укрепление социальной сферы общества. А резервы здесь довольно приличные, о которых, кстати, тоже всем известно. Смотрите, внутренний валовой продукт (ВВП) составляют 5% труда, 20% капитала и 75% природной ренты, то есть нашего с вами богатства. А что в казну идёт в виде налогов? Соответственно 75, 17,6 и 13,5%. Как вам это нравится? И если правительство изменит данные соотношения, то именно в природной ренте спасительный резерв для страны и для поправки положения благосостояния нашего народа. В нашей практике — это система зачётов и компенсаций затрат обществ охотников и рыболовов, то есть их собственных средств, на охрану и воспроизводство госохотфонда. Именно принципы ренты и соответствующих льгот мы будем защищать при

доработке части второй Налогового кодекса России в Государственной Думе...

Дамоклов меч закона

Нефтяные вышки Сургута остались позади, вертолёт летел над заснеженной тайгой, которую разделяли внизу просекой две нитки нефтепровода. Именно над ними и летел сейчас начальник Отдела охраны фауны и охотничьего надзора Главохоты при Совмине РСФСР Александр Улитин вместе с охотинспектором. Перелетая от бутика к бутику — к установочным пунктам трассы нефтяников, они искали следы браконьерства...

Неделю назад Улитина вызвали в Сельхозотдел ЦК КПСС и ознакомили с письмом, в котором сообщалось, что руководство нефтепромыслов постоянно производит хищнический отстрел лося с вертолёта. На письме стояла резолюция секретаря ЦК КПСС Пельше... Такое поручение Улитин получал не впервой. По заданию секретаря ЦК КПСС начальнику Отдела Главохоты приходилось расследовать случай браконьерства и высших армейских чинов, отстреливавших на Новой Земле белых медведей — животных, занесённых в Международную Красную книгу (МСОП). Были и другие факты. Браконьерствовали всегда чиновники крупного масштаба — руководители областей, директора предприятий... Все подобные случаи рассматривались Отделом охотнадзора, и заключения, подписанные Улитиним, ложились на стол секретаря ЦК КПСС Пельше, который возглавлял Комиссию партийного контроля. И, насколько было известно Александру Александровичу, для

провинившихся руководителей разбирательства заканчивались плачевно...

Всё это было в практике работы отдела, которая отбирала у Улитина всё время, не оставляя ни дня даже для завершения кандидатской диссертации, фактически готовой. Научным руководителем её был профессор Томилин, преподававший во ВСХИЗО. Именно Авенир Григорьевич и отметил незаурядные способности студента Александра Улитина, его целеустремлённость в достижении цели. Томилин подсказал ему и тему для диссертации — изучение ответных реакций гренландского тюленя на инфракрасное облучение и биологически активные вещества. Пять лет подряд Улитину приходилось по два месяца работать на Белом море, испытывая на тюленях действие специальных ламп и новых препаратов. За эти исследования Александр Улитин в составе группы учёных получил свидетельство об изобретении. Но главное, что работой Улитина был доволен Томилин, который и торопил его с защитой диссертации. Вчера он звонил опять, однако Улитин ничего конкретного так ему обещать и не смог...

«Давай вниз», — показал рукой пилоту охотинспектор, и Александр Александрович с трудом приметил за таившуюся среди вековых сосен избушку. Здесь просека была гораздо шире, и, взвихрив снег, пилот мягко посадил вертолёт буквально в десятке метров от охотничьего домика. Дверь его была подпёрта толстой орясиной. Убрав её, они вошли в дом, и даже повидавший немало всего Улитин был поражён — внутри изба оказалась заваленной рогами и копытами лосей. Здесь же, на месте,

они составили протокол, зафиксировав в нём приблизительное количество обнаруженных улик...

Да, получалось, что дамоклов меч партийного разбирательства, висевший над каждым советским чиновником, способен был породить только страх, но никак не ответственность. Её воспитать мог только закон, перед которым все были бы равны. Александр Александрович прекрасно понимал, что решение проблемы именно в ликвидации пробелов в охотничьем законодательстве, а если смотреть ещё глубже, то и в законе о животных. Поэтому Улитину большее удовлетворение приносила его деятельность в составе Рабочей группы Верховного Совета РСФСР по выработке законодательных актов, инициатором которых в основном он сам и был. Немало сил он вложил и в разработку Закона «Об охране и использовании животного мира», принятого в 1982 г. Верховным Советом РСФСР. Александр Александрович считал это огромной победой закона над человеческим произволом в природе. Затем пошла уже будничная, хотя и немаловажная, работа над подзаконными актами, такими, как «Кадастр животного мира», надо было готовить и соответствующие постановления по вопросам, связанным с регулированием численности животных, развитием охотопользования и его самостоятельности. Конкретная работа над нормативными документами помогла Улитину понять главное — без изучения проблем охотничьего хозяйства в целом как отрасли не решить и проблем, связанных с правильным нормированием в законодательстве. Это просто невозможно. Но работая в Главохоте, Улитин по должности своей курировал деятельность «Росохотрыболовсоюза»

— крупного российского общественного охотопользователя, обслуживающего около 17% всех охотничьих угодий России. Трения между руководством Главохоты и «Росохотрыболовсоюзом» тогда ещё не были превращены в непримиримую борьбу. Организация общественного охотопользователя существовала за счёт собственных средств, приносила немалый доход государству и всеми своими действиями способствовала сохранению и воспроизводству не только диких животных, но и среды их обитания. Здесь в основном всё регулировалось экономическими соображениями, насколько это позволяла система, а в Главохоте признавали более действенными в управлении волевые решения. И Александр Александрович постепенно принимал сторону «Росохотрыболовсоюза», убеждая руководство всех уровней, что уже результатами своей деятельности они доказали, какие методы лучше для рационального использования природного ресурса. Говорил он это неоднократно и в ЦК КПСС, защищая именно и государственные, и общественные интересы...

Из командировки в Сибирь Александр Александрович вернулся здорово уставшим и опустошённым. Однако сон не шёл. Он сел к столу и мысли потекли сами собой:

Душа небывалой соперницей
Любить заставляет всерьёз,
И сущее множит и вертится
Среди заклинаний и слёз...

Строчки стихотворения ложились на бумагу, и одновременно уходило их сердца гнетущее беспокойство, тоска. Сам он вряд ли понимал, что с ним происходит, да он и не думал об этом. Хотя несколько и удивился, потому как настроение его явно не было лирическим...

А утром Улитина вызвали в ЦК КПСС, но совсем не по делу о браконьерстве. Ему предложили возглавить Ассоциацию «Росохотрыболовсоюз». На Центральном совете это предложение было поддержано, а спустя год Съезд утвердил А. А. Улитина председателем Центрального Правления Ассоциации «Росохотрыболовсоюз». Он с головой окунулся в работу. Свою кандидатскую диссертацию Александр Александрович защитит лишь спустя три года.

Тогда он ещё и предположить не мог, что работа его в Ассоциации заставит вообще по-новому взглянуть не только на охотничье хозяйство, но и на проблему сохранения дикой природы. Выводы свои Улитин изложит в докладе Московскому отделению Петровской академии наук и искусств (ПАНИ), который и станет основой его докторской диссертации «Экономические, экологические, правовые проблемы развития охотничьего хозяйства в условиях обеспечения охраны охотничьих животных». Здесь уже Улитин убедительно показал и прошлое охотничьих хозяйств России, и их настоящее в условиях развала вследствие так называемых «экономических» реформ; он сумел в ней отразить и пагубность отсутствия в природопользовании государственной политики, надлежащей координации между федеральной властью и региональными властями, а также отсутствие законодательного закрепления надлежащих прав охо-

топользователей, которые давали бы им возможность развиваться в рыночных условиях; приводился анализ существующего налогового законодательства, мешающего этому развитию, а затем очень ясно показал и роль науки для охотничьего хозяйства как самостоятельной отрасли...

IV

Заседание Центрального Совета закончилось поздно, но дела всё не отпускали Улитина — продолжались телефонные звонки, толпился народ в кабинете... Однако чувствовалось, что Александр Александрович здорово устал, да и день у него был довольно напряжённым. Он всё больше хмурился и как-то односложно и вяло отвечал на вопросы. Увидев, что я заметил перемену в его настроении, Улитин тихо признался, что усталость тут ни при чём, а выяснились обстоятельства, которые любого могут привести в уныние, правда, от него они этого не дождутся. Как оказалось, вместе с доктором экономических наук, профессором и академиком РАЕН Н. Н. Лукьянчиковым и доктором биологических наук, академиком ПАНИ В. А. Кузякиным они разработали «Концепцию государственной налоговой политики», где речь шла как раз о природной ренте, то есть о формировании доходной части бюджетов, федерального и региональных, за счёт платежей за природные ресурсы, доходами от которых сейчас пользуется лишь небольшая группа людей, хотя все ресурсы в стране по закону принадлежат государству, а значит, всем. Проект этой Концепции и экономическое обоснование некоторых

главных её положений разработчики отправили заместителю Председателя Правительства РФ В. Б. Христенко и спикеру Государственной Думы Г. Н. Селезнёву. Из Правительства ответа пока не поступало, а вот председатель нижней Палаты Парламента России дал указание соответствующим фракциям и Комитетам проработать предложения учёных.

— Стала известна первая неофициальная реакция некоторых депутатов Госдумы, — со вздохом проговорил Улитин, — крупных бизнесменов. Ознакомившись с нашей Концепцией о природной ренте, они заявили, что, если такой закон пройдёт, тогда, мол, в этой стране им делать нечего. Вы представляете?

Александр Александрович машинально достал из пачки сигарету, но, видимо, сразу забыл о ней.

— Любопытный факт, задумчиво заговорил он снова. В 1992 году Россия вместе со 178 государствами подписала на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро несколько программных документов, которые определяли согласованную международную политику по обеспечению устойчивого развития и сохранению биосферы Земли. И что вы думаете? А США отказались подписать эти документы. Они привыкли жить за счёт природных ресурсов других стран, в том числе и России... А у нас денег нет в государстве на борьбу с волком и браконьерством, всё на общественные организации свалили...

Улитин снова замолчал, теперь надолго, думая о чём-то своём. И я не мешал ему.

— Лет десять назад, — наконец-то прикурив, сказал Александр Александрович, — я написал стихотворение, где есть такие строки — Земля вне закона. Она

полигон для судеб. Мы в космосе дома. И так не наде-
лать бы бед... — он невесело усмехнулся, — получается,
накаркал...

Я слушал немного резковатый голос Улитина, и
вдруг вспомнил, как при чтении сборника стихов Алек-
сандра Александровича меня всё время преследовало
ощущение чего-то нереального. Но я никак не мог по-
нять, в чём тут дело. И только теперь я осознал, что ме-
ня поразило в творчестве Улитина — это почти явное
отсутствие стихов о природе в прямом смысле этого
слова. У него все стихи были о любви. Я бы даже назвал
поэта Александра Улитина любовным лириком. Могло
ли такое быть случайностью? Теперь же, зная о нём не-
сколько больше, я наконец-то понял, что Улитин на сво-
ей должности, а значит, и в жизни занимается не просто
спасением дикой природы от людского произвола, он
ещё и бескомпромиссный борец против дикой природы
в самом человеке. А на это способен только тот, кто
одержим неистощимой силой любви ко всему живому.
Очевидно, светлое чувство любви и есть то связующее
качество в его натуре, которое сделало личность Улити-
на цельной и неразделимой. Именно любовь способна
была родить в его душе справедливое чувство жалости
к «братьям нашим меньшим». Именно любовь подвела
его к мысли о правильности и необходимости ноосфер-
ного пути развития России. И я теперь знаю точно, что
главное здесь всё-таки не сфера Разума — это постфак-
тум, следствие работы и духовного продвижения сферы
Души. И что именно сфера Души вмещает в себя сферу
Разума, ноосферу бытия — будущего и России, и всего
человечества.

ВОЛКИ

Снежная поляна, залитая лунным светом, изумрудно посверкивала, и лишь черная тень одинокого корявого дерева непонятным иероглифом перечеркивала ее посередине. Мороз трескуче отзывался в лесу, когда Юрий Васильевич останавливался, и замирал хруст его шагов в провальном глубоком снегу. И вдруг эту ночную зимнюю идиллию нарушил протяжный и вызывающе голодный волчий вой. Как предупреждение заблудившемуся путнику или, может, чтобы нагнать страху и тем самым обезоружить его и превратить уже в потенциальную жертву. А скорее всего, волчий вой собирал стаю для охоты, потому как в следующую минуту со всех сторон раздалось ответное подвывание волков, готовых на все ради собственного выживания. И как бы в подтверждение этой ужасающей мысли Юрий Васильевич увидел в темноте леса вспыхивающие угольками глаза зверей. Они бесшумно приближались, охватывая его в кольцо, и подгоняемые душераздирающим воем. Вот уже совсем близко мелькнули на снегу волчьи тени с горящими точками безжалостных глаз, заметались по поляне, разрывая лунный изумруд снега...

I

Звон будильника разрушил эту мрачную картину, и Зайцев рывком поднялся с постели, уже соображая, что это был только сон. Сон, который за последний месяц повторялся несколько раз. И чего он привязался —

Юрию Васильевичу было непонятно. Правда, председатель Гагаринского общества охотников и рыболовов прекрасно помнил, что в подобной ситуации он как-то оказался, нервы попортил, но не настолько, чтобы таким страхом случившееся могло запасть в душу. Тем более, сейчас лето, и его дела и заботы связаны с рыбным хозяйством, которым он продолжал руководить и будучи избранным председателем районного Общества. Вот и сегодня предстояла встреча главы районной администрации Иванова с начальником Смоленского охотуправления Сидоренковым. Они должны были решить вопрос выделения охотугодий районному Обществу. Значит, обязаны будут и его выслушать. Поэтому Зайцев с утра вызвал в контору председателя ревизионной комиссии Гагаринского РООиР Сергея Даниловича Кузла, с которым и надеялся увидеть Сидоренкова и Иванова. Хотя что-то подсказывало Юрию Васильевичу, что их встреча может и не состояться. Правда, это будет уже означать, что обществу охотников и рыболовов третий год подряд Смолоблохотуправление отказывает в выделении охотугодий совершенно незаконно, попирая права полутора тысяч охотников. Тогда уж точно можно будет сказать, что обращение Зайцева от их имени в Общественную приемную Главного Федерального Инспектора по Смоленской области Рудаку Н. В. не помогло — чиновники оказались сильнее.

Вот почему теперь Юрий Васильевич вплотную занимался рыболовным хозяйством, строительством баз, а тут уж без спонсорской поддержки вряд ли можно было обойтись. Сегодня как раз из Смоленска должны были приехать два предпринимателя, с помощью кото-

рых строилась база в Выродово. Виктора Ивановича Ильина и Геннадия Васильевича Блюма Зайцев знал давно — рыбаки, охотники, а главное — люди честные и открытые.

Они подъехали к конторе районного охотбщества часов в пять вечера, застав Юрия Васильевича не в самом лучшем настроении. Как тот и предчувствовал, они с Кузюло на встречу с начальником Смолоблохотуправления так и не попали. Теперь жди очередную отписку, которых у него накопилась целая папка. Третий год подряд районное общество направляет в Смолоблохотуправление свои заявки на предоставление им охотугодий, а их либо не принимают под разными надуманными предлогами, либо не рассматривают. А когда Зайцев пожаловался на незаконные действия и волокиту Сидоренкова А. А. в Департамент по охране и развитию охотничьих ресурсов МСХ России, то заместитель руководителя Департамента А. А. Тихонов в своем письме за № 12-02-15\ 257 от 27.02.2003 г. заверил председателя Гагаринского РООиР в том, что не выделяют ему охотугодья правильно, потому как «в соответствии с Федеральным законом «О животном мире» долгосрочные лицензии на пользование объектами животного мира выдаются только юридическим лицам. Учитывая, что Гагаринское районное общество охотников и рыболовов не является юридическим лицом, решить вопрос о предоставлении ему права пользования охотничьими животными в рамках действующего законодательства не представляется возможным до оформления статуса юридического лица». Коротко и очень убедительно, хотя Свидетельство о государственной регистрации серии

67 № 000082014 юридического лица Гагаринского районного общества охотников и рыболовов было выдано Управлением юстиции Смоленской области 31 августа 2000 г., которое, как там сказано, «подтверждает постановку юридического лица на учет 15 декабря 1993 г. по месту нахождения в Инспекции МЧС РФ по Гагаринскому району». И о чем хорошо было известно начальнику Смоллохотуправления Сидоренкову А. А. Ведь в письме Главному Федеральному инспектору по Смоленской области Н. В. Рудаку заместитель Главы Администрации Смоленской области Северинов В. И. утверждает, что «... заявка на получение в пользование объектов животного мира в Гагаринском районе от юридического лица «Гагаринское районное общество охотников и рыболовов» в адрес Смоллохотуправления и Администрации области с января 2001 года и до конца апреля 2003 года не поступала». Подобную информацию мог предоставить в областную Администрацию только Сидоренков А. А. Но он обманул руководство области, как и МСХ РФ, потому как заявки от Гагаринского РООиР за указанный период поступали в Смоллохотуправление постоянно и правильно оформленные. А обманывать приходилось, очевидно, по одной лишь причине — иных «законных» оснований не выделять Гагаринскому РООиР охотугодья более двух лет у Сидоренкова А. А. просто не имеется. Зато своей чиновничьей властью он все это время лишал полторы тысячи охотников своего законного права на охоту в родных угодьях. В другие же их с билетами Районного охотобщества начальник Смоллохотуправления «велел не пущать», пока не выйдут из общества и не получат госби-

леты. Об этом напрямую было заявлено представителем районной администрации Гришутиным В. П. на заседании Совета Гагаринского РООиР 27 марта 2003 г. Он недвусмысленно предложил упразднить Районное общество охотников и рыболовов и на его базе организовать муниципальное охотничье унитарное предприятие, которому сразу же будут выделены охотугодья. Последовавший за этим взрыв возмущения председателей первичных охотколлективов заставил покинуть собрание как представителя районной администрации Гришутина В. П., так и председателя Районного общества охотников и рыболовов Деменкова Е. С., выступавшего тоже за выход гагаринских охотников из Областного общества. Зато Солдатенкову это очень не понравилось, и он решил своими методами укротить зарвавшихся, по его мнению, охотников — членов Общества...

II

Невольно отягощенный такими воспоминаниями, Юрий Васильевич и подъезжал на машине к строящейся на берегу залива рыболовной базе в Выродово вместе со своими гостями из Смоленска. Здесь над обустроенными вагончиками оставалось подвести крышу, и Зайцев начал уже делиться своими задумками со спонсорами, как вдруг услышал со стороны водохранилища далекий шум моторной лодки.

Зеленая моторка вылетела из-за поворота реки и, круто развернувшись в заливе, на полной скорости ушла, огибая прибрежные камыши, по красноватой от закатного солнца водной глади Вазузского водохранили-

ща. Это произошло так быстро, что Юрий Васильевич не успел даже рассмотреть четверых мужиков, сидевших в лодке. Местных жителей, кто увлекался рыбалкой, он почти всех знал, как и они его. И такое поспешное исчезновение неизвестных при виде Зайцева могло означать только одно — браконьеры.

Размышлять было некогда. Оглянувшись на базу, где копошились плотники, возводя крышу строящегося домика, Юрий Васильевич бросился к стоящей у берега моторной лодке.

— Геннадий, Виктор...

Блюм и Ильин поняли его мгновенно — в одиночку браконьеров не ловят. Во время весеннего нереста рыбы вообще запрещено использовать моторные лодки, за исключением инспекции рыбоохраны и егерей культурного рыболовного хозяйства. Поэтому браконьеры орудовали всегда по ночам — ставили сети и раненько утром опорожняли их. А тут такая наглость! Догнать бы только...

Однако лодка браконьеров мирно покоилась рядом с прибрежными водорослями всего в километре от базы Выродово районного общества охотников и рыболовов. Рядом в обе стороны по водной глади тянулись пунктирной синей строкой поплавки сетей. В открытую! В лодке стояли четверо мужчин и спокойно наблюдали за приближающейся моторкой.

— Вот так встреча, — невольно вырвалось у Юрия Васильевича.

В лодке он увидел начальника Смоленского облхотуправления Сидоренкова, районного охотоведа Романова, его заместителя егеря Петрова и охотника из

села Карманово Зайцева, который сидел за рулем — это была его лодка.

— А я думал — браконьеры, ребят на подмогу с собой взял...

Они мрачно смотрели на председателя Гагаринского общества охотников и рыболовов и заведующего культурным рыболовным хозяйством, фактически полноправного здесь хозяина, и молчали.

Поначалу Юрий Васильевич чуть не расхохотался от неожиданности при виде начальника Смолоблохотуправления. Они с Кузло четыре раза мотались на машине в районную администрацию в надежде, что Иванов и Сидоренков их примут. Тщетно! А потом им сказали, что Сидоренков уехал. Думали, в Смоленск, а он вон где оказался — рыбу ловит.

Юрий Васильевич лихорадочно соображал, что предпринять. В лодке у них пусто, насчет сетей могут сказать, что чужие, сами, мол, только что обнаружили... Он рывком завел мотор и направил моторку в обратную от базы сторону.

— Ты что, — с растерянным видом закричал Ильин, — браконьеров отпускаешь?

— Нет, — не вдаваясь в подробности, отрицательно качнул головой Юрий Васильевич. Теперь он знал, что предпринять. Если это их сети, то с уловом они поплывут в сторону 21-й насосной станции ВГТС, а там уже пересядут в машины. В Никольском заливе он их и подождет. Хотя из этой затеи тоже может ничего не выйти.

Зайцев аж зубами скрипнул от досады. То, что начальство районного Охотуправления браконьерствует, предполагали давно, да вот поймать с поличным все не

удавалось. Теперь такой случай представлялся — уличить в незаконном лове рыбы начальника Смолоблохотуправления и районного охотоведа, а сам он без документов — украли.

Случилось это несколько дней назад, когда Юрий Васильевич ехал на базу в Выродово. После дождей дорогу развезло, и машину ему пришлось оставить в поле, а самому идти на базу пешком. За подмогой. А когда вернулся с людьми, машины на месте не оказалось. Пришлось вызвать милицию, было возбуждено уголовное дело о краже автомобиля «Жигули» одиннадцатой модели. Да только в нем находились все его документы, кроме удостоверения общественного инспектора, которое года два назад сам районный охотовед Романов ему и выдал. Но предъявлять его смысла не было — тот давно грозился при случае отобрать удостоверение. Теперь же, в присутствии самого Сидоренкова, он обязательно осуществит свою угрозу. И попробуй потом что докажи. А им наверняка известно, что он без документов.

Хорошо еще ребят догадался с собой взять. Блюм и Ильин, смоленские коммерсанты, помогавшие материально в обустройстве баз в Выродово и Игурово, теперь станут в случае чего свидетелями. Ведь рыбу Романов ловил сетями, очевидно, для Сидоренкова, не иначе...

Зайцев направил лодку к берегу и заглушил мотор. Здесь и объяснил своим попутчикам всю сложность складывающейся ситуации. Но и отступать не хотелось, хотя понимал, что подобный поворот мог поставить крест и на выделении обществу охотугодий, которых он

добивается третий год, и на организации промыслового отлова рыбы тоже.

ИЗ БИЗНЕС-ПЛАНА ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ГАГАРИНСКОГО РАЙОННОГО ОБЩЕСТВА ОХОТНИКОВ И РЫБОЛОВОВ: «Площадь Вазузского водохранилища в пределах Гагаринского района 5150 тыс. га, Яузского водохранилища — 51—тыс. га. Большое количество впадающих рек открывает взору красивейшие места. Береговая линия этих водоемов, протяженностью более 500 км, представляет собой дикие, необжитые места...

В настоящее время на Вазузском водохранилище находятся 2 рыболовные базы — д. Игурово и д. Выродово. На Яузском водохранилище — одна, в районе бывшей деревни Ястребы. На территории рыболовной базы Игурово имеется 2 кирпичных домика на 19 спальных мест. Ведется капитальный ремонт инкубационного пункта, на котором в 2004 году планируется воспроизводство леща, щуки и судака для пополнения рыбных запасов данных водоемов. Почти достроены баня и причал. Около домиков стоят летние беседки, оборудованы площадки для кострищ, где имеются мангалы и коптильня. Есть на базе и хозпостройки. Планируется построить дом для работников базы и благоустроить ее территорию. Также имеется лодочная станция с 17 весельными лодками, моторные лодки.

На территории рыболовной базы Выродово стоят два железнодорожных вагона по 14 м длиной. В данное время идет строительство террасы и ломаной крыши под второй этаж. Планируется оборудовать и благоустроить каждый вагон на 20 спальных мест. Строится при-

чал для весельных и моторных лодок. Территория базы благоустраивается и озеленяется.

На территории рыболовной базы Ястребы ведутся начальные работы по строительству и благоустройству. Здесь находятся два железнодорожных вагона по 17 м длиной, в каждом планируется создать по 10 спальных мест. Начали строительство причала и лодочной станции. Поданы заявки в администрацию на выделение земельных участков под строительство рыболовных баз в районе д. Пудыши, д. Савино, д. Хреновая, а также под строительство охотничьей базы в районе д. Коренское. Там же планируется построить стрельбище для стендовой и траншейной спортивной стрельбы. Ведутся переговоры и оформление документов по открытию промыслового отлова рыбы в водоемах КРХ. Исходя из заключения рыбохозяйственного обоснования по рыбохозяйственному использованию КРХ Гагаринского РООиР (Вазузское и Яузское водохранилища), проведенного ГОСНИОРХ в 2000 г., следует, что в целях более полного освоения ресурсов водохранилищ и улучшения качественных показателей рыб предоставляются возможными следующие пути:

1. Интенсификация любительского «промысла». Сырьевые ресурсы водохранилищ позволяют увеличить нагрузку в 2-3 раза.

2. Организация промыслового отлова рыбы. Объем вылова может составить 250 тонн.

На основании проведенных исследований был сделан вывод о том, что природные условия водохранилищ позволяют превратить их в высокопродуктивные лещево-судачьи водоемы с возможной рыбопродукци-

ей в 40-50 кг\га. Ведутся предварительные переговоры о строительстве рыбоперерабатывающего завода. Гагаринское РООиР планирует открыть для местного населения торговые точки по сбыту вылавливаемой рыбы. Для более полной и плодотворной работы по зарыблению водоемов, а также сбыту выращенного малька, воспроизводимого на инкубационном пункте, необходимы пруды. Сейчас ведутся переговоры о передаче Гагаринскому РООиР бесхозных и неухоженных прудов, которых в районе предостаточно.

Также Гагаринскому РООиР хотелось бы получить в пользование р. Гжать в пределах города и плотины. При наличии в охотобществе 1500 охотников и рыболовов имеется реальная возможность в порядке трудоустройства привлечь их для работ по благоустройству и на строительство объектов. Гагаринское РООиР взяло бы на себя ответственность по зарыблению реки, ее саночистки, открытию лодочной станции и пляжа в районе Красного берега, а также контролировало бы состояние самой плотины.

При поддержке Гагаринской администрации охотобщество может изыскать возможности по развитию туризма и спортивного рыболовства. Показательно, что Гагаринское РООиР является бронзовым призером России в личном зачете по подледному лову рыбы, а в командном находится на 5 месте; также занимает 2 место по области. При создании определенных условий и строительстве гостиниц на водоемах КРХ можно будет проводить как российские, так и международные соревнования по рыбной ловле...»

III

Зеленая моторка Романова показалась на спокойной глади залива где-то через полчаса. По надрывному реву мотора Юрий Васильевич понял — груженная рыбой и сетями. Теперь как Сидоренков и компания себя поведут — пролетят на скорости мимо, зная, что Зайцев обязательно погонится за ними, а значит, и увидит, как они будут перегружать рыбу в машину, или догадаются подойти к ним сами и каким-то образом выкрутиться из щекотливого положения. Наглость Романова Юрию Васильевичу была известна, того, очевидно, окрыляла безнаказанность «под крышей» самого начальника Смолоблохотуправления. Иногда даже трудно было понять, почему таким людям доверяется охрана природы! Ведь всем в округе, скорее всего, известно, вплоть до Губернатора области, что они из себя представляют.

Да, непростые все-таки процессы происходят сейчас в российском обществе. Иногда Зайцеву невольно вспоминался тот день, когда два его члена общества, рыболовы-любители Андрей Олихов и Владимир Ульянов, которых он знал не менее лет десяти, вдруг объявились на рыболовной базе в Савино с Николаем Алексеевичем Ефремовым. Это был руководитель московской строительной фирмы, пожелавший купить дом в деревне. После охоты на уток они поехали ловить рыбу на Яузское водохранилище. Там судак хорошо ловился «на кружок» и на спиннинг. Тогда они просто обловились судака, а когда уже вечером сидели за ухой на базе, Николай Алексеевич и поведал Зайцеву о своем желании построить в этих местах дачу. Мол, база — это

хорошо, но хотелось бы приезжать сюда на отдых в собственный дом. Тем более, что такие красивые места здесь...

А спустя несколько месяцев, когда они вот так же сидели в столовой на базе, Николай Алексеевич вдруг сказал Зайцеву:

— Вижу, проблем у тебя хватает. Может, помощь какая требуется, ты только скажи...

Помощь... Тогда у Юрия Васильевича обнажилось вдруг столько прорех в его хозяйстве, что он даже не знал, за что в первую очередь хвататься. Только в Игурово надо было заканчивать строительство базы, в первую очередь здесь необходима баня, да и с реконструкцией инкубатора тянуть было уже просто невозможно, иначе само здание развалится по швам. И это только по одной базе...

— Ну и сколько на инкубатор надо денег? Как я понял, это первоочередная твоя задача.

Сколько! Да если бы он знал, что за любую тысячу рублей, вложенную в обустройство базы, Зайцев готов был в ножки поклониться хорошему человеку. Да только научен был горьким опытом, когда предлагали ему немалые деньги, но условия ставили не приемлемые. Потому и сейчас Юрий Васильевич только пожал плечами — мол, сколько пожертвуете, столько мы и отработаем.

— Пять тысяч долларов пока хватит? Больше сейчас дать не могу...

Ни тогда, ни после Николай Алексеевич не поднимал вопроса личной выгоды вкладываемых средств, он лишь предупреждал Зайцева, что иногда будет приез-

жать с друзьями на рыбалку или охоту. И Юрий Васильевич согласился. Оказалось, что и среди фирмачей встречаются люди, которым почему-то хотелось сделать что-то хорошее и для общества, независимо от того, принесет это им финансовую прибыль или нет. Но выгода для общества была ощутимой. На эти деньги Юрий Васильевич не только капитально отремонтировал инкубатор и построил баню, но и закупил икры судака для зарыбления водоемов.

Честных и порядочных предпринимателей среди членов Общества охотников и рыболовов оказалось не так уж и мало. Недалеко от рыболовной базы Ястребы находилась дача заместителя генерального директора завода «Рубин» Геннадия Ивановича Станчика. И однажды в разговоре с директором базы Александром Александровичем Глебовым он предложил свою финансовую помощь обществу. Заинтересованность его простая — у него есть катер, который должен быть под присмотром и стоять у причала. Для этого он готов дать деньги на его строительство. Сегодня сооружение причала уже завершается, однако Геннадий Иванович предложил осуществить совместно и строительство на берегу мастерских и гаражей, где можно было бы хранить зимой лодки. И ни слова о выгоде.

Или Андрей Керш и Геннадий Калинин, члены Гагаринского РООиР, которые помогают строительству баз металлом, топливом, выделяют средства на зарыбление водоемов. Благодаря таким людям, которых Зайцев мог бы назвать более семидесяти человек, в 2001 г. в Яузское и Вазузское водохранилища было выпущено 643 кг рыбопосадочного материала толстолобика и бе-

лого амура, а в 2002 году — оплодотворенной икры судака 2 млн штук и 350 кг годовичка карася. А есть рыба, будут и рыбаки. За два года рыболовных путевок было продано Гагаринским районным обществом на 1,5 млн рублей, а в этом году только за семь месяцев — на 1,06 млн рублей.

Поэтому районная администрация и пытается всеми способами прибрать к рукам налаженное и прибыльное КРХ. Причем, самым законным и благовидным способом — организацией в районе Гагаринского национального парка. Как раз на территории бывших охотугодий Общества, тем самым избавившись от него. Нет охотугодий — нет и Общества охотников и рыболовов. А раз так, то и их рыбным хозяйством станет заведовать районная администрация. Да только вот многие деловые люди почему-то не хотят иметь с ними дело. И там никак не могут взять в толк, почему спонсоры решили помочь председателю районного общества охотников и рыболовов Зайцеву в организации промыслового отлова рыбы на водохранилищах и строительстве цеха по переработке рыбы, а им, чиновникам, в любой финансовой помощи отказали.

Юрий Васильевич прекрасно помнит, как он пришел к заместителю Главы районной администрации Александру Анатольевичу Гринкевичу вместе со своими спонсорами. А что он услышал в ответ? Мол, в промотлове рыбы вынуждены отказать, потому как есть еще желающие участвовать в таком деле, так что будет устроен конкурс... Зайцев просто рот раскрыл от изумления. Районное общество охотников и рыболовов обладает лицензией на развитие КРХ вплоть до 2005 года, и

по закону имеет право организовать промышленный отлов рыбы вне всякого конкурса. Более того, производство по переработке рыбы давало бы немалый доход и в районную казну, да и свежей рыбой общество могло обеспечивать жителей города и района круглый год. Но, видимо, улучшение жизни народа районную власть мало беспокоило...

— Смотри-ка, сюда плывут, — усмехнувшись, негромко произнес Ильин, в изумлении качнув головой.

Юрий Васильевич и сам уже это понял. Видимо, Сидоренков правильно оценил ситуацию и решил вернуть ее в свою пользу.

Заглохшая на подходе моторка охотника из Карманово, накренившись, дала крутой вираж, и закачалась на поднятой волне. На носу лодки, отливая синевой, лежали дорогие финские сети, мокрые, с зелеными вкрапинами водорослей. На дне трепыхались десятки карасей и лещей — улов был приличный.

— Здравствуйте, Евгений Григорьевич, — Зайцев обратился к Романову, будто не замечая Сидоренкова, который исподлобья мрачно поглядывал на председателя районного общества. — Я вижу у вас в лодке шикарные сети, да и рыбы немало. Значит, вы должны иметь и соответствующие документы. Если сети чужие, то предъявите протокол или акт об их изъятии. Ну а если сети ваши, то вы попались на браконьерстве...

Юрий Васильевич заметил, как при этих словах полное лицо Сидоренкова началось медленно наливать кровью. Остальные угрюмо молчали, и лишь Романов, ухмыляясь, произнес:

— Ну, предположим, есть у меня документы. А кто ты такой, чтобы я тебе их предъявлял?

— Что, не узнали? — решил ему подыграть и Зайцев. — Я председатель Гагаринского общества охотников и рыболовов, заведующий КРХ. К тому же, вот удостоверение общественного охотинспектора, выданное вами лично. Запомнили?

— Так, давай сюда, посмотрим, что ты нам подсовываешь...

— В руки не дам...

— Тогда и я тебе никаких документов предъявлять не буду.

— А я прошу предъявить документы на сети, — посерьезнел сразу Зайцев, — вот при двух свидетелях из Смоленска. Иначе я имею право считать, что вы ловили рыбу браконьерским способом для Сидоренкова. Тем более, что всем известно — такие сети у нас браконьеры не используют.

Глаза районного охотоведа злобно сузились, а начальник Смолоблехотуправления стал красным, как рак — свидетелей они, видимо, не учли. И тогда Романов разразился криком, что они, мол, сами сетями рыбу ловят, сами браконьерствуют, вот проверят сейчас «кошкой» и тогда по-другому поговорят с председателем общества...

И только тут до Зайцева дошло, что все они были, видимо, крепко выпивши, потому, вероятно, и Сидоренков в разговор не ввязывался — боялся себя выдать непонятым свидетелям инцидента.

А Романов действительно бросил за борт «кошку», рванул мотор, и лодка пошла по заливу в поисках несущейся...

ществующих сетей председателя Районного охотобщества.

Однако через пять минут моторка уже с ревом повернула в сторону канала и вскоре пропала из виду.

— Да, подобного поведения от областного руководства я не ожидал, — ошарашенно произнес Блюм.

— И ты это дело так оставишь? — с возмущением спросил Ильин.

— Нет, — бросил Зайцев, набирая по мобильнику телефон районного рыбинспектора Николая Павлова. Но дозвониться до него сумел лишь спустя минут сорок, когда они вернулись на базу в Игурово. Объяснил ситуацию и попросил подъехать на 21-ю станцию ВГТС, проверить лодку охотоведа. Однако Павлов опоздал. Сидоренков с компанией уже ехали на двух машинах по дороге в Гагарин, и досматривать их без сотрудника ГАИ не имел права.

— Придется писать письменное заявление в прокуратуру и милицию, — сказал Зайцев, взглянув на Ильина, — если подтвердите факт браконьерства...

IV

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, УТВЕРЖДЕННОГО НАЧАЛЬНИКОМ ГАГАРИНСКОГО ГОВД ПОЛКОВНИКОМ МИЛИЦИИ ШЕ-МАНЦОВЫМ А. Ю. 2 ИЮНЯ 2003 Г.: «Исполняющий обязанности дознавателя Гагаринского ГОВД ст. лейтенант милиции Ковалев П. В., рассмотрев материал проверки по КУП 407 от 23 мая 2003 года, УСТАНОВИЛ:

23 мая 2003 г. в Гагаринский ГОВД из прокуратуры поступило заявление И. О. председателя Гагаринского РООиР Зайцева Юрия Васильевича с просьбой привлечь к ответственности лиц, нарушивших постановление Главы администрации Смоленской области, запрещающее лов рыбы в период весеннего нереста.

Проведенной проверкой установлено, что 13 мая 2003 г. примерно в 19-00 часов Зайцев Ю. В. вместе с Блюмом Г. В. и Ильиным В. И. находились на берегу Вазузского водохранилища в д. Выродово Гагаринского района. В это время Зайцев Ю. В. увидел, как в их сторону идет моторная лодка, но не доходя до берега лодка развернулась и пошла обратно. Решив, что это браконьеры, Зайцев Ю. В. принимает решение догнать нарушителей. Выйдя из Выродовского залива, Зайцев Ю. В. обнаруживает данную лодку недалеко от берега. Подойдя к данной лодке, Зайцев Ю. В. видит, что в лодке находятся ни кто иной, как начальник Смолоблхотуправления Сидоренков А. А., начальник Гагаринского райохототделения Романов Е. Г., инспектор Гагаринского райохототделения Петров А. Г. и общественный инспектор Гагаринского райохототделения Зайцев С. И. после чего, поздоровавшись, Зайцев Ю. В. уходит на лодке в сторону 21 насосной станции ВГТС. Дойдя до Никольского залива, Зайцев Ю. В. решает дождаться данную лодку. Через некоторое время он видит, как лодка под управлением Зайцева С. И. идет в его сторону. Подойдя к его лодке, Зайцев Ю. В. видит на мысу снятые сети и просит предъявить ему документы на данные сети. Романов Е. Г. предъявил Зайцеву Ю. В. свое удостоверение личности и сказал, что соответст-

вующий акт об изъятии составлен, но он покажет его только после того, как Зайцев Ю. В. предъявит ему свое удостоверение личности. На что Зайцев Ю. В. ответил, что документов у него нет, т. к. накануне их у него украли. После этого Романов Е. Г. сказал, что никаких документов на рыболовные сети он ему не покажет и, заведя мотор, они ушли на 21 насосную станцию ВГТС, а Зайцев Ю. В. остался на водохранилище.

Вышеуказанное подтверждается материалами проверки.

В действиях вышеуказанных лиц отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренные ст. 256 УК РФ...»

Когда Юрий Васильевич получил это официальное послание, то призадумался. Романов и Сидоренков знали его, что называется, в лицо, так как все они работают в охотхозяйствах не один десяток лет. И если председатель Гагаринского РООиР, выполняя свой профессиональный, общественный и гражданский долг, при свидетелях фактически уличил в браконьерстве тех, кто государством поставлен на стражу порядка и закона в охотугодьях, то почему правоохранительные органы так отреагировали на его заявление? Или в который уж раз власти дают понять Зайцеву, что закон для генеральских погон — что дышло, куда чиновнику надо, туда он его и повернет? Непотопляемый резерв Государственной охотинспекции! Пора бы уж уяснить председателю общества, а ему все нейдет, все закон защищает, справедливости хочет при рыночной-то экономике. Поэтому и не имеет до сих пор охотугодий, не может догово-

риться ни с районной администрацией, ни с областной. Значит, и армию неугомонных охотников в районе надо расформировать, чтобы бросили такую привычку — протесты писать.

А спустя несколько дней после случившегося Зайцеву позвонил председатель Смоленского областного общества охотников и рыболовов Виктор Васильевич Ермошенко и с ноткой недоумения в голосе рассказал о своем разговоре с заместителем Главы областной администрации Севериновым В. И. и начальником Смолблехотуправления Сидоренковым А. А. Виктор Васильевич хотел узнать, как решается вопрос о предоставлении охотугодий Гагаринскому РООиР, рассмотрена ли их заявка. А в ответ услышал такое, отчего долго не мог прийти в себя. Как выяснилось, Сидоренков А. А. доложил Северинову В. И. и Губернатору области Маслову В. Н. о том, что при поездке в Гагаринский район он вместе с районным охотоведом Романовым Е. Г., охотинспектором и общественным инспектором застал на месте преступления — ловле рыбы сетью в период весеннего нереста — председателя Районного общества охотников и рыболовов Зайцева Ю. В. и его друзей-коммерсантов из Смоленска. А раз так, то ни о каком выделении охотугодий Гагаринскому РООиР не может быть и речи. Более того, Общество является рассадником браконьерства, и потому с теми, кто в нем состоит, надо вести себя осмотрительнее и жестче.

— И хотя я ни одному слову их не поверил, — сказал Ермошенко, — ты поясни в двух словах, что у вас на самом деле произошло?

Как это ни покажется странным, но совершенно абсурдная ложь начальника Смолоблохотуправления почему-то успокоила Зайцева, и он вкратце поведал Виктору Васильевичу об инциденте на Вазузском водохранилище. Помолчав немного, Ермошенко с усмешкой заметил, что Сидоренков своей ложью сам себя и высек. Ведь если начальник Областного охотуправления в присутствии районного охотоведа и двух инспекторов поймал с поличным злого браконьера Зайцева, то почему они, как это полагается по должностным инструкциям и существующему законодательству, не составили протокол изъятия сетей, рыбы, не передали документы в прокуратуру и не возбудили уголовное дело? Такое поведение инспекторов может вызвать лишь недоумение и сомнение в их профессиональной пригодности. Если они так исполняют свой долг, тогда понятно, почему в Смоленской области процветает браконьерство. И в лучшем случае Сидоренков А. А. и Романов Е. Г. подлежат увольнению, если правоохранительные органы не видят здесь состава преступления. Или подобные чиновники очень нужны теперешней власти в Гагарине и в Смоленске?

Сегодня на местах и в центре чиновники криком кричат о соблюдении прав человека и глухим молчанием обходят жизненно важный вопрос о честном выполнении своих профессиональных обязанностей, гражданском долге, ответственности перед обществом и законом. Раньше за Районным обществом охотников и рыболовов было закреплено 171 тыс. гектаров охотугодий. И на протяжении почти полувека эти хозяйства процветали, там охотились тысячи охотников. В настоя-

щее время Смолоблохотуправление распродало эти угодья большей частью московским фирмам. Это охотхозяйство «Олень» КБ «Салют» в 14 тыс. га, «Яузское» Смолоблохотуправления в 31 тыс. га, «Гагаринское» — 36,3 тыс. га, «Смоленское» — 22 тыс. га, «Гжать» — 26,5 тыс. га, частное владение Деренковского; 17,1 тыс. га приобрел «Мосводоканал», 19,4 тыс. га — охотничий участок опять Смолоблохотуправления... Ясно, что местных охотников сюда не пускают, здесь охотятся богатые, которых вряд ли когда взволнуют учет и сохранение животного мира, проведение биотехнических мероприятий.

Около 40 тыс. гектаров охотугодий в Гагаринском районе отдали за долги в энергоснабжении по Смоленской области Чубайсу — даже дикие звери становятся заложниками политики РАО ЕЭС.

Вокруг рыболовной базы Игурово теперь сплошь частные владения Главы районной администрации Иванова А. А., предпринимателя Деренковского и летчика-космонавта Леонова А. А. — именно в тех местах, где любил сидеть с удочкой первый космонавт Земли Юрий Гагарий, уроженец этих мест. Охотоведом в этих частных владениях работает Сергей Алексеевич Левakov, по иронии судьбы, бывший председатель Гагаринского районного общества охотников и рыболовов. Тот самый, который, вероятно, по сговору с Романовым Е. Г., а тот без указаний Сидоренкова А. А. вообще ничего не делает, вывез в поле и сжег охотничий домик Выродовской базы, нанеся тем самым ущерб Обществу в 200 тыс. руб. Для них любые методы хороши. Когда возмущенные охотники выгнали его из Общества, на-

чальник Смолоблохотуправления пристроил его в частные охотугодья. Но сегодня местным охотникам родной лес становится постепенно чужим.

V

Телефонный звонок вывел Юрия Васильевича из задумчивости. Он сразу встрепенулся, услышав в трубке голос Сергея Андреевича Хазова из Общественной приемной Главного Федерального инспектора в Смоленской области Н. В. Рудака.

— Юрий Васильевич, вот вы все требуете охотугодья, жалуетесь во все инстанции, а сами браконьерствуете. Сидоренков ведь с поличным вас поймал. Так что сами виноваты...

Зайцев почувствовал, как телефонная трубка вдруг стала горячей. А перед глазами снова возникла картина из его ночного сна — по заснеженной поляне в ярком сиянии Луны черными тенями мечутся голодные волки, сверкая холодными угольками глаз, они приближаются к нему, беря в кольцо и отрезая путь к отступлению. И в мыслях четкое осознание того, что он охотник, а зверя бояться — так и в лес не ходить...

Юрий Васильевич вынул из папки чистый лист бумаги и размашисто начал писать.

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГАГАРИНСКОГО
РООиР ЗАЙЦЕВА Ю. В.

ГЛАВЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
МАСЛОВУ В. Н., ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СМОЛЕНСКОЙ
ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ АНИСИМОВУ В. И., НАЧАЛЬНИКУ

СМОЛОБЛОХОТУПРАВЛЕНИЯ СИДОРЕНКОВУ А. А., ГЛАВЕ АДМИНИСТРАЦИИ ГАГАРИНСКОГО РАЙОНА ИВАНОВУ В. Г., ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГАГАРИНСКОЙ РАЙОННОЙ ДУМЫ ЛОМАКОВУ Г. Д.:

«...На территории Гагаринского района сегодня находятся несколько охотхозяйств разных пользователей на площади в 148,5 тыс. га... Однако членов Гагаринского РООиР — 1267 охотников и 324 рыболова — под любыми предлогами в эти охотхозяйства не допускают. Жители Гагаринского района, а не только члены Общества, до крайности возмущены действиями заместителя Главы Администрации Смоленской области Северинова В. И., начальника Смолоблехотуправления Сидоренкова А. А. и начальника охотнадзора по Гагаринскому району Романова Е. Г., который грубо нарушает все правила и нормы выдачи охотникам лицензий, чем унижает их честь и достоинство. До настоящего момента не решен вопрос о выделении Гагаринскому РООиР хотя бы оставшихся 80 тыс. га. В лесах растет браконьерство, так как охотники Районного общества отстранены от работы по охране охотугодий, и животные просто выбиваются. Зачем надо было лишать работы сотни егжей из общества охотников, которые вели строгий контроль по охране животного мира, и передавать их функции малочисленной инспекции охотуправления? Огромная территория охотхозяйств осталась без надлежащего контроля. Ведь всем хорошо известно, что только усилиями общественности можно содержать охотничьи угодья в надлежащем порядке. Нельзя отбирать у простого народа право на пользование животным ми-

ром и охотугодьями, надеясь на богатых людей, которые хотят захватить все в свои руки.

Охотники Гагаринского района и жители, которые голосовали за Маслова В. Н., были убеждены, что с приходом его к власти не будет разных перегибов, как это происходило при бывшем губернаторе.

Совет Гагаринского РООиР, председатели охотколлективов, штатные работники РООиР и представители общественности убедительно просят вас закрепить оставшиеся угодья в долгосрочное пользование за Гагаринским РООиР и тем самым снять накопившееся напряжение в городе и районе...»

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

Тарногский район занимает северную часть Вологодской области. Он не знаменит ни древними монастырями, ни старинными памятниками культуры. Райцентр Тарнога издавна в народе почитается как «столица медвежьего края», где водится любая дичь во множестве. Однако, несмотря на то что Тарногский городок находится вдали от больших дорожных трасс, во время охотничьего сезона в райцентр съезжаются на богатых иномарках не только гости из Вологды, близлежащих областей или даже из самой столицы, добираются до здешних мест и иностранные охотники. А в районной газете появляются сообщения о продаже медвежьих берлог, цены за которые достигают 1000 долл. США. Да только всё чаще среди местных жителей раздаются тревожные и негодующие голоса против нашествия безжалостных «карабинеров»-толстосумов, опустошающих таёжную глубинку. Но их заглушает «веский» довод властей — охота имеет коммерческое значение и экономически выгодна для области, главное, подходить к этому делу надо рационально, в соответствии со здравым смыслом и существующими законами. Хотя всем хорошо известно, что там, где правит прибыль, соблюдение законов — вещь сомнительная...

I

Под утро ударил тридцатиградусный мороз. Тарнога заиндевила, скукожилась, затуманившийся воздух загустел, перехватывал дыхание, застревая в горле. От

подъезда гостиницы до «Волги» директора Тарногского гослесхоза Александра Анатольевича Горчакова пройти всего с десяток шагов, а сел я на заднее сиденье машины уже какой-то остылый, будто проторчал на улице с полчаса. Да, цепкий мороз, подумалось мне неизвестно к чему...

На переднем сиденье рядом с Горчаковым расположился Пират — охотничья лайка, с которой директор лесхоза не расставался. Молчаливая, серьёзная, один глаз карий, другой — зелёный. Такая вот редкость...

— Сегодня поедем в Верховье, — поздоровавшись, сказал Горчаков и тронул машину с места. — Это километров за пятьдесят, час езды. Надо повидаться с местными охотниками, Ламовым и Поповым, они кое-что интересное могут рассказать про районного охотоведа Архутика. Если, конечно, захотят. Не один год уже говорим, пишем во все инстанции, а результат — ноль, как творил Архутик свои чёрные дела, так и творит...

Про кое-какие дела неизвестного мне районного охотоведа я узнал ещё до приезда в Тарногский район, откуда и пришло письмо в редакцию от группы охотников. Но даже если треть фактов, изложенных в нём, нашли бы своё подтверждение, думал я, дело уже будет не в Архутике. Гораздо интереснее станут те, кому он нужен, кто его использует и прикрывает...

— Да, дело может быть вовсе не в Архутике, — задумчиво произнёс я вслух, глядя из машины на мелькавшие придорожные ели и кустарник в морозных кружевах нетронутого снега.

— Нет, здесь — только в нём дело, — услышал я непримиримый голос Горчакова.

В ответ я лишь кивнул, пока соглашаясь с директором гослесхоза, успевшим мне многое уже рассказать. К тому же имелся ещё один свидетель событий — Валерий Иванович Мельников, бывший старший егерь, несколько лет проработавший непосредственно у этого самого Архутика. Так что частичное представление о взаимоотношениях районного охотоведа с местными охотниками и властью я уже имел...

Судьба непровержимых улик

Сквозь заснеженный ельник просматривались невысокая насыпь узкоколейки и мотовоз, посапывающий сизым дымком. Рядом копошились мужики в пятнистой камуфляжной форме, разделывая тушу только что убитого лося. Ещё двое чуть в стороне курили, у одного в руках был карабин.

Горчаков оглянулся на Попова и Епифановского, стоявших у «Бурана» за разлапистой старой елью и тоже внимательно наблюдавших за браконьерами. До них было не более пятидесяти метров.

— Ну что, узнаете? — проговорил директор лесхоза, даже не подумав приглушить голос — за шумом работающего двигателя мотовоза вряд ли можно было что-то услышать. Хотя именно его присутствие в этой глухомани, на стыке трёх районов: Тотемского, Верховажского и Тарногского, где рубка леса не велась, — и привлекло внимание Горчакова. И он не мог обознаться — браконьерами заправлял бывший работник Тотемского гослесхоза Игнатьевский. Признал он не только

его. Александр Анатольевич уже имел достоверную информацию, что когда в Тотемский район приезжали высокопоставленные чиновники из области, в заготовке лосиного мяса для них самым что ни на есть браконьерским способом участвовали, кроме Игнатьевского, нередко и участковый уполномоченный Тотемского РОВД, и их местный егерь охотуправления. Информация об их частых наездах в охотугодья соседнего, Тарногского, района была, а вот поймать за руку браконьеров всё не удавалось — места здесь глухие, по тайге километров 25 до Верховья, и егеря не часто могли сюда наведываться. А вот со стороны Тотьмы шла узкоколейная железная дорога и бетонка, по которым отсюда заготовленный лес и вывозили. Теперь этот мотовоз приспособили для незаконной охоты на лосей...

— Ну, что будем делать? — подойдя, поинтересовался Горчаков.

— Как что? — с удивлением взглянул на него Попов. — Проверим наличие лицензии, составим протокол... То, что у них нет путёвки, разрешающей охоту здесь, и гадать не надо.

— Всё-таки их шестеро...

— Ой, напугал, — заулыбался Алексей, поглядывая на сумрачного Епифановского, — в первый раз, что ли...

Здесь, в Верховенских лесах, Алексей Попов проработал егерем не один год, попадал в разные ситуации, но никогда не терял присутствия духа. Ненависть к браконьерам и неистребимая вера в то, что их необходимо искоренять любыми законными методами, бескомпромиссность в отношениях с ними давали ему такую нестигаемую силу, которая буквально ошарашива-

ла любителей незаконной охоты. Однажды во время обхода участка Алексей так же вот наткнулся на браконьеров. Семь человек, все с оружием и, как позже выяснилось, тоже из Тотемского района. Что делать? Попов раздумывал не долго. Патрон в ствол, в руки нож — и к ним: я такой-то, мол, лучше не сопротивляться, потому как всё равно потом вас найду. Ребята попались понятливые, хотя обернуться всё могло и по-иному...

— Ты уже не егерь, — напомнил Епифановский.

— А в охотничьем билете что записано? Каждый охотник обязан бороться с браконьерством. — Но тут же улыбка сошла с лица Попова. — Тем более что у меня с ним свои счёты, давние...

Да, они знали, что прошлое его противостояние компании Игнатъевского окончилось ничем — браконьеры остались неуловимыми. Позже Попов осознал, что им сообщают о его маршрутах, и вероятнее всего, это был кто-то из местных охотников.

К браконьерам они вышли втроём одновременно, с оружием в руках, охватив цепью сразу всех и как бы прижав их к мотовозу. Но те бежать вовсе не собирались. Игнатъевский мгновенно оценил обстановку и, со злым прищуром глядя на Горчакова, глухо произнёс:

— Вы зря это затеваете...

— Документы и лицензию на отстрел лося, — не дав ему договорить, потребовал Попов.

— А я её дома забыл, — усмехнулся Игнатъевский и развёл руками.

— Придётся составлять протокол. Стрелял ты? — Видя, что Игнатъевский отвечать не собирается, Горчаков подошёл к нему и попросил: — Покажи-ка карабин.

— И когда тот непроизвольно как-то протянул ему оружие, Александр Анатольевич взял и рывком выдернул из него затвор, а уже обезвреженным вернул карабин ошарашенному охотнику. — Конечно, он стрелял, но теперь больше не будет...

Игнатъевский вдруг побагровел, дёрнулся было к директору лесхоза, но его удержал участковый Тотемского РОВД. Они прекрасно понимали, с кем имеют дело, не раз убеждались, что уговоры, угрозы или посулы немалых денег оставались пустым звуком и для бывшего егеря Алексея Попова, и для директора лесхоза Александра Горчакова. Тем более, что им был известен иной путь остаться безнаказанными, о котором спустя несколько дней стало известно фактически всем, только не все отнеслись к этому одинаково...

Так уж получилось, что сразу передать районному охотоведу Архутику протокол о задержании Игнатъевского во время незаконной охоты на лося и изъятый у него затвор карабина «Лось», как вещественное доказательство в содеянном, директор лесхоза не смог — охотовед находился в отъезде. Но утром следующего дня Горчакову позвонил начальник Тотемского РОВД и, не стесняясь в выражениях, потребовал вернуть затвор от карабина его законному владельцу как незаконно изъятый у него. На что Александр Анатольевич заметил рассерженному начальнику милиции, что руководитель лесной охраны Тарногского района имеет полное право останавливать любые действия браконьеров на своей территории, особенно если некоторые сотрудники органов внутренних дел Тотемского района сами участвуют в браконьерской охоте.

Дня через два Горчаков лично передал протокол на Игнатьевского и затвор от его карабина районному охотоведу Архутику. Уже отъезжая от его конторы, Александр Анатольевич вдруг увидел затормозившую милицмейскую «Волгу» с мигалкой, из которой не торопясь вышел начальник Тотемского РОВД. «Опоздал, — усмехнувшись про себя, удовлетворённо подумал директор лесхоза, — не на тех напали». Хотя позже никак не мог отделаться от непонятного тревожного чувства. До этого Попов не раз с ожесточением говорил ему о непорядочности районного охотоведа, правда, ничего конкретного. К тому же здесь-то факт браконьерства Игнатьевского можно считать доказанным...

Пару недель спустя, когда закрутили собственные проблемы в лесхозе, Горчаков поехал по делам в Тотму и на улице райцентра неожиданно столкнулся, что называется нос к носу, с Игнатьевским. Тот был явно навеселе, потому, очевидно, и не в меру разговорчив.

— Ну что, написали протокол? — совершенно незлобиво рассмеялся он. — А где та бумага теперь? Правильно, ей только туда и дорога... Затвор от карабина отнял, законник? Да он уже давным-давно у меня. Работает... Понял? А ты мяса лосиного пожалел... Ну и кто ты теперь есть?

Последние слова браконьера резанули Горчакова по сердцу обиднее любых оскорблений. Действительно, кто же он тогда? Выходит, Архутик вернул затвор Игнатьевскому? На каком основании?

Всё разъяснил Горчакову начальник Вологодского управления охотничьего хозяйства Солдатенков, к которому приехал возмущённый действиями районного

охотоведа директор Тарногского гослесхоза. Выслушав его, Валерий Дмитриевич с неподдельным изумлением заметил:

— Александр Анатольевич, о каком протоколе вы говорите? Вот спортивная лицензия на отстрел лося в вашем районе, выданная самим Архутиком...

Тогда-то до Горчакова вдруг дошло, зачем приезжал к районному охотоведу начальник Тотемского РОВД. Он попытался было объяснить всё Солдатенкову, но тот, снисходительно усмехнувшись, посоветовал ему не заниматься склоками.

Александр Анатольевич с минуту недоумённо смотрел на него, затем, побледнев, сдержанно произнёс:

— Выходит, в народе верная молва идёт, что все вы тут браконьеры в законе?

Солдатенков слегка качнул головой, не то соглашаясь с этим доводом директора гослесхоза, не то протестуя, и вдруг громко расхохотался.

— Да слышан, слышан я о ваших бредовых идеях, — сказал он, — чтобы охотугодья закрепили за вашим лесхозом в длительное пользование. А то мы, мол, только выбивать зверя по лесам мастаки... Был тут у меня не так давно егеря из вашего района, Попов, кажется... Увольнялся и недовольство своё одновременно проявлял, мол, не сокращаем товарный отстрел лося, уничтожаем поголовье... А по данным учёта, в Тарногском районе поголовье лося как раз и растёт. И вы там бросьте мутить воду, лучше бы занимались биотехническими мероприятиями, а то лишь солонцы уничтожать

можете, революционеры! Пока я на этом месте, никакой самодеятельности у вас в районе не допущу.

— Это не самодеятельность. Надо ещё посмотреть...

— И смотреть нечего. — взгляд Солдатенкова стал холодным и жёстким. — Наши егеря с охотоведом у вас в районе делом занимаются, на их плечах и биотехния, и охрана животных, и учёт... А кому ещё работать? Охотобщество пятилетку целую, наверное, уже бездействует, его давно бы разогнать надо, да вот Архутик против — жалко ему, видите ли, вас. А вы вместо благодарности оговариваете лучшего охотоведа в управлении...

Горчаков не стал возражать, лишь махнул рукой и ушёл — бесполезно тратить слова на того, кто тебя не хочет слышать. Хотя уже по дороге домой, немного успокоившись, Александр Анатольевич вынужден всё же был признать, что в речах начальника охотуправления скрывалась и частица болезненной истины. Ситуация в районном охотобществе действительно сложилась паршивая. А если совсем уж честно, то его лет семь вообще не существовало. Все это знали и понимали — причиной тому была вынужденная бездеятельность председателя охотобщества Георгия Пешкова. Его случайно подстрелили на охоте, он длительное время болел и, естественно, что-либо организовывать или контролировать работу практически уже не мог. Перестали проводиться заседания правления, собрания охотников, в то же время лицензии распределялись лично Пешковым...

Однако самое странное заключалось в том, что руководство областного Общества охотников и рыболовов

почему-то не замечало сложившейся ситуации в районе. Более того, молчал и Архутик, но при случае он обязательно сочувственно повторял, что к пострадавшему Пешкову надо относиться с пониманием, по-человечески...

И вдруг как гром среди ясного неба — с согласия руководства областного Общества охотников и рыболовов Колинское охотхозяйство в Верховье стало территорией Государственного резервного охотничьего фонда (ГРОФ). Одним росчерком пера чиновников Верховский охотколлектив лишился своих угодий, которыми теперь распоряжался районный охотовед Архутик. Взамен охотуправление выделяло районному охотобществу участок в другом месте. В результате охотники Верховья вынуждены были приобретать у Архутика государственные охотничьи билеты, чтобы иметь возможность охотиться. И получалось, что за годы бездействия Георгия Пешкова Тарногское охотобщество потеряло треть своих членов — с 600 оно сократилось до 230.

Более того, по признанию председателя областного Общества охотников и рыболовов В. Каплина, в шести районах из двадцати общества ликвидированы по причине своей несостоятельности. Иными словами, их охотугодья перешли в ведение охотуправления? Ну а самые слабые на сегодня общества охотников и рыболовов — в Тарногском, Нюксенском и Тотемском районах. Интересно, какая судьба ждёт их?

Однако самое любопытное стало известно гораздо позже — инициатором странного и неравноправного обмена охотучастками в Тарногском районе был Виктор Васильевич Архутик. Более того, председатель охотоб-

щества Георгий Пешков сразу поддержал в этом районного охотоведа. Хотя он не мог не понимать, чем подобное обернётся для охотников Верховья. Кому выгоден был такой обмен, вскоре стало ясно — переданный охотобществу участок ГРОФ оказался вообще необустроенным и бедным на лося, кабана и пушного зверя, численность которых ещё надо было восстанавливать не один год. Архутик со своими егерями просто выбил лося и кабана товарным отстрелом. В последние годы в районе отстреливалось до 150 лосей за сезон для сдачи мяса в магазины. 75% от суммы за его реализацию получало охотуправление, а 25% шло на дополнительную зарплату егерям. И этот источник дохода они терять не собирались. Однако на заседании правления районного Общества охотников и рыболовов, куда были приглашены и егеря вместе с Архутиком, многие охотники выступили против такого поголовного отстрела животных. Они заявляли, что плотность лося в районе не такая большая, что тем самым можно истребить воспроизводственную часть лосиного стада в районе. Ведь отстреливали в основном только крупных лосей, а это отрицательная селекция, как говорили охотоведы, сеголеток не стреляли из-за малого их веса. Однако в команде Архутика среди егерей никогда охотоведов не было, так что проблемы такого рода их явно не интересовали... Вот почему им нужна была эта афера с обменом охотучастков.

Правда, она позволила многим взглянуть более пристально на одиозную личность Архутика, а значит — и на его странные отношения с Пешковым. То, что они учились в одном классе, были друзьями детства, —

этим в деревне никого не удивишь. И то, что бывший прокурор Тарногского района Вячеславов, родной дядя Пешкова, после ухода на пенсию долгое время работал районным охотоведом, — тоже знали многие. Но незадолго до смерти, когда он тяжело болел, Вячеславов посоветовал своему племяннику, который к тому времени уже был председателем районного Общества охотников и рыболовов, устроить на место оховеда Архутика. Очевидно, сам Вячеславов уже кое с кем переговорил в области насчёт своего преемника, потому как Пешков нашёл полную поддержку не только в охотуправлении, но и среди областного начальства. Правда, районные власти почему-то выступили категорически против кандидатуры Архутика на должность оховеда. И, очевидно, не безосновательно, потому как Виктор Васильевич не только не имел охотведческого или хотя бы биологического образования — он закончил пединститут и работал в школе учителем физкультуры, — но и вообще не увлекался охотой, даже ружья не имел.

Однако трезвому голосу рассудка в области не вняли, хотя в этом как раз ничего удивительного и не было. Начальником охотуправления тогда работал Азарий Иннокентьевич Попов, бывший начальник областного УВД, полковник в отставке и хороший знакомый тарногского оховеда Вячеславова. Ему было уже за семьдесят, когда уважаемый А. И. Попов уступил своё кресло Валерию Дмитриевичу Солдатенкову, отправленному на пенсию с поста второго секретаря Власинского РК КПСС.

В результате ситуация в Управлении охотничьими ресурсами сложилась очень нездоровая для самих

охотничьих ресурсов, так как руководящие посты в области и районе превратились в кормушку и пенсионный отстойник для людей, максимально далёких от биологии и охотоведения. Ждать от таких заботы об охотхозяйствах и охотниках не приходилось.

Видя, что творится в лесах Тарногского района, директор лесхоза Горчаков пришёл к выводу — спасти животный мир от хищнического истребления и защитить интересы тарногских охотников можно, лишь обеспечив лесхозу право ведения охотничьего хозяйства. В Верховье это ещё возможно было сделать, в других же местах, по признанию многих жителей, у деревень не часто и след лосиный видели...

Вот с такими невесёлыми мыслями Горчаков возвращался к себе в лесхоз, прекрасно понимая, что разговор его с начальником охотуправления только осложнит существование. Увидев в приёмной Алексея Попова, насторожился — тот из Верховья просто так не поедет. Пригласив его в кабинет, Александр Анатольевич разделся, на ходу в двух словах пояснив Попову, о чём беседовал с Солдатенковым.

— Так что ты был прав, Егорыч, когда предупреждал о нечестности охотоведа, — признался Горчаков, — только доказать-то мы вряд ли что сможем, вывернется Архутик...

— Да-да... — не очень уверенно протянул Попов, как-то странно взглянув на расстроенного директора лесхоза. — Помнишь, Анатолич, я тебе говорил о пропавшей собачке своей? Ведь я сразу грешил на Игнатьевского, что он, негодяй, загубил её, потому как в тот день отказал я ему в путёвке на отстрел лося. Но вот се-

годня прихожу к Архутику, интересуюсь, как следствие идёт в отношении факта браконьерства Игнатьевского, а охотовед небрежно мне так, с улыбочкой, и заявляет, что да, мол, обмишурились вы с директором лесхоза, незаконно затвор карабина изъяли, мне, мол, пришлось извиняться за вас перед начальником Тотемского РОВД. Тем более, говорит, что лицензия у Игнатьевского действительно ведь имелась на спортивный отстрел лося, он сам, мол, и выдавал её. А то, что он дома её забыл, — так с кем не бывает? Если уж вы, мол, такие принципиальные, приспичило это проверить, так проехали бы с ними, как вам Игнатьевский с участковым предлагали, никаких бы проблем и не возникло...

Горчаков слушал, не веря собственным ушам, — до какого же цинизма могут дойти люди, наделённые пусть небольшой, но властью?

— А потом, как бы мимоходом, — всё больше хмурясь, продолжал Попов, — Архутик мне и говорит, что ты, мол, недавно своего охотничьего пса искал пропавшего, а ведь его Игнатьевский убил, сам в кабинете у меня и признался. — Лицо Алексея застыло в каком-то напряжённом изумлении, словно он силился и не мог до конца понять, почему вдруг Архутик выдал ему Игнатьевского, браконьерские действия которого прикрывал. Или, может, Игнатьевский действительно имел спортивную лицензию на лося и забыл её дома? Но тут же Алексей отогнал эту мысль. До него вдруг дошло, что, скорее всего, как раз именно этой мысли, сомнения в его душе районный охотовед и добивался, а вместе с тем и невольного призвания честности самого Архутика в отношении Игнатьевского. Да, хитёр охотовед...

Однако в тот момент Попов подумает об этом с весёлым удивлением. Пройдёт чуть меньше года, и от его весёлости, впрочем, как и от наивности, не останется и следа. Виной тому послужат два события. Сначала Алексей Попов обнаружит за деревней мёртвого медведя-подранка, пролежавшего уже несколько дней и наполовину расклёванного вороньём. Приехавший по его звонку старший егерь Мельников сфотографирует медведя, фото опубликует районная газета. Но когда этот номер Мельников покажет как свидетельство браконьерской охоты начальнику охотуправления Солдатенкову, Валерий Дмитриевич, расхохотавшись, скажет:

— Да это фотомонтаж, чего ты мне суёшь, такого просто не может быть. Журналисты сейчас способны на всё...

Но если такая реакция чиновника на творящиеся в их районе безобразия оставила, образно говоря, шрам на сердце только у Мельникова, то беспредельный цинизм Архутика спустя несколько дней заставил возмутиться фактически всё население Тарногского городка.

Врач Спасской больницы Г. Пешков до темноты охотился в лесу на тетерева. Когда решил возвращаться, оседлал свой мотоцикл, но впереди в кустах услышал медвежий рык, и ему пришлось снова вытащить из чехла ружьё и зарядить его — мол, доберётся до опушки, где посветлей, там и оденется потеплей, и оружие упакует. Однако у овсяного поля недалеко от дороги какие-то мужики стали махать руками, чтобы остановился. Побоялся, тем более что до деревни уже было не так далеко. А через минуту заметил сзади прыгающий свет фар и понял, что за ним неизвестно кто почему-то го-

нится. Но когда джип впереди неожиданно перегорел, остановился, а из него выскочили люди в камуфляжной форме, то среди них Пешков с удивлением узнал главу администрации Нюксенского района Константина Пушникова, начальника газораспределительной станции в Нюксенице Владимира Бурдейного и своего районного охотоведа Виктора Архутика. Сначала обрадовался — свои, но после первых слов охотоведа в буквальном смысле опешил.

— Что вы разъезжаете, когда здесь проводится охота с иностранными гражданами? Да ещё с незачехлённым ружьём. А ну давайте его сюда...

Видя, что доктор отдавать ружьё не собирается, они набросились на него, скрутили руки и отобрали оружие, затем охотничий билет и путёвку на охоту...

Подобного унижения Пешков, привыкший по долгу своей профессии и человеческой сути чужую боль воспринимать как свою собственную, ещё никогда не испытывал. Разве мог сельский врач даже подумать о том, что деревни Тарногского района по воле какого-то там Архутика на сезон охоты превращаются в резервацию, а в лесу правят иностранные охотники? Униженные честь и достоинство требовали немедленного суда. Однако районный суд, куда с иском на незаконные действия охотоведа обратился Пешков, оказался не на высоте, фактически оставив преступника безнаказанным. Именно после этого Архутик почувствовал, что ему всё дозволено. Власти прикрывали его крепко...

А пока директор Тарногского лесхоза и отставной егерь рассуждали о том, что же это творится у них в районе. — Что ты сам-то насчёт всего этого думаешь? —

нетерпеливо спросил Горчаков, чувствуя, что собеседник его надолго замолчал. — Даже если лицензия у Игнатьевского и была...

— Нет, не было, — сердито прервал директора лесхоза Алексей, — я слишком хорошо его знаю. Лицензию ему мог выписать задним числом Архутик, а вот путёвку — нет. Охота без путёвки тоже серьёзное нарушение, которое и зафиксировано нашим протоколом, ему охотовед обязан был дать ход.

— Да, Архутику в рот палец не клади, — задумчиво проговорил Горчаков, подумав вдруг, что охотовед неплохо разобрался в психологии людей, и это умение использовал в своих целях. Но в тот момент Александр Анатольевич и сам ещё полностью не осознавал, какую глубокую истину сейчас открыл. Последующие годы показали, что связываться с Архутиком всегда оборачивалось себе дороже. К этой мысли постепенно приходили все. Однако не все с таким положением хотели мириться...

Из приказа № 153 от 6 июня 2000 г. руководителя Вологодского управления лесами Н. Н. Неволина: «В целях рационального природопользования на территории Государственного лесного фонда и в соответствии с «Положением о лесхозе Федеральной службы лесного хозяйства России» от 1.06.1999 г. № 1799:

1. Возложить на Тарногский лесхоз функцию комплексного ведения лесного и охотничьего хозяйства на территории государственного лесного фонда лесхоза.

2. Организовать на территории лесхоза комплексное лесохозяйственное хозяйство 89, 2 тыс. га.

3. Выполнять весь комплекс биотехнических и природоохранных мероприятий в соответствии с разработанным проектом экологического обоснования деятельности хозяйства.

4. Ввести в штатное расписание лесхоза должность охотоведа и необходимую в соответствии с «Проектом экологического обоснования деятельности хозяйства» численность егерей...»

II

Пират поднял голову, вскочил и заскулил, глядя разноцветными глазами в лобовое стекло машины, — проезжали какую-то безлюдную деревеньку, запорошенную снегом...

Горчаков на собаку не обратил внимания, да и всю дорогу молчал, занятый семечками, потому что с неделю как бросил курить. Шаг серьёзный, если учесть его нервную работу и события, центром которых он невольно стал. Что поделаться, человек старой закалки, ему не безразлично, что творится вокруг, и голову прятать в песок он, видимо, не собирался...

И всё-таки мне как-то не верилось, что среди егерей в команде Архутика не было охотоведов. Как они тогда вообще могли выполнять работу по охране и учёту животных, проводить биотехнические мероприятия?.. Но когда я об этом спросил Горчакова, он даже не улыбнулся.

— Вы не поверите, — сказал Александр Анатольевич, — но за двадцать лет, которые я охочусь в этих местах, я только один раз встретил егеря. Да и то сам к

нему подошёл. Они свои производственные и служебные обязанности понимают по-своему — только как организацию коммерческих охот. И если спрос рождает предложение...— Горчаков невесело усмехнулся и, не отрывая взгляда от дороги, потрепал по шерсти прислушивавшегося к его словам Пирата.

А ведь Мельников, подумал я, тоже упоминал о том, что Архутик не раз убеждал его в необходимости увеличивать в маршрутных листах учёта цифры зафиксированных следов лосей и кабанов. Система учёта, мол, все равно несовершенна, реального количества животных в лесу не отражает, зато выделение на район лицензий прямо пропорционально зависит от этих самых данных. Возражения Валерия Ивановича охотовед воспринимал как чушь несусветную, когда человек, в данном случае старший егерь, руководствовался в реальном деле какими-то затхлыми принципами и понятиями.

В разговоре Мельников сетовал и на то, что охотуправлением до сих пор проводится товарный отстрел лося и кабана. Если раньше это был госзаказ — население надо было обеспечивать мясом, то сегодня товарный отстрел — это прикрытый фиговым листком коммерческий интерес чиновников. А кто же будет стоять на страже государственных, национальных интересов России?..

— Смешно сказать, — хмуро продолжал Горчаков, — но в охотуправлении ни его начальник Солдатенков, ни главный охотовед области Филатов, да и никто из сотрудников не имеет охотоведческого образования. Отсюда, очевидно, и отношение у них к госохотрезерв-

фонду — как к бесхозным фермам, которые никому не принадлежат — выбил животных в одном месте, заработал, переходит на другое. А что дальше? Сегодня-то Верховье — единственное, пожалуй, место в районе, где всякий зверь ещё водится. То-то я смотрю — на кабана, лося, медведя со всего района к нам охотиться едут. Значит, точно, везде расстарался охотовед свой коммерческий интерес проявить...

Горчаков ненадолго замолчал, потом вдруг неожиданно рассмеялся каким-то сухим коротким смешком и горько изрёк:

— Мельников вон не один год общался с московскими банкирами Скоробогатько и Пономаренко, их идеологию познал непосредственно во время охоты. От стрельбы городской человек пьянеет в своём диком азарте почище, чем от вина, болтливым и шумным становится. А настоящие охотники — народ молчаливый, им надо природу слушать, зверя выслеживать, чтобы одолеть его в равном противоборстве. Дельцам же всё некогда — наскочили, постреляли по беззащитным живым мишеням из безопасного места и довольные укатили. Разве же это можно назвать охотой?

Да, думал я, для одних охота — ремесло, жизненная необходимость, даже искусство взаимопроникновения человека и окружающей его живой природы, для других — времяпрепровождение, «цивилизованный» досуг. Деловой человек, привыкший всё оценивать по законам рыночных отношений, и к природе относится с точки зрения получения максимальной прибыли при наименьших затратах. Ему некогда, да и к чему — и в это он искренне верит, тратить своё драгоценное время

на блуждания в лесных дебрях в погоне за зверем, когда это не только не рентабельно, но и опасно. Ведь цель охотника — добыть трофей, что-то вроде лосиных рогов или медвежьей шкуры, по трофеям определяют, удачлив охотник или нет. А любая удача имеет свою цену. Именно это на протяжении нескольких лет и старались доказать московские банкиры Александр Скоробогатко и Александр Пономаренко старшему егерю Мельникову. Начальнику областного охотуправления или районному охотоведу им ничего доказывать было не надо. А Архутик всегда поддерживал нужных людей или тех, кто ему платит...

Опаснее зверя-подранка

Медведь появился из леса со стороны ручья, откуда его и ждали. По хорошо протоптанной тропе он спокойно шёл к овсяному полю. Чувствовалось по его поведению, что кормился здесь медведь уже не раз, иначе сначала поднялся бы на задние лапы, осмотрелся, принялся, а уж потом только скрылся в овсе. Хотя если бы и новичок появился на этом подкормочном поле, то и тогда старший егеря Мельников был бы вполне уверен — охотников зверь не учует. Вышка стояла ближе к кромке леса, почти у самых деревьев и метрах в тридцати от поля. Как только солнце садилось, она оказывалась в сумрачной лесной тени, делая охотников фактически незаметными для зверя. К тому же находились они с подветренной стороны. Иначе и быть не могло — медведь по ветру сразу учует человека и уже на

поле не выйдет. Поэтому когда Пономаренко, сидевший рядом с егерем на вышке, мягко опустил на перекладину карабин и подал знак, что хочет стрелять, Мельников его остановил. Так же молча, знаком, потому как ни разговаривать, ни шевелиться на вышке не рекомендуется: медведь — зверь чуткий! Хотя егерь прекрасно понимал нервозность московского банкира — ещё один медведь на этом поле ведь мог и не появиться. Но Валерий Иванович знал, что сюда ходят кормиться несколько медведей, вот он и ждал. Как вскоре подтвердилось, Мельников в своих предположениях не ошибся.

Второй медведь появился где-то через полчаса и тоже со стороны ручья, но был гораздо крупнее, пятилеток, не меньше. Валерий Иванович подал знак Пономаренко, и тот сразу прильнул к окуляру оптического прицела. Сухой звук выстрела прокатился над лесом и замер. Колосья с краю поля заколыхались, но скоро успокоились.

Спустившись с вышки, Мельников не спеша пошёл к медведю, держа наготове карабин. Добивать зверя, если он только ранен, это уже его работа — охотник теперь, по правилам, должен находиться на вышке. Подранок ведь может и уйти, и тогда егерь обязан взять помощника и уже с собаками добивать медведя. Во время охоты готовым надо быть ко всему...

Взглянув на неподвижно лежавшего зверя, Валерий Иванович понял, что тот убит наповал. И всё же для верности ткнул дулом карабина в медвежью безвольную морду, потом с трудом перевернул тушу, нашёл кровоточащее отверстие под правой лапой...

Зверь оказался приличным, килограммов под двести, погрузить которого в старый «газик», служебную машину егеря, оказалось делом непростым — пришлось затаскивать тяжёлую тушу верёвками по наспех сооруженному помосту из молодых осин.

По дороге в Тарногу Пономаренко всё никак не мог успокоиться. Как же так, повторял он, в других районах он просиживал на вышках до утра, но даже не видел медведя. А здесь полчаса — и готово...

Мельников мотнул головой, отгоняя почему-то вспомнившийся сейчас ни к месту тот неприятный эпизод — всё же за рулём, надо за дорогой следить, а он, выходит, расслабился. И чего это вдруг выползло из памяти? Та первая охота с московскими банкирами прошла нормально...

Нормально? В правилах охоты Российской Федерации сказано, что «добыча диких копытных животных или бурого медведя в целях любительской охоты при их переправе через водоёмы или с применением самоловных орудий» запрещается. Значит, стрелять медведя при переправе через реку нельзя по законам чисто человеческим: когда зверь лесной находится в экстремальной ситуации, он беззащитен от посягательств охотника, не только оснащённого оружием дальнего боя с оптическим прицелом, но и обладающего ещё высшим разумом и чувствами. И это правильно и гуманно по отношению к «братьям нашим меньшим», тем более что вопрос стоит не об охоте ради выживания человека, а о его развлечении, досуге, времяпрепровождении. Однако остатки человеческого милосердия буквально испаряются, когда в тех же правилах охоты мы

читаем о возможности отстрела медведя на подкормочных полях. Получается, подобное входит в рамки закона и приличия? Охотуправлением и Обществами охотников и рыболовов предписывается проводить биотехнические мероприятия, направленные, в частности, и «на улучшение угодий за счёт повышения их кормовых, защитных» и иных свойств. В то же время на подкормочных овсяных полях, засеянных человеком специально для подкормки животных, можно сказать, для поддержания их жизнедеятельности, зверей целенаправленно убивают. Зачем же тогда посев овса на участках относить к подкормочным полям, то есть к мероприятиям биотехническим, когда они всего-навсего служат приманкой для отстрела зверей? Или возведение егерями охотуправления отстрелочных вышек на полях сразу после посева овса? Может, коммерческая охота на медведя в Вологодской области стала тоже частью охранных мероприятий охотуправления?

«Да, а всё же не зря припомнилась та охота с Пономаренко», — усмехнувшись про себя, подумал Мельников. Ведь начинали банкиры вполне пристойно, но вскоре вошли во вкус, не жалея уже ни денег, ни медведей...

Сентябрь стоял тёплый, осенняя листва ещё только начинала устилать придорожье, а заходящее солнце высвечивало на деревьях желтизну и багрянец, словно подольше пыталось удержать эти краски своим живительным теплом. Однако такое привычное разноцветье вокруг чем-то всё же задевало и будоражило Валерия Ивановича, будто и он имел отношение к неприглядной истории с подранками, о которых узнал сегодня утром.

Заявившись в контору, Валерий Иванович застал охотоведа уже на месте — хмурого и чем-то здорово озадаченного. Таким он видел его впервые, сразу сообразив, что что-то произошло. Архутик долго куда-то звонил, потом отвечал на звонки, но довольно односложно и неохотно, багровея от какого-то внутреннего напряжения. Наконец он бросил трубку и раздражённо произнёс:

— Поезжай в Верховье, там охотники двух медведей-подранков нашли. Рядом с подкормочными площадками. — Виктор Васильевич поморщился, вытащил из кармана пачку сотенных и, не считая, бросил их на стол старшего егеря. — Заплати Самодурову и Шамонину, чтобы не трепались, нам в разгар сезона только этого шума не хватает. Шкуры снимешь, одну им оставишь. Пулю извлечёшь обязательно сам. Не забудь акт о найденных подранках забрать у Шамонина. Привезёшь мне вместе с пулей. — Он пытливо взглянул на старшего егеря и, пожав плечами, неуверенно произнёс: — Из Вологды начальство приезжало, охотились там, а вот добрать подранков, очевидно, времени не хватило... Шамонину скажешь — туши пусть закопает, чтобы и запаха не осталось...

Мельников вздохнул, рассеянно глядя на дорогу и припоминая, что утром он засомневался в словах Архутика. Когда ночью Валерий Иванович сидел в гараже районного охотоведа и снимал шкуру с очередного трофея Скоробогатько, банкир возбуждённо говорил Пономаренко:

— ...Неделю назад пять шкур увёз, жаль тебя не было... Сегодня, правда, добыл всего одну, так два медведя ушли, хотя я видел, что попал...

Теперь вот старший егерь вёз Архутику акт об обнаружении двух медведиц, которых охотники нашли в десятке метров от засидки, и извлечённую пулю. Выпущена она была, судя по калибру, из карабина иностранного производства. Такого оружия не было ни у кого в округе, даже у вологодского губернатора. Его имели лишь Виктор Архутик и московские банкиры. Так что вологодское начальство здесь было ни при чём, а получалось — тех подранков бросили Скоробогатько и Архутик.

Мельников прибавил скорость, чувствуя, как внутри у него всё кипит. Но улики налицо, и кто браконьерствовал в Верховье, установить будет нетрудно. Тем более что есть и живые свидетели, которых нашёл неугомонный Алексей Попов. Его «Жигули» Мельников встретил на окраине Власьевки и остановился. Оказалось, Алексей ездил в колхоз «Аврора» и разговаривал там с местными охотниками. Вчера в половине двенадцатого ночи жители деревни Мартьяновской на дороге видели машину охотоведа — жёлтый уазик с номером 71—16. Так что если понадобится, то они это подтвердят...

Да, иного пути обезвредить браконьера в законе Архутика просто не существовало. Он позволял банкирам отстреливать медведей без ограничений, иногда лишь закрывая на них лицензии в конце охотничьего сезона. По своим записям Мельникову удалось высчитать, сколько медведей ими было уничтожено браконь-

ерским способом, а вот доказать он ничего не мог. Очевидно, от подобного бессилия Валерий Иванович и высказывал всё напрямую районному охотоведу, взывая к его совести, но тот с усмешкой отмахивался от него, как от назойливой мухи. И совесть мучила только старшего егеря...

Тарногский городок уже погрузился в синие сумерки, когда Мельников подъезжал к конторе Архутика. У входа стоял его жёлтый уазик — значит, ждал. Войдя, Валерий Иванович увидел, что охотовед в кабинете один, и молча положил ему на стол акт и пулю.

— Из иностранного карабина стреляли, — не удержавшись, заметил старший егерь, — так что браконьера найти будет несложно...

— Завтра отправлю в Вологду, пусть там решают, — открывая сейф и пряча в него улики, с облегчением произнёс Виктор Васильевич.

О том, что Попов нашёл в деревне свидетелей, видевших машину районного охотоведа, Мельников говорить не стал. Он действительно надеялся, что они скоро понадобятся. Впрочем, как надеялись и сами верховские охотники. Но они опять просчитались — какая-то злая сила хранила изворотливого охотоведа. И когда спустя пару недель старший егерь поинтересовался у Архутика, как идёт расследование по факту браконьерского отстрела двух медведиц в Верховье, тот с сожалением развёл руками и огорчённо проговорил:

— Так разве я тебе не сказал? Совсем из головы вылетело. Пуля-то у меня пропала. Да, вот такой случай, не знаю, что и думать. Солдатенкову я сразу доложил, сказал, что из Архангельска мужики отхотились, в Тар-

ноге были проездом, поэтому доказать мы ничего не могли...

Очевидно, выражение лица старшего егеря при этих словах стало таким, что Архутик мгновенно перестал улыбаться и медленно поднялся из-за стола. Мельников понял, что сейчас он всё ему выскажет прямо в глаза, которые продолжали смеяться. Над ним! И Валерий Иванович заговорил — сумбурно, нервно, почти не слыша себя, однако каким-то уголком сознания догадываясь, что районный охотовед его не слушает. Вернее, не слышит, не хочет слушать...

Из письма № 1601/03—5 от 5 июня 2001 г. первого заместителя губернатора Вологодской области С. М. Громова первому заместителю Министра природных ресурсов РФ Ю. А. Кукуеву: «Администрация Вологодской области, рассмотрев Вашу просьбу по предоставлению государственным лесхозам права ведения охотничьего хозяйства, сообщает, что государственным лесхозам объекты животного мира не могут быть предоставлены, так как это противоречит законодательным и нормативным актам...

В настоящее время функции государственного управления, контроля, охраны и регулирования использования охотничьих животных осуществляет государственная служба охотнадзора (в её состав входят 29 охотоведов, 37 госохотинспекторов, 99 егерей по охране государственного охотничьего фонда и 14 егерей госзаказников), поэтому организация параллельной егерской службы МПР России является грубой ведомственной попыткой перераспределения государственных полно-

мочий в сфере охраны, контроля и использования животного мира. Об эффективности лесной охраны по вскрытию нарушений правил охоты свидетельствуют цифры: в 2000 г. службой лесной охраны, насчитывающей 1600 штатных работников, вскрыто 14 нарушений правил охоты, в то же время работающими на общественных началах общественными охотинспекторами в 2000 г. вскрыто 48 нарушений правил охоты. Информация о том, что Тарногский, Вашкинский и Вытегорский лесхозы МПР России в течение ряда лет осуществляют охрану животного мира, абсолютно недостоверна — за период с 1980 по 2001 г. штатными работниками этих лесхозов не вскрыто ни одного нарушения правил охоты...»

Они стояли друг против друга — Архутик и Мельников. Первый, глядя на своего подчинённого, как смотрят на убогого или совсем недалёкого человека, не способного ни оценить создавшегося положения, ни осознать текущего момента, а уж тем более попасть в струю круговорота современной жизни. Такие обычно в ней и тонут. Смеющиеся глаза охотоведа словно бы говорили, что игра в донкихотов давно признана экономически не рентабельной, здесь тайга, закон в ней всегда правил один...

Выражение лица другого было растеряннотрудручающим, словно не он только что уличил своего начальника в проведении незаконных охот, браконьерстве, фактически в совершении преступления, а его самого обвинили в попытке бессовестно оговорить честного человека. Но разве отстрел с вертолётa лосей не

преступление? Однако на всё старший егерь слышал только один циничный ответ: «Не твоё дело...» Но тогда чьё же, если районный охотовед, призванный своим служебным, да и человеческим долгом бороться с браконьерством, сам является браконьером в законе? Или тайга всё спишет, потому как звери ничего не расскажут? А люди... Их-то как раз и не принимают во внимание!

— Тогда я вынужден буду обратиться к начальнику областного охотуправления, — хриловатым от волнения голосом произнёс Мельников, — к Солдатенкову...

— Да обращай к кому хочешь, — скривил губы Архутик, глаза его сузились, взгляд стал холодным и жёстким.

В тот момент Валерий Иванович вообще не думал жаловаться областному начальству, он лишь бесхитростно хотел припугнуть охотоведа, зная его трусливую натуру, хотя внешне тот выглядел физически крепким, спортивно подтянутым человеком — всё-таки бывший учитель физкультуры, к тому же продолжал заниматься спортом, за собой следил. Однако, к удивлению старшего егеря, такая угроза на Архутика совершенно не подействовала. И Мельников растерялся — на охотоведа это похоже не было. Неужели же он Солдатенкова не боится? Вряд ли! Потому как Мельников прекрасно помнил слова начальника охотуправления области, когда тот сам пригласил его на работу старшим егерем, но предупредил:

— Главное требование у меня к егерям — честность, ни в коем случае не терять совесть. О браконьер-

стве я вообще говорить не буду — за малейшее нарушение правил охоты уволю сразу...

Именно такая принципиальная позиция Валерия Дмитриевича Солдатенкова и перевесила сомнения Мельникова: идти на работу старшим егерем к Архутику или нет? Про него ходило немало слухов, на которые охотовед реагировал без эмоций и молча. Подобное отношение Виктора Васильевича к «обливанию его грязью» многих сбивало с толку. Тем более что Архутика всегда защищал и председатель районного Общества охотников и рыболовов Георгий Пешков. Но главное — слухи слухами, а жить надо, особенно в охотничий сезон. Фактически большинство мужского населения в районе были охотниками, каждый прекрасно осознавал, что полностью зависим от Архутика и Пешкова — лицензии распределялись ими по своему усмотрению. Некоторые охотники всё же жаловались на районного охотоведа в область, оттуда приезжали проверяющие, однако выводы всех комиссий были одинаковые — факты не подтвердились. Всё это вселяло уныние в тех, кто пытался доказать, что Архутик браконьер, и недоверие к обвинениям в адрес охотоведа. Во всяком случае, Архутик оставался тёмной лошадкой, которая умела угождать и губернатору, и московским чиновникам, и иностранным охотникам. Да только все тёмные дела охотоведа скрывала тайга, а она своих тайн никому не выдавала.

Прозрение к Мельникову тоже пришло не сразу, тем более что команду из егерей и охотинспекторов Архутик себе подобрал соответствующую. Однако сейчас, глядя в равнодушные глаза невозмутимого районного

охотоведа, Валерий Иванович вдруг невольно вспомнил, что уже однажды ощутил на себе холод такого взгляда. Это произошло после того, как Архутик с вертолѐта расстрелял на просеке стадо лосей с сеголетками, отдыхавших на дневке. Глубокий снег и иностранный карабин с оптическим прицелом лишали животных последних шансов на спасение. Да и от вертолѐта они вряд ли сумели бы укрыться.

Егеря должны были освежевать лосей и закопать мясо в снег, чтобы спустя неделю-другую отвезти его на склад районного охотоведа. Зная, что охота с любого вида транспорта запрещена, Мельников сразу же попытался выяснить у Архутика, что всё это значит. И услышал в ответ, что товарный отстрел лосей произведѐн с разрешения руководства, иначе откуда бы появился вертолѐт. Однако Валерий Иванович не поверил. О данном факте браконьерства старший егерь решил сообщить в УВД области и попросил егерей Полищука и Баженова в случае необходимости подтвердить это. Но егеря отказались наотрез, по-дружески посоветовав и Мельникову не связываться с районным охотоведом...

Домой возвращались на «буранах», когда уже начинало смеркаться. От газопровода свернули в лес на просѐлочную дорогу, и вдруг ехавший впереди Архутик неожиданно вскинул карабин и на ходу выстрелил. Мельников увидел в двух десятках метров крупного секача, который, пропахав с разбега снежную целину, замер меж двух осин. Подъехав к кабану, убедились, что он был сражѐн наповал. Валерий Иванович взглянул на довольного Архутика и спросил:

— Зачем ты стрелял? Тебе нужно мясо?

— Да нет, — вяло пожал плечами охотовед, — просто в азарт вошёл... Тебе, что ли, это объяснять...

Он повернул голову и посмотрел на Мельникова — в его глазах стоял лёд, а на губах играла жёсткая усмешка. Валерию Ивановичу стало как-то не по себе. Именно тогда-то он и подумал, что Архутик никогда не был охотником и уже никогда не станет им. Охотовед, который по сути своей не охотник, а стрелок, опаснее медведя-подранка...

Всё это моментально пронеслось в голове Мельникова, пока он, уже молча, стоял против своего начальника. Да, Архутик действительно уверен, что его в любом случае прикроют. Именно это он всем и даёт понять, кто приходит в его кабинет, иначе зачем районному охотоведу надо было вешать на стену свою фотографию в окружении губернатора области В. Позгалёва и начальника УВД Н. Головкина. Говорят, что раньше на этом же самом месте висело другое фото, подтверждающее охотничью славу Ахутика, — он вместе с бывшим губернатором Подгорновым и начальником УВД Головкиным. Однако, когда губернатор оказался под судом, а потом в тюрьме, фотография со стены исчезла. С год место над столом пустовало, а сам Архутик несколько изменил своё поведение — и лицензии стал распределять по-божески, и даже разговаривать со своими врагами — верховскими охотниками и директором Тарногского лесхоза — приветливее. Кое-кого такая перемена в поведении охотоведа смутила, да только хватило его на один охотничий сезон. А потом всё опять пошло по-старому, даже ещё круче, словно Архутик старался наверстать упущенное. Тогда же появилась и

фотография охотоведа на стене уже с новым губернатором, хотя и в старой рамке...

Сейчас Мельников даже невольно взглянул на неё, заметив, как усмехнулся снисходительно на это охотовед. Небось подумал, что наконец-то и до старшего егеря дошло, с кем он имеет дело. Да и, очевидно, догадался, что Архутика обвинения его не страшили по другой причине — их ещё надо было доказать: охотовед умело прятал концы в воду, и документально подтвердить что-либо было фактически невозможно. К тому же найдутся и такие, кто постарается выгородить охотоведа, чтобы не шуметь и не привлекать внимание к персонам области. Они готовы и пожуричь Архутика, и наказать его за упущения в работе, лишь бы только не расследовать факты браконьерства районного охотоведа, способного в случае чего и наговорить лишнего. А уж Архутик, естественно, постарается больше не попадаться, хотя от людских глаз на селе трудно укрыться. Правда, на них можно не обращать внимания, если начальственное око благосклонно к тебе. Тем более, что среди деревенских охотников тоже попадаются всякие, так что и за Архутика, если надо, скажут своё слово...

Из письма Первого заместителя Министра природных ресурсов РФ Ю. А. Кукуева Первому заместителю губернатора Вологодской области С. М. Громову: «Ограничения по осуществлению деятельности, связанной с использованием объектов животного мира, в том числе отнесённых к объектам охоты, установленные статьёй 12 Федерального закона «О животном мире», не распространяются на лесхозы МПР России ввиду того, что ведение охотничьего хозяйства в комплексе с лес-

ным хозяйством не входит в перечень видов пользования животным миром, указанных в статье 34 Федерального закона «О животном мире».

На основании положений... правовой базы, по заявкам лесхозов МПР России постановлениями губернатора Вологодской области от 19 октября 1995 г. № 67, от 25 октября 1996 г. № 820, от 17 ноября 1997 г. № 1125 и от 2 июня 1998 г. № 447 право ведения охотничьего хозяйства было предоставлено Кириловскому, Бабушкинскому, Тотемскому и Нюксиницкому лесхозам МПР России в Вологодской области, в которых организована егерская служба.

Комитет природных ресурсов по Вологодской области ежегодно осуществляет мероприятия по охране объектов животного мира и улучшению условий их обитания на территории лесного фонда, затраты на которые в 2000 г. составили 256 тыс. руб.

По состоянию на 25 июня 2001 г. расходы Тарногского лесхоза МПР России на проведение биотехнических мероприятий составили 9432 руб.

Дополнительно сообщаем, что факты уничтожения солонцов по распоряжению директора Тарногского лесхоза МПР России в 2000 г., приведённые в вашем письме, не подтвердились.

Учитывая вышеизложенное, Министерство природных ресурсов Российской Федерации считает неправомерным отказ администрации Вологодской области в предоставлении права пользования объектами животного мира, отнесёнными к объектам охоты, Тарногскому и Вытегорскому лесхозам МПР России в Вологодской области и надеется, что указанный вопрос будет решён

в установленном законодательством Российской Федерации порядке...»

И всё же старшему егерю Мельникову хватило решимости обратиться к начальнику областного охотуправления Солдатенкову по поводу незаконной деятельности районного охотоведа. Выслушивать жалобы подчинённых для Валерия Дмитриевича было делом обычным. Но в данном случае его озадачило другое — Мельников не захотел рассказывать о браконьерстве Архутика ему одному, а поставил условие: при разговоре должен был обязательно присутствовать главный охотовед области Филатов и сам Архутик, дабы смог ответить на все обвинения старшего егеря. Валерию Дмитриевичу и самому было интересно, что станет отвечать районный охотовед. Тем более что и сам начальник охотуправления из-за него уже пострадал. Недавно из Департамента охоты и охотничьего хозяйства Минсельхоза РФ позвонил Русинов и первой же фразой дал понять, что ему известно о творящихся в Тарногском районе безобразиях.

— Как это возможно, чтобы за одну ночь Скоробогатько отстрелял в Тарноге сразу пять медведей? Кто разрешил? Где документы на эту незаконную охоту?

— Мне об этом ничего не известно, выясню — доложу...

С Архутиком Солдатенков сумел связаться лишь после обеда. Спустив на районного охотоведа всех собак, Валерий Дмитриевич потребовал немедленных объяснений, однако в ответ услышал спокойное:

— Ерунда, не было такого, могу ручаться...

Удовлетворённый ответом, Солдатенков перезвонил в Минсельхоз и стал заверять Русина, что очередная кляуза на районного охотоведа не подтвердилась.

— Значит, не подтвердилась? Да мне об этом сам Скоробогатько говорил, хвастал и звал на свою выставку трофеев — пять шкур за ночь! Не будешь знать, что у тебя творится в хозяйстве, можешь нарваться на неприятности...

Сейчас, рассеянно слушая старшего егеря Мельникова, Валерий Дмитриевич смотрел на набычившегося, побагровевшего Архутика и думал о том, что он действительно не знает, что там в Тарногском районе творится. Да только за эти отстрелы лосей с вертолётá, присвоение волчьих шкур, брошенных медведей-подранков районного охотоведа надо было отдавать под суд. «А что? Уволить Архутика да поставить охотоведом этого Мельникова, так хоть порядок будет...» — распаяясь, подумал Солдатенков. И вздрогнул, представив, как придётся оправдываться не только перед областным начальством — Архутик ведь охотился и с губернатором, и с начальником УВД, — но и перед Москвой. Эти банкиры имеют связи и в Госдуме, и в Правительстве, куда ему с ними тягаться. Придя к такому выводу, Валерий Дмитриевич вдруг физически остро ощутил свою беспомощность и несостоятельность даже перед подчинённым. Побледнев, Солдатенков уже не отрывал ненавистного взгляда от Архутика. И когда Мельников заговорил о том, как за одну ночь ему пришлось снимать шкуры с пяти медведей, убитых Скоробогатько,

да ещё без лицензий, Валерий Дмитриевич не выдержал и грохнул кулаком по столу.

— Если я узнаю, что в Тарноге снова появятся эти банкиры, ты у меня не просто с треском вылетишь... — И, подняв злые глаза на растерявшегося от этой вспышки негодования Мельникова, спросил: — У тебя всё?

Архутик возвращался в Тарногу несколько обеспокоенный круто изменившимся к нему отношением со стороны Солдатенкова. Но скребло по сердцу другое — то, что начальник охотуправления и старший егеря начали понимать друг друга. А этого как раз и нельзя было допустить. И здесь выход только один — заставить Солдатенкова изменить своё мнение в отношении Мельникова, чтобы затем старшего егеря уволить.

Тем же вечером Архутик долго сидел на телефоне, прежде чем дозвонился до Скоробогатько. Александр Иванович понял его с полуслова и, рассмеявшись по поводу страхов охотоведа, посоветовал ему выпить на ночь рюмку коньяка и забыть обо всём — неприятностей у него не будет...

На открытие осеннего охотничьего сезона в Тарногский городок шумно съезжались гости. Центральная площадь, где находились здание районной администрации, гостиница, Дом культуры, универмаг, сплошь была заставлена иномарками. Особенное оживление царило в магазинах, с прилавков которых сразу же исчезли дорогостоящая водка, коньяк и вино.

Некоторая нервозность ощущалась и в конторе районного охотоведа. Егеря готовились принимать не столько гостей, сколько начальство. Мельников копался в моторе своего старенького ГАЗ-66 — с утра вдруг по-

текло масло. Он и не заметил, как из подкативших джипов вылезли московские банкиры Скоробогатько и Пономаренко, а вслед за ними начальник охотуправления Солдатенков. Их уже с улыбкой встречал Архутик. Но Валерий Дмитриевич лишь перекинулся с ним парой слов и тут же направился к Мельникову. Тот его тоже увидел и, захлопнув капот, вытирал руки ветошью. Однако Солдатенков здороваться с ним за руку вовсе не собирался.

— Что ж, Валерий Иванович, — тоном соболезнования проигравшему в карты проговорил он, — как я и предполагал, все ваши обвинения в адрес Архутика оказались постыдным оговором. А такого я не прощаю...

В тот же день Мельников подписал заявление об уходе.

III

Виталий Ламов оказался человеком молчаливым и робким. Среднего роста, худощавый и серьёзный. Вернее даже — озабоченный, с той затаённой грустинкой в глазах, которая отличает людей крепких духом и философского склада ума. Когда-то Ламов работал в лесхозе, но в 1989 г. его укусил энцефалитный клещ, парализовало правую ногу, и с тех пор он инвалид III группы. Однако хотя и прихрамывает, да охотой всё равно увлекается. Правда, охотится редко, и дело тут вовсе не в его здоровье. Лицензий районный охотовед не даёт, обвиняя охотников постоянно в одном — не выполняют биотехнических мероприятий. По утверждению же Ламова, он, невзирая на болезнь, и солонцы из года в год орга-

низует, и сено заготавливает для лосей, и площадки подкормочные засекает вместе с Поповым, Горчаковым и другими. Один раз до ругани у них с Архутиком дошло, тому пришлось поднять документы, нашёл все справки о выполняемой ими биотехнии и выдал одну лицензию.

— Почему же районный охотовед так к Вам относится? — не мог понять я, оглядывая более чем скромную обстановку в доме — на пенсию, конечно, не разгуляешься. А ведь каким подспорьем в семье стал бы для Ламова добытый им кабан или лось. Да и почему не помочь инвалиду? — Может, существует какая-то причина? — допытывался я.

— Коммерческие охоты мы ему не даём здесь проводить, — заговорил Горчаков, видя, что Ламов хмуро молчит.

Как выяснилось, причина недоброго отношения районного охотоведа к верховенским охотникам действительно имелась. Но не простая, а многослойная, если так можно выразиться.

Каждый год весной Горчаков, Ламов, Попов, Мельников и другие охотники при помощи лесхоза засекают овсом подкормочные поля, для кабанов сажают картофель или земляную грушу, для лосей заготавливают сено, завозят соль в определённые места. А раз биотехния охотниками проводится, то они имеют законное право на приобретение спортивных лицензий на отстрел кабана, лося, медведя... Да не тут-то было! У районного охотоведа своя политика в отношениях с охотниками — отдашь подкормочные поля для охоты ему, получишь лицензию, а не дашь... Да только все уже знают — до-

пусти Архутика до подкормочной площадки, потом не одного подранка добирать придётся. Он со своими гостями-банкирами стреляет во всё, что движется, но часто они даже не смотрят, убит зверь или ранен. Вот такая очень спортивная охота...

Когда же Горчаков и Попов отказали охотоведу в предоставлении ему своих подкормочных полей, Архутик искренне удивился. Он твёрдо был убеждён, что засеять подкормочные поля экономически невыгодно, если на них не отстреливать медведей. Да отказ Архутика и не смутил, он спокойно предупредил ретивых охотников, что как районный охотовед имеет полное право охотиться там, где сочтёт нужным.

С этого момента и началось противостояние верховских охотников и браконьера в законе Архутика. Как только на дороге замечали вечером его уазик, мужики обходили вокруг подкормочных площадок, зная, что осторожный и крайне подозрительный медведь наверняка учует запах человека и на это поле уже не выйдет. А иногда вблизи поля начинали жечь покрышки, дым от которых распугивал всё зверьё...

Бывало, Архутик со своими гостями ночи напролёт просиживал безрезультатно на вышках. Матерился, а вскоре до охотников дошёл слух: районный охотовед обещал, что им эти концерты выйдут боком. Грозил вроде как всем, но крайним выбрал самого беззащитного...

Беспредел

Ясным сентябрьским утром житель верховской деревни Першинская Николай Кошелев шёл в лес за клюквой, благо что урожай её в этом году был отличный, даже не подозревая, что спустя самое короткое время он станет невольным участником довольно нервных, и не только для него, событий. Подходя к ферме, Николай увидел знакомых доярок — двух Татьян, Боровикову и Даневич. Поздоровался и вскоре уже огибал телятник, двигаясь вдоль овсяного поля, на котором работал комбайн, к речке Афтюге, за которой клюквенные плантации и располагались.

Миновав крепкий мосток и углубившись по просеке в лес, Кошелев вдруг услышал в придорожных кустах звериный рык, но значения этому не придал. Охотником он не был, иначе бы понял, что подобное рычание издаёт медведь, тем самым как бы предупреждая — намерения у него явно не дружелюбные. А Николай звериное предупреждение попросу игнорировал, чем вызвал у злобного от испытываемой боли медведя ярость.

Оскалив пасть, зверь ломонулся сквозь кусты на дорогу. Увидев медведя с кровоточащей раной под правой лопаткой, Кошелев выпустил из рук корзинку и бросился бежать назад к деревне. Он знал, что если медведь кинется за ним, то от него уйти вряд ли удастся — он догоняет и лошадь. Однако медведь за Николаем не побежал, очевидно, потерял много сил...

То, что в лесу объявился медведь-подранок, — для местных жителей ЧП, особенно в ягодный сезон, когда продажа собранной клюквы для многих жителей является основным заработком. Поэтому молва о подранке тут же разнеслась по окрестным деревням. Кошелев о медведе сообщил охотникам, а те, в свою очередь, сразу позвонили районному охотоведу. По правилам, он немедленно должен был приехать с егерем и добрать подранка. Однако появился Архутик в Першинской только через три дня, когда вся округа жила в напряжении — раненый зверь мог натворить немало бед. Более того, необходимо было по горячим следам провести расследование, кто бросил подранка, тем самым став опасным браконьером.

Но районный охотовед, приехав в Першинскую, забрал с собой Кошелева и отправился к тому месту, где Николай встретил медведя. За речкой на просёлочной дороге очевидец всё до мелочей рассказал Архутику. Виктор Васильевич выслушал и уехал, оставив в полном недоумении Кошелева...

А дальше события начали разворачиваться совершенно неожиданным образом. Виталий Ламов пошёл в сельский магазин за хлебом, где случайно встретил районного охотоведа, купавшего несколько бутылок водки. Воспользовавшись ситуацией, Ламов тут же предложил Архутику создать из местных охотников и представителей власти комиссию, чтобы добрать медведя, а затем вскрыть и по извлечённой пуле найти браконьера. Он ещё не договорил, как лицо Архутика перекосило от едва сдерживаемой злобы.

— Ну, пойдём, поговорим насчёт комиссии...

Ничего не понимающий Ламов, прихрамывая, пошёл вслед за районным охотоведом. Когда они оказались на улице у его машины, Архутик повернулся и, размахнувшись, одним ударом свалил Ламова с ног. Уже лежащего на земле пнул ногой и, багровый от ярости, прохрипел:

— Я тебе покажу комиссию, пень колченогий. Больше тебе здесь не охотиться, заруби себе на носу...

Размазывая по лицу кровь, брызнувшую из разбитого носа, и пытаясь подняться, Ламов неожиданно понял, чего так испугался районный охотовед, — пули! Она могла стать неопровержимой уликой против него. И по тому, как смотрел на Архутика избитый им инвалид, Виктор Васильевич не мог не сообразить, что раскрыл сам себя своей несдержанностью. Но лишь с отвращением сплюнул и уехал...

Виталий Геннадьевич ещё долго сидел на обочине дороги, пытаясь прийти в себя, унимая дрожь в ногах и находясь в каком-то оцепенении, плохо воспринимая окружающее. Есть вещи, которые нормальный человек, очевидно, никогда не сможет понять. В данном случае жажду наживы любым путём, за счёт унижения или уничтожения себе подобных. Но если такое становится нормой в обществе — оно уже само преступное, как и власть, допускающая несправедливость к одним и безнаказанность — к другим...

От своих горестных дум Ламов очнулся, когда из магазина выходили знакомые комбайнёры. Увидев его бледного, в крови, спросили, что случилось, однако Виталий отмахнулся — зашиб нос, а он у него слабый. Му-

жики предложили поправить здоровье, выпить с ними, так как неожиданно подработали.

— Тут районный охотовед подъехал к нам в поле, попросил соток десять не скашивать, ему оставить. У него здесь охота намечается на медведя с какими-то тузами. Литр поставил... Да он каждую ночь ездит сюда, доярки с фермы его машину часто видят...

Ламов от их приглашения отказался — после болезни он вообще не пил. Однако признания комбайнёров только доказывали, что он был прав в своих догадках, обвиняя в браконьерстве Архутика. Да только вот сделать ничего не мог...

Из письма № 01—1/157 от 15.10.2001 г. начальника Вологдаоблохотуправления В. Д. Сидоренкова директору Тарногского лесхоза А. А. Горчакову: «Возвращаю Вам заявку № 89 на получение объектов животного мира в пользование, направленную на имя губернатора области Позгалёва В. Е., без удовлетворения, так как испрашиваемые охотугодья ещё в 1991 году решением Вологодского облисполкома № 95 от 21 февраля закреплены за управлением охотничьего хозяйства (так тогда называлось наше управление), и в этом же году Центральной проектно-изыскательной экспедицией Главохоты изготовлен проект внутрихозяйственного устройства Тарногского охотничье-производственного участка. В настоящее время выполнение всех биотехнических мероприятий, предусмотренных проектом, осуществляется работниками районной службы охотничьего надзора, а вся эта территория является охотугодьями общего пользования и служит альтернативой охотугодьям,

закреплённым за районным обществом охотников и рыболовов. Безусловно, Вы знали о том, что в Тарногском районе нет незакреплённых охотничьих угодий, но почему-то в отдел «Хозяйство и право» ВНИИОЗа (г. Киров) для получения экспертного заключения сообщили, что испрашиваемые охотугодья ни за кем не закреплены. А это уже не честно...»

Из справки главы Тарногского районного самоуправления В. В. Постникова № 602 от 4.12.2001 г., выданной руководителю МПР: «Площадь, на которую претендует Тарногский лесхоз для организации охотничьего участка, находится на территории ГРОФ (государственный резервный охотничий фонд) и ни за кем не закреплена».

IV

Из Верховья мы с Горчаковым уезжали поздно вечером. Вышли из дома Алексея Попова, и чернота таёжной ночи нас почти поглотила. Но неожиданно выплыла из облачной прорехи огромная полная луна. От её света снежные сугробы вокруг засверкали чистой бирюзой, просто красотой первозданной. Придорожные ели разом выступили из темноты, заискрили бледно-зелёными хлопьями снега на разлапистых ветвях, да ещё потрескивая во сне от мороза в этой ничем не нарушаемой тишине. Однако я уже знал, даже прочувствовал, что она здесь тоже обманчива. И этот таёжный мир, самая что ни на есть глухомань, медвежий угол, так же был разделён надвое — на тех, кто пытался его сохранить, и на тех, кто хотел его использовать ради ко-

рыстных целей, собственной выгоды. И в подобном двухмерном мире эти две силы никогда не найдут примирения. Значит, какая-то из них должна одержать верх...

У меня в ушах ещё стоял взволнованный голос Алексея Попова, который с горькой иронией говорил:

— У нас браконьерством можно заниматься беспрепятственно, если кто захочет. Да и откуда госохотинспекции взяться в лесу? Осенью все егеря заняты организацией охоты на медведя для чиновников и иностранцев — джипованных господ. Ведь всех надо обслужить, вот егеря и сидят на подкормочных площадках. Ни в лесу, ни на реке их никого не увидишь, делай что хочешь. Заканчивается сезон охоты на медведя, егеря начинают бобров ловить — опять в лесу никого. Вот пойдут кабаньи охоты — и здесь уже егеря и охотовед в лесу, туда можно не соваться... Так наши деревенские браконьеры, которым Архутик не даёт лицензий, никогда лишнего зверя не убьют. Им бы кабана, чтобы зимой мясо было, и всё... А эти на продажу готовы леса опустошить... На браконьерстве районный охотовед и егеря делают огромные деньги. Архутик за несколько лет пять иномарок сменил. И неудивительно, если за одну ночь охоты на медведей с банкиром Скоробогатько он ему почти восемь тысяч долларов отсчитал. А что власть? Вот то-то и оно...

Да, думал я, зло многолико и хитро, оно рядится в любые одежды, поди разгляди его, да ещё докажи, что оно зло. С этим столкнулись не только Мельников, Попов или Горчаков. Иномарками Архутика заинтересовались и в Тарногском РОВД. Следователь Кичигин попы-

тался было выяснить у районного охотоведа, на какие деньги им были приобретены дорогие автомашины, да не тут-то было. Виктор Васильевич просто отказался отвечать, ссылаясь на то, что бухгалтерия находится в Вологодском управлении охотничьего хозяйства, и по всем вопросам о его заработках уважаемый следователь пусть обратится к начальнику охотуправления В. Д. Солдатенкову. Кичигин позвонил Валерию Дмитриевичу, объяснил причину интереса доходами Архутика, но Солдатенков коротко и в очень вежливой форме дал понять следователю, что у районного охотоведа богатые клиенты из числа московских банкиров, которые за оказываемые им услуги и подарили Архутику несколько подержанных иномарок. Это была явная ложь. Кичигин понял, что сверху ждать помощи не придётся, поэтому очень осторожно начал опрашивать охотников, егерей охотобщества и нащупал-таки, каким образом подобраться к бухгалтерской документации охотоведа. Ежегодно весной Архутик вместе с егерями проводил вспалку подкормочных площадок, засеивал их овсом, в колхозах покупал зерно и использовал колхозную технику. Кичигин потратил немало времени, разъезжая по тем хозяйствам, на землях которых или рядом находились подкормочные поля охотуправления. И вскоре картина прояснилась. Фактически ни в одном хозяйстве в бухгалтерии не было официально оформленных счетов оплаты Архутиком тех или иных работ, проводимых на «его» овсяных полях. Ни в один из колхозов районный охотовед деньги не платил. Значит, присваивал?

Чтобы прояснить как-то этот вопрос, Кичигин и вызвал в РОВД бывшего егеря Мельникова. Валерий Ива-

нович подтвердил, что Архутик рассчитывался с трактористами лицензиями на отстрел лося или медведя. Вернее, предоставлял возможность трактористам, которые почти все были охотниками, приобрести у него лицензии за собственные деньги. Виктор Васильевич и в таких пустячных случаях личной выгоды никогда не упускал. Имел охотовед и липовые счета за якобы купленный в колхозах овёс для посева на подкормочных полях. Естественно, возникал вопрос: почему областное охотоправление предоставляло Архутику под отчёт наличные деньги, а не проводило расчёт за выполненные полевые работы по перечислению в соответствии с нарядами?..

У Кичигина вскоре появится масса вопросов в отношении деятельности районного охотоведа, на которые ответов он так и не получит. По приказу начальника Вологодского УВД все следственные действия в отношении Архутика были прекращены. Правда, для многих это не стало чем-то неожиданным. Наоборот, нечто подобного ждали. Если уважаемый Виктор Васильевич охотится вместе с губернатором В. Позгалёвым и начальником областного УВД Н. Головкиным, а прокурор Тарногского района В. Черепенин является его родственником по линии третьей жены, то смело можно сказать, что Архутик всегда умел устраиваться в жизни, используя любые возможности для достижения личной выгоды. Кстати, районный охотовед свои связи не скрывает и с удовольствием рассказывает, как сидел на вышке у подкормочной площадки вместе с Никитой Михалковым за неделю до открытия охотничьего сезона, когда появление в охотхозяйстве с оружием уже

считается преступлением. Но Никита Михалков был личным гостем губернатора В. Позгалёва, как мог Архутик ему отказать. А разве московские банкиры Скоробогатько и Пономаренко не чьи-то гости?..

А ведь ещё и сегодня вполне можно доказать, что многие чиновники, как областные, так и столичные, из года в год охотились без путёвок. Разве это не браконьерство? Можно доказать и факт хищения Архутиком волчьих шкур, которые сдавались районному охотоведу охотниками. Им ведь выплачивалась премия за отстрел волков тогдашним Комитетом по экологии. Надо только поднять эти документы, по годам установить, сколько волков в районе было отстреляно, сколько премиальных выплачено, и выяснить, в какие годы шкуры отстрелянных волков не были сданы Архутиком на овчинно-меховую фабрику. Да только что-то не видно желающих проделать всю эту работу. Если бы законы существовали для всех, преступники не оставались бы безнаказанными...

Мне припомнилась выдержка из предвыборной речи губернатора Вологодской области В. Позгалёва: «Забота обо всех — ответственность перед каждым». А почему не перед законом? Это куда конкретнее, чем ничего не значащее — перед каждым. Тогда бы и Никита Михалков не беспокоил губернатора просьбами поохотиться на медведя за неделю до открытия охотничьего сезона. Не посмел бы тогда Архутик выкручивать руки врачу Г. Пешкову или избивать инвалида III группы В. Ламова. Но эти преступления остаются без наказания. Так кто же тогда истинный виновник творящегося беспредела в охотничьем хозяйстве Тарногского района?

Пока на этот вопрос не будет дан ответ, говорить об Архутике и его преступлениях не имеет смысла.

А в это самое время Виталий Ламов с горечью и болью пишет во все инстанции, сетуя на то, что количество ежегодно отстреливаемых медведей в Тарногском районе и гибели их от ран всё растёт. И Тарнога, некогда считавшаяся столицей этого медвежьего края, в скором будущем вполне может остаться без «символа леса».

Мне припомнились слова директора Тарногского лесхоза Александра Анатольевича Горчакова, сказанные им в день моего отъезда:

— Многие и у нас не понимают, что мы не только за сохранение диких животных бьёмся, биотехнические мероприятия проводим, учётом занимаемся... Всё это и Архутик делает, хотя и для иных целей, но у начальства он всё равно в передовиках ходит. Бороться-то надо за человеческое в человеке, а такое возможно лишь, если он правильно понимает природу, что она не просто живая, она — и наша жизнь тоже. В самом что ни на есть прямом смысле. Он ненадолго замолчал и уже совсем тихо со вздохом добавил: — Да вот только сегодня проявление человеческих качеств, говоря словами районного охотоведа, экономически невыгодно. И это — цивилизованный бизнес?! Дожили...

Оскал медвежьего угла

В мае 2002 года в газете «Природно-ресурсные ведомости» (№ 15-16) был опубликован мой очерк «Мед-

вежий угол». Я его написал после командировки в Тарногский район Вологодской области, откуда пришло письмо местных охотников. Они жаловались на беспредел со стороны районного охотоведа Архутика В. В., который, пользуясь покровительством областного начальства и родственными отношениями с работником районной прокуратуры, наживался на истреблении медведей. Он за наличные немалые деньги организовывал охоту московских банкиров. И в то же время ограничивал права охотников, лишая их незаконно лицензий на отстрел лося, кабана — тех, кто не мог стерпеть его хищнических противоправных действий по отношению к животным в районном охотхозяйстве. Свидетелей тому десятки людей, неоднократно писавших отчаянные письма во все областные и районные инстанции, но... проверяющие из охотуправления ничего противоправного не обнаруживали, а тех, кто мог бы о нарушениях Архутика В. В. рассказать в подробностях и немало, проверяющие просто игнорировали.

После публикации «Медвежьего угла» в областной газете «Русский север» была напечатана статья «Пришел, увидел, оболгал». Самое интересное в ней — как Архутик В. В. в благородном гневе пытается убедить неискушенного читателя, что никаких «мерседесов» он не приобретал, а охота московских банкиров носила благотворительный и даже вегетарианский оттенок: вечерами в райцентр Тарногу они, мол, приезжали пострелять, развеяться, а если и стреляли мишек, то строго по лицензии. И это несмотря на то, что присутствовавшие на их охоте свидетели утверждают обратное.

Зато об остальных фактах по части манипулирования документацией, подлогов и прямого обмана, присвоения сданных охотниками шкур добытого волка, незаконных задержаний охотников, Архутик В. В. предпочел умолчать. В разбирательстве пришлось бы обращаться к его жертвам и многочисленным свидетелям, а это для районного охотоведа чревато. Однако областное руководство не собиралось справедливо разрешить конфликт между зарвавшимся районным охотоведом и охотниками, и Архутик В. В. усилил свое наглое попирательство не только прав людей, но и законов.

И вот 20 ноября прошлого года отчаявшиеся охотники собрались в районном охотобществе, чтобы обсудить один лишь вопрос: что необходимо сделать, чтобы сохранить общественную организацию охотников? И решили написать Открытое письмо Губернатору Вологодской области В. Е. Позгалеву, а копию направить депутату Госдумы РФ В. В. Чайке. Охотники еще надеялись, что руководитель области, за которого они голосовали, разберется, ведь не могут же полторы сотни охотников из Тарногского района оказаться клеветниками на одного охотоведа, на незаконные действия которого из года в год идут десятки жалоб в различные областные инстанции и в Москву. И не странно ли, что жалобы эти не подтверждаются, и надо бы выяснить, кто проверял их... Если бы Вячеслав Евгеньевич Позгалев задался бы таким вопросом, то вскоре бы наверняка изумился, узнав, что проверяют жалобы тарногских охотников либо сотрудники областного охотуправления, то есть организации, где Архутик В. В. работал, а то

и вместе с ними нарушал, что называется, либо провер-
ку они доверяли... самому Архутику.

ИЗ ОТКРЫТОГО ПИСЬМА ГУБЕРНАТОРУ ОБЛАСТИ

В. Е. ПОЗГАЛЕВУ И ДЕПУТАТУ ГОСДУМЫ РФ В. В.
ЧАЙКЕ:

« В Тарногском районе общество охотников и рыболовов практически не работало десятков лет. 17.09.2001 г. была проведена конференция общества, на которой принято решение о сохранении общества, выбрано новое руководство. За год произошли существенные изменения: границы охотугодий обозначены аншлагами, восстановлена вся документация, погашены долги по заработной плате, электроэнергии, проведено благоустройство территории, изготовлено 15 солонцов, посеяно 20 га подкормочных площадей, укомплектован штат егерей, проведены были все зимние учеты, не сделан только учет околородных, который проводится раз в 5 лет. охотуправление в течение ряда лет не принимало никаких мер, но если общество работает, то его стараются задавить (или прекратить работу общества), ссылаясь на нарушение природного законодательства, выразившегося в нарушении оформления лицензий. Данным нарушением животному миру никакого ущерба не причинено, кто не работает, тот не ошибается. Председатель общества наказан. Но почему наказали всех охотников общества, лишив их лимитов на пушнину и лицензий? Работники охотуправления стреляют лосей с вертолетов после окончания сезона, набивают себе карманы, уничтожая медведя для банкиров. Это нарушением не считается. Как показало собрание охотников

30 ноября 2002 года да статья «Медвежий угол», это вершина айсберга из того, что творится на самом деле.

СМИ предупредило правительство области, что пора принимать самые решительные меры по наведению порядка в Главохоте. Никто из чиновников правительства области не дал никаких комментариев. Никаких мер со стороны прокуратуры, правительства области, охотуправления, налоговой полиции и других органов принято не было.

Мы считаем, что правительство области не считает бюджетных денег на содержание охотуправления, если старается переводить охотугодья в ГРОФ. Ведь общество, занимаясь ведением охотхозяйства, платит налоги, не требуя бюджетных средств. Не может так продолжаться, когда охотуправление занимается воспроизводством, контролем, распределением и отстрелом животных.

На всех уровнях правительство говорит об исполнении законов, но как понимать исключение законов в данном направлении?

Затевая партизанскую войну на территории ГРОФ, население борется с истреблением животного мира работниками охотуправления в надежде хоть что-то сохранить.

В Тарногском районе среди охотников и населения складывается впечатление, что ведение охотничьего хозяйства охотуправлением осуществляется для личного обогащения, удовлетворения потребностей аппарата правительства области и толстосумов из Москвы...»

Под этим Обращением к Губернатору Вологодской области и депутату Госдумы РФ поставили свои подписи

115 районных охотников. Оно было опубликовано в районной газете «Кокшеньга» 24 декабря 2002 г. А 24 января 2003 г. Тарногское районное отделение областного общества охотников и рыболовов получило письмо за № 07-07\2946, подписанное первым заместителем Губернатора Вологодской области С. М. Громовым. В нем в частности сообщалось, что, оказывается, «еще в 1999 году специалистами охотуправления и сотрудниками ОБЭП УВД области была проведена тщательная проверка фактов, изложенных впоследствии московским корреспондентом А. Глазуновым в статье «Медвежий угол». Установлено, что злоупотреблений служебным положением и нарушений природоохранного законодательства со стороны районного охотоведа В. В. Архутика не было.

Являясь специально уполномоченным государственным органом в сфере охраны, контроля и регулирования использования охотничьих животных, обхотуправление в своей деятельности строго руководствуется федеральным законом «О животном мире», в том числе и статьей 12 этого закона.

Относительно «мнения» охотников района. Проведенный охотуправлением выборочный опрос членов Тарногского РООиР показал, что председатели охотколлективов никаких собраний по поводу подписания коллективного обращения к Губернатору области не проводили, большая часть подписей, приложенных к коллективному письму, является подложной...»

Очень хотелось бы узнать у первого заместителя Губернатора: если еще в 1999 г. охотуправление и ОБЭП УВД области тщательно, как Вы уверяете, проверили все

факты, которые затем я изложил со слов охотников в статье «Медвежий угол», то почему появилось в районной газете обращение к Губернатору и в Госдуму РФ письмо 115 охотников Тарногского района? И что это за «выборочные охотники», которые опровергают коллективное письмо и удостоверяют подделку подписей под ним? Не хотите ли Вы сказать этим, что сотня охотников, среди которых немало людей, уважаемых не только в районе, но и в области, и даже в России, — сплошь клеветники и мерзавцы? А Вы ничего с ними поделать не можете, хотя Архутик В. В., чувствуя свою безнаказанность, очень старается отомстить негодным. И вот уже в январе этого года районный охотовед вместе с егерем Силинским П. И. задерживает в урочище Чуломатки Тарногского района троих охотников — В. К. Едемского, председателя районного общества охотников и рыболовов, Ю. Н. Хвороста и В. А. Романова. Архутик В. В. у двоих отбирает карабины якобы за незаконное нахождение в охотугодьях с заряженным оружием и без лицензии на право охоты. Однако, как выяснилось в районном суде, куда с жалобами на незаконные действия районного охотоведа обратились Едемский В. К. и Хворост Ю. Н., дело обстояло вовсе не так, и что состава административного правонарушения в действиях ни того, ни другого не было, а все оказалось чистым оговором со стороны Архутика В. В., который нередко использовал свое служебное положение в угоду собственных амбиций. И документы у охотников были, и предъявили они их районному охотоведу сразу, да вот ему-то как раз не это было нужно. Однако и на этот раз противозаконные действия Архутика В. В. остались без

последствий. Хотя всем давно известно, как он любит поиздеваться над людьми. Да и чего ему бояться, первый заместитель Губернатора области, очевидно, ценит таких людей. Правда, что-то сомнительно, чтобы С. М. Громов защищал районного охотоведа. Подобная опека может только дискредитировать власть. Подписать письмо — чего проще, а разбираться по каждому поводу, так и для важных дел времени вообще не будет. Проблем, действительно в области немало, и все они требуют решения, а тут какие-то охотники...

Очевидно, и в Тарногском районе прекрасно поняли, что для областного начальства борьба за справедливость, с продажностью чиновников — пережитки социалистического прошлого. Но как не хочется верить, что там, наверху, все такие. И вот уже тарногские охотники и жители района пишут очередное письмо на имя Губернатора Вологодской области и Полномочного Представителя Президента РФ по Северо-Западному федеральному округу России, в котором каждое слово пронизано и болью, и недоумением, и надеждой: «...Нам становится понятным, что подчиненные среднего звена в некоторых вопросах Вас вводят в заблуждение, как говорится, бросают пыль в глаза, а сами стараются улучшить свое благосостояние отсутствием контроля. Это относится к охотуправлению и его руководству. Прочитав статьи в газетах («Медвежий угол», «Открытое письмо охотников»), а также ответ Министерства сельского хозяйства РФ центральному аппарату ЛДПР, нам, охотникам и жителям района, стало ясно, что в области в этом направлении правительство зани-

мается только отписками и публикует заказные статьи в «Русском севере» о своих «хороших» сотрудниках.

С такими отписками и подобными подчиненными Вы только теряете доверие в народе... В этом охотники района убеждаются все больше и больше: если на кого жалобы пишешь, тот и проводит проверки их, такое, наверное, только у нас в России делается. Проверки должны проводить независимые компетентные люди. А в районе проводит проверки охотовед Архутик В. В., представляясь, что это ему поручил сделать губернатор, что уже ни в какие рамки не лезет. Такое отношение к проверкам еще раз доказывает, что охотинспекция запятнала себя в недобрых делах и хочет оправдаться. Если порядочное руководство, то оно в отношении себя никогда не станет проводить проверки. И понимаешь, какое отношение властей к простым людям. Чтобы предотвратить беспредел охотуправления, охотники обратились к власти за помощью, а власть отвернулась, и охотники в защиту своей природы встали сами: в Верховском сельсовете не дали в осенний период проводить охотинспекции медвежьей охоты. А сколько охотуправление потратило средств на посевы, на строительство стрелковых вышек, на технику, на заработную плату за выполнение работ... Да что считать убытки, в бюджете денег хватит!

В 2002 году охотуправление не дало лимитов на пушнину и лицензий на отстрел лося Тарногскому охотобществу. Считают себя правыми, мол, наводят порядок. Не думают, что на заготовке пушнины человек может заработать наличных денег, которых в сельском хозяйстве вообще не видят. А пожилой человек, может, в

тот год последний раз заготовкой пушнины думал поправить свои дела — здоровье уже не позволяет охотиться в полную силу. Такое отношение власти ко всем нам говорит о том, что люди им не нужны, а лишь голоса на выборах. Но в отношении охотуправления должно быть принято правильное решение, согласно закона. А если считаете, что не достаточно 115 подписей охотников, то при необходимости соберем подписи жителей района, которые поддерживают наши обращения...»

Но ведь это крик отчаяния членов районного отделения областного общества охотников и рыболовов, которых обязана взять под защиту Ассоциация «Росохот-рыболовсоюз», если областной председатель Каплин В. В. по понятным причинам не хочет ссориться с руководством области. Хотя бы обратиться в Генеральную Прокуратуру России с просьбой разобраться в этой дикой ситуации.

Письмо тарногских охотников пропитано одним чувством — не отступать, твердо стоять на своих позициях здравого смысла и государственных интересов против власти, которая этих самых народных интересов защищать не намерена. И это отрадно. Люди бьются не за зарплату, ту, нищенскую на селе, которую не выдают порой из месяца в месяц, а за тот животный мир, который их окружает, за тех зверей и птиц, ставших жертвами наживы нечистоплотных чиновников. Так кто же поможет тарногским охотникам и жителям района, которых лишают последнего — окружающей их природы, их местообитания, а значит и их родины?

Александр ГЛАЗУНОВ.
Член Союза писателей России

СЕЗОН ОХОТЫ НА ОХОТНИКОВ

— Впервые Смолоблохотуправление начало изымать наши угодья еще в 1999 году, при бывшем губернаторе Прохорове, — председатель Смоленского областного общества охотников и рыболовов Виктор Васильевич Ермошенко вдруг замолчал, наморщил лоб, словно вспоминал что-то не совсем приятное, затем заговорил снова, но совершенно иным тоном. — Однако Охотуправлением и тогда руководил Александр Алексеевич Сидоренков. Правда, подошел к этому довольно безответственно, и проходило незаконное изъятие наших охотугодий с серьезными юридическими нарушениями в части оформления документов. Я вас с ними ознакомлю. То есть, некоторые участки охотничьих угодий закреплялись сразу за несколькими новыми охотпользователями, дело доходило чуть ли не до драки, когда они меж собой начали выяснять, где проходят границы их владений. Но в Охотуправлении даже не заметили таких метаморфоз, там определяли охотугодья в пользование по границам на картах, которые приносили с собой новоявленные любители дешевой природы. Даже не проверили правильность границ участков, не состыковали их с угодьями других охотпользователей. Ну а Прохоров подписывал постановления о даче охотугодий в пользование, завизированные чиновниками Охотуправления. Вот потом и приходилось эти постановления в срочном порядке исправлять, переиздавать...

Виктор Васильевич опять ненадолго замолчал, затем неожиданно добавил:

— Я ведь к Прохорову так ни разу и не сумел попасть, не принял...

— На каком же основании изымали у вас охотугодья? — спросил я, пытаюсь как можно быстрее добраться до сути проблемы.

— Основания? — переспросил Ермошенко с кривой усмешкой. — Угодья наши хорошие, ухоженные, зверя много, вот и все основания. А написать можно что угодно, например, несоблюдение договорных условий. Поди докажи им обратное, ежели Охотуправление само распределяет охотугодья, само выдает лицензии на отстрел и само контролирует, как и кто в этих угодьях охотится. Мы тогда даже и не поняли, что произошло, как оказался возможен подобный беспредел со стороны чиновников Охотуправления. А год спустя они нам опять стали предъявлять подобные претензии. Вот когда возмутились охотники, почти одиннадцать тысяч подписей собрали в протест против подобного беззакония. И что? 17 января 2001 года Смолоблохотуправление лишает нас долгосрочной лицензии на ведение охотничьего хозяйства, сразу отобрав все наши охотугодья.

— И вы так легко сдались? — я с недоумением посмотрел на Ермошенко.

— Сдались? — Виктор Васильевич от души рассмеялся. — Да если бы мы сдались, то я сейчас был бы богатым человеком, а общество имело пусть небольшие угодья, но зато в каждом районе. Только на долго ли?

Я был буквально сбит с толку и ничего не понимал.

— Мы два года вообще были без угодий, и лишь недавно нам выделили 540 тысяч гектаров в 10 районах, да и то после вмешательства руководства «Росохотрыболовсоюза». Остальные 14 районов до сих пор без угодий. Да что там, — он досадливо махнул рукой. — Ладно, завтра у нас состоится итоговое заседание Совета, но кое-кто из председателей районных обществ уже приехал, например, Вяземского, Гагаринского... С Ильиным и Зайцевым вам поговорить полезно будет во всех отношениях.

Естественно, я согласился, хотя в тот момент еще и не догадывался, какие непростые события происходят из года в год в охотхозяйствах Смоленской области. Но мне очень хотелось выяснить, почему в Охотдепартаменте и в Областной администрации так не любят Ермошенко, а поэтому, очевидно, и к Обществу относятся негативно.

— Виктор Васильевич, а когда и как все это началось?..

Права и интересы

Снег валил без передышки все выходные, и к понедельнику на улицах выросли такие сугробы, что утром Ермошенко пробивался к гаражу с лопатой в руках. Он и так водил машину довольно осторожно, лихачества терпеть не мог, а в таких условиях вообще ездил, как говорится, шагом. Подъезжая к Заднепровскому рынку, недалеко от которого и находилась контора Смоленского областного общества охотников и рыболовов, месту всегда людному, со множеством машин, бестолково

расставленных где попало, Виктор Васильевич уже поворачивал к берегу Днепра, как вдруг прямо перед ним выскочил на скорости невзрачный, сероватого цвета «Опель». Ергошенко резко затормозил, выворачивая руль, машину занесло и, очевидно, только благодаря счастливой случайности она остановилась в сантиметре от «Опеля». И в ту же секунду из него вышел молодой плечистый парень в черной куртке, защитных очках и белой шерстяной шапочке, надвинутой на лоб.

— Мужик, ты чего правила не соблюдаешь? — с наглой ухмылкой медленно проговорил он. — Так ведь можно не только машину, но и голову потерять.

— С моей стороны никаких нарушений не было, — начал было объяснять Ергошенко, открывая дверцу, но парня, видимо, его объяснения не интересовали.

— Я тебя предупредил, второго случая больше не представится, не надейся...

«Опель» исчез так же быстро, как и появился. Виктор Васильевич облокотился на руль и задумался. Он уже не сомневался, что этот дорожный инцидент и парни из невзрачного на вид «Опеля» — прямое продолжение ночных телефонных звонков ему домой. Они начались несколько месяцев назад. Сначала где-то раз в неделю, и Виктор Васильевич думал, что кто-то просто ошибся номером. Хотя было довольно странно, что в трубке слышалось только тупое сопение, словно на том конце провода и не пытались заговорить. Тогда зачем звонили? Таким вопросом Ергошенко задался совсем недавно, дней с десятков всего, когда тревожащие душу ночные звонки начали раздаваться ежедневно, а потом и несколько раз за ночь. Если подходила жена, в трубке

по-прежнему звучало глухое раздраженное сопение. Но когда трубку снимал он сам, прерывающийся хрипловатый голос предупреждал, что упрямство председателя Общества может для него закончиться больничным стационаром, но это в лучшем случае. Все попытки выяснить, кто звонит и что от него хотят, кончались ничем. Вероятно, шантажисты надеялись, что Ермошенко может догадаться и сам. Но догадки — еще не истина, хотя и они, естественно, у Виктора Васильевича имелись. Их подсказывали все предыдущие события...

История противостояния Смолоблохотуправления и Смоленского общества охотников и рыболовов началась лет 15 назад, когда во всю мощь закрутился моховик перестройки. Именно тогда Госохотуправление присвоило себе право самостоятельного охотпользования животным миром, в то же время обладая охранно-контрольными функциями, а значит, и административной властью в отношении остальных охотпользователей. Это монопольное единовластие и позволило Госохотуправлению изъять в свою пользу лучшие угодья у Смоленского ООиР, общества «Динамо», Военно-охотничьего общества и других. Тем самым оно расширило свое областное охотхозяйство более чем на 1 млн гектаров, развернув на них бурную деятельность по проведению валютных коммерческих охот для заезжих богачей.

В начале 1995 года был принят Федеральный закон «О животном мире». Специальным распоряжением Правительства России № 981-р от 17 июля 1995 г. органам исполнительной власти субъектов РФ было предпи-

сано: в пределах своей компетенции принять меры по реализации в практике охотпользования новых норм, установленных этим законом. Однако выполнять правительственное распоряжение областная администрация не спешила, и в том периоде ею не было издано ни одного постановления о приведении организации охотпользования животным миром в Смоленской области в соответствие с новыми нормами ФЗ «О животном мире». И тогда правление Смоленского ООоиР разработало проект такого постановления и предложила рассмотреть его Смолблехотуправлению и администрации области. Без такого нормативного документа вести охотустройство в угодьях было очень затруднительно. Однако деятельность чиновников, видимо, в правовом регулировании вовсе не нуждалась. Лишь спустя несколько лет они приступили к выдаче охотпользователям введенных законом долгосрочных лицензий. Но со своим, «местным» видением проблемы, которое никак не укладывалось в рамки ни Гражданского кодекса РФ, ни Закона «Об общественных объединениях». Иначе как расценить официальное письмо Смолблехотуправления на имя глав районных администраций, в котором призывало народных избранников использовать выдачу долгосрочных лицензий охотпользователям для привлечения в их ряды коммерсантов, в пользу которых охотугодья желательно и перераспределять. Владельцы частных фирм только этого и ждали, заявки их на владение охотугодьями посыпались, как осенние листья. Эти заявки рассматривались и удовлетворялись в Охотуправлении и администрацией области с завидной скоростью. О законной приоритетности в данном вопросе

традиционных охотпользователей на владение ранее закрепленными угодьями чиновники напрочь забыли. Более того, они этих приоритетных охотпользователей даже в известность не ставили о подпольном распределении их угодий в угоду коммерческих фирм. В результате, в соответствии с постановлением и. о. главы областной администрации С. Антуфьева № 387 от 9 июня 1999 г. Смоленское ОООиР лишилось разом 300 тыс. гектаров лучших угодий в 11 районах, которые были переданы 11 новым охотпользователям, четверо из них оказались закрытыми акционерными обществами.

22 июня того же года появляется еще одно постановление № 415, которым, также не ставя в известность Смоленское ОООиР, 235 тыс. гектаров ухоженных трудом сотен охотников общества были предназначены под новые госзаказники.

Возмущение ущемленных в своих правах десятков тысяч охотников заставило правление Смоленского ОООиР обжаловать эти постановления в областной прокуратуре. И вскоре письмом на имя губернатора Смоленской области А. Прохорова прокуратурой был внесен протест по поводу этих постановлений. Однако никакой реакции не последовало. Тогда Общество вынуждено было просить защиты законных прав и интересов охотников в арбитражном суде Смоленской области. Но за день до судебного заседания А. Прохоров отменил свои незаконные постановления.

Смоленское ОООиР вернуло свои прежние охотугодья. Но одновременно их лишались коммерсанты, а этого допустить чиновники Охотуправления явно не могли. Видимо, была у них какая-то непостижимая за-

интересованность в этом. Тем более строптивное Общество надо было наказать. Да так, чтобы все выглядело законно. Но начальник Охотуправления А. Сидоренков и его главные специалисты В. Барнев и И. Исаченков плодотворно поработали серым веществом своего головного мозга и придумали. 6 октября 1999 г. на свет появляется новое постановление губернатора А. Прохорова № 718, которым он просто отменял постановления предыдущего губернатора А. Глушенкова № 131 и 132 от 11 августа 1993 г. о закреплении в охотпользование Смоленского ООИР охотугодий во всех районах Смоленской области, оставляя тем самым Общество без единого гектара.

Трудно понять, на что надеялись чиновники из Облохотуправления и администрации области. Хотя самое интересное заключалось в другом. Пытаясь доказать свою пламенную и бескорыстную любовь к коммерсантам, буквально спустя неделю зам. Главы областной администрации Н. Дементьев своим распоряжением №427-р от 12 октября 1999 г. отобранные у охотобщества угодья возвращает тем самым коммерсантам, которые были лишены их менее месяца назад в соответствии с постановлением губернатора А. Прохорова № 669 от 21 сентября.

Пришлось снова обращаться в прокуратуру, которая опять заявила губернатору протест по поводу незаконности его постановления за № 718. Однако административный беспредел чиновников, которому не видно было конца, настолько возмутил охотников, что под письмом-протестом на имя губернатора Смоленской области А. Прохорова поставили свои подписи почти 11

тыс. человек. Это письмо весом в несколько килограммов было отправлено в администрацию. В нем излагалась короткая просьба \ хотя избиратели вправе требовать от власти наведения должного порядка в собственной вотчине\ положить конец беззаконию и произволу подчиненных ему госчиновников и обеспечить в дальнейшем их законные права и интересы. И опять ответа не последовало. Пришлось снова обращаться в арбитражный суд Смоленской области с исковым заявлением о восстановлении нарушенных прав Смоленского ОООиР. Решением арбитражного суда от 17 января 2000 г. постановление губернатора А. Прохорова и распоряжение его заместителя Н. Дементьева были признаны незаконными и недействительными.

Новым русским явно не везло. Однако они теперь четко осознавали, кто их настоящий враг, а кто друг. Но дружба дружбой, а охотугодья — врозь. Рыночная экономика держится на прибыли, а тут сплошные убытки. Надо отрабатывать. И вот уже на страницах местной печати публикуются откровения чиновников из Охотуправления, которые во всех бедах охотников обвиняют Смоленское ОООиР. А именно его руководство. Они-де и браконьеры, и жулики, заставляют охотников платить за путевки втридорога, обирают людей, чинят препятствия к приобретению желающими государственных охотбилетов... На этой волне лжи в апреле 2000 г. начальник облохотуправления А. Сидоренков подает исковое заявление в Арбитражный Суд Смоленской области о расторжении Генерального договора на пользование охотугодьями, который был заключен 15 декабря 1980 г. Госохотинспекцией при Смоленском облиспол-

коме и Смоленским обществом охотников и рыболовов. Основанием для подобного иска послужило умозаключение чиновников Смолоблохотуправления о том, что правопреемником Смоленского облисполкома является областная администрация, и в настоящее время требуется перезаключение договора Смоленского ОООиР с органом государственной власти субъекта Российской Федерации, как того требует ст. 33-37 ФЗ «О животном мире».

Суд детально разобрался в данном вопросе и в иске чиновников Охотуправления отказал. Более того, Арбитражный Суд Смоленской области, уставший, видимо, уже морально от незаконных действий со стороны областных госорганов против Смоленского ОООиР, в своем решении от 31 мая 2000 г. записал: «...оценив фактическое поведение истца, суд усматривает в нем признаки злоупотребления своим гражданским правом, т. к. фактически поведение истца направлено на создание условий для перераспределения Администрацией Смоленской области земель, закрепленных в настоящее время за ответчиком, пресеченного ранее Решением Арбитражного суда от 17.01.2000 г. по делу № 430\1-С (новый номер А-62-430\2000).

Данное обстоятельство в силу ст. 10 ГК РФ является дополнительным основанием к отказу в иске».

Начальник Смолоблохотуправления А. Сидоренков попытался обжаловать это решение в кассационной инстанции Федерального арбитражного суда Центрального округа РФ, но он его кассационную жалобу не удовлетворил.

Правда, сейчас, сидя за рулем автомобиля и невольно припоминая подробности тех дней, Ермошенко вдруг подумал о том, что справедливость, наверное, действительно всегда побеждает, но почему-то на очень короткое время. Он вздохнул, повернул ключ зажигания и тронул машину с места. Подъезжая к контроле, Виктор Васильевич неожиданно заметил злополучный серый «Опель» у забора соседнего дома метрах в двадцати. И только теперь до него дошло, что этот автомобиль он замечает на этом месте не первый день. Просто не обращал как-то внимания. Значит, намерения у них действительно серьезные, и надо ждать новых сюрпризов.

Ответный удар

Из открытого письма-обращения охотников к главе администрации Смоленской области, члену Совета Федерации Федерального Собрания РФ Прохорову А. Д.: «...как в прошлом 1999 г., так и в текущем 2000 г. чиновники Облохотуправления буквально в самый канун открытия охотсезона ставят нас и других охотпользователей, десятки тысяч охотников перед фактом неожиданного введения крупных обязательных денежных предоплат за охоту на ранее никогда не лицензировавшиеся виды пернатой и пушной дичи.

Причем делается это вопреки авторитетным разъяснениям ученых-юристов о том, что декретированные постановлением Правительства РФ № 1 от 4.01.2000 г. предельные размеры таких предоплат пока еще к их практическому повсеместному применению не готовы,

так как до сих пор ни на федеральном, ни на областном уровнях конкретный механизм и порядок их реализации для этой практики не разработаны, не утверждены и не обнародованы, а Смолоблохотуправление ни по своему статусу, ни по уровню правовой и финансово-экономической культуры на это не способно. Вследствие этого утвержденное начальником Облохотуправления «Временное положение о порядке выдачи именных разовых лицензий» не имеет законной юридической силы, содержит в себе массу неясностей и прямых противоречий действующему законодательству (например, ст. 37, 40, 52, 53, 54 Федерального Закона «О животном мире») и не определяет всего необходимого комплекса правовых и финансово-экономических взаимоотношений охотников и охотпользователей с Облохотуправлением и государственным бюджетом, а наши естественные вопросы по сути этих взаимоотношений ставят должностных лиц охотуправления в тупик.

Поэтому вся организация предстоящего летне-осеннего охотсезона 2000 г. находится под серьезной угрозой. От этого, если не принять срочные меры, серьезно пострадают не только 30 тысяч смоленских граждан-охотников, но и госбюджеты Смоленской области и Российской Федерации».

Виктор Васильевич отложил в сторону газету с опубликованным в ней его письмом еще в начале года и призадумался. Вероятно, именно это письмо и послужило началом нового витка беззаконий по отношению к Обществу. Несмотря на все решения Арбитражного Суда Смоленской области, заместитель Главы областной

администрации Н. Дементьев стал требовать в письменной форме, чтобы Смоленское ОООиР перезаключило «Договор о предоставлении в пользование территорий, необходимых для осуществления пользования животным миром». Все лето пришлось объяснять, что это неправомерные требования. Однако в начале октября на совещании охотпользователей, которое проводил начальник Облохотуправления А. Сидоренков, Ермошенко вручили текст Договора и новый документ «О внесении изменений в Условия пользования животным миром». Когда он с ними ознакомился, то понял — самое главное в них не многочисленные нарушения Федерального Законодательства, к которым Виктор Васильевич уже привык, а некоторые пункты Договора. Согласно им охотники Общества обязаны были «обеспечить численность животных на предоставленной территории из расчета: лосей — не менее 3-5 голов на тысячу га, кабанов — 2-3, косуль — 3-5...». И настораживающее категоричное предупреждение: «Плотность основных видов животных на 1 тыс. га охотугодий не должна быть ниже нормы, установленной нормативными правовыми актами». Правда, какими — не уточнялось, а это очень заинтересовало Виктора Васильевича, поскольку подобных нормативных документов он никогда и в глаза не видел. А тут получалось, что в охотхозяйствах Общества численность лосей и косуль должна быть доведена до 16 тысяч, кабанов — почти до 10 тысяч. Даже если Общество на 10 лет запретит в своих угодьях охоту на эти виды копытных животных, такого результата им все равно не добиться. Знали ли об этом специалисты Облохотуправления? Естественно. Значит,

подобные «нормы» были явно неправдоподобно завышенными? Но зачем? Однако на этот вопрос Виктор Васильевич, как ни ломал голову, пока ответа найти не мог. Поэтому с привычной ему скрупулезностью стал готовить ответ, опять дотошно перечисляя, какие пункты данных документов не соответствуют Федеральному Законодательству, не придав должного значения предупреждению Н. Дементьева о том, что «отсутствие договора является нарушением ст. 33 Федерального Закона «О животном мире» и может служить основанием для аннулирования Смолоблохотуправлением долгосрочной лицен на пользование животным миром». Тогда его занимал больше другой вопрос, который впоследствии многое прояснял в причинах натянутости отношений между Охотуправлением и Смоленским ООО-иР в лице его председателя Ермошенко.

В тот день Виктор Васильевич приехал в Охотуправление, чтобы сдать заявку на пользование животным миром. В отделе ему дали целую подборку нормативных документов, касающихся открытия охотничьего сезона, копии приказов и распоряжений. Выйдя в коридор, он начал их просматривать и увидел «Положение о порядке проведения на территории Смоленской области конкурсов по предоставлению территорий, необходимых для осуществления пользования объектами животного мира». Заинтересовавшись, быстро пробежал его глазами, отмечая по привычке места, которые требовали либо уточнения, либо редактирования, и вдруг дыхание его в прямом смысле прервалось. После уведомления охотпользователя о том, чтобы он не забыл вложить в пакет документов, предоставляемых на Кон-

курс, «платежное поручение об уплате минимальной суммы разового платежа с печатью банка об оплате, Ермошенко прочитал: «В отдельном запечатанном конверте участник конкурса представляет: конкурсные предложения, платежное поручение об уплате суммы сверх минимального размера разового платежа с печатью банка об оплате. На лицевой стороне этого конверта указываются наименование участника конкурса и номер участка, выставленного на конкурс». Это было что-то новое и довольно прозрачное. Виктор Васильевич вернулся в кабинет и, протягивая начальнику отдела бумагу, спросил:

— О каком конверте здесь идет речь? Законом ведь определено, что для рассмотрения заявки я должен заплатить в местный бюджет определенную сумму, приложить платежное поручение, оплаченный чек, к заявке и сдать вам. Что я и сделал. На каком основании я еще должен платить комиссии за рассмотрении моей заявки?

Растерянность начальника отдела длилась всего несколько секунд, после чего он вырвал бумагу из рук Ермошенко и, едва сдерживаясь, пробубнил:

— Можете не волноваться, эти конверты вас не касаются.

— То есть как? — с изумлением взглянул на него Виктор Васильевич. — Я же охотпользователь, для кого этот документ и издан...

Однако никаких разъяснений Ермошенко так и не добился. Позже он все-таки узнал, что почти все охотпользователи платили наличными в запечатанных конвертах.

Он невесело вздохнул, подошел к окну, всматриваясь в заснеженную улицу. И снова он увидел на привычном месте серый «Опель». Но отнесся к этому довольно безразлично — привык как бы, что на работу и с работы он теперь ездил с эскортом.

Знать бы, чего им от него надо...

— Виктор Васильевич, — в кабинет заглянул Горбунов, бывший председатель Областного общества, работавший теперь секретарем Правления, — там к вам из какой-то фирмы пришли.

— Ну так пусть заходят, Николай Павлович, — поморщился Ермошенко, поднимаясь из-за стола, — что вы в самом деле...

Однако они уже входили сами — двое мужчин средних лет в одинаковых длинных темных пальто, — один впереди, другой сзади с дипломатом в руке. Они деловито и бесцеремонно сели к столу.

— Я директор московской фирмы «Лань», — тот, что сидел ближе, положил перед Ермошенко свою визитную карточку, — а это мой финансовый директор. У нас к вам есть деловое предложение. Вы нам подписываете документы о передаче некоторых охотхозяйств, закрепленных за вашим Обществом, нашей фирме, а мы выплачиваем вам наличными приличную сумму, вполне достаточную для компенсации за нанесенный вам моральный ущерб, — он весело засмеялся. — Вы ведь именно этим озабочены? Однако, я думаю, что вы серьезный и неглупый человек, и мы с вами обязательно договоримся.

— И о каких охотугодьях идет речь? — что-то подсказывало Виктору Васильевичу, что это как раз тот сюрприз, которого он ждал.

— Ну вот, это уже деловой разговор, — снисходительно усмехнулся директор. — Как вы могли уже, наверное, догадаться, лес со зверьем нам нужен в Гагаринском районе, на границе с Московской областью. Учтите, подобная сделка и в интересах Общества тоже. Со своей стороны мы поможем вам и техникой, и любыми материалами...

— Видите ли, как вам известно, Общество охотников и рыболовов — общественная организация, и такие вопросы предварительно решаются на заседании Правления, а утверждаются Советом. Единолично я этот вопрос просто не могу решить, и ничего определенного пока ответить вам не могу.

— Ну, как решить проблему — это не наше дело. Нам главное заручиться вашим согласием.

— А во вторых, — продолжал Виктор Васильевич, — эти угоды наши охотники десятки лет обустроивают, поддерживают численность животных, чтобы иметь возможность охотиться. Вряд ли они согласятся потерять их.

Однако осторожный, но все же отказ Ермошенко коммерсантов не смутил. С той же неизменной улыбкой, искусственность которой выдавал холодный колючий взгляд директора фирмы, он в открытую предупредил председателя Областного общества, что у них имеется и худший вариант. Нужные им охотугоды у них все равно отберут, и совсем скоро, и никакой суд уже вам не поможет.

— Так что подумайте, любезный...

Когда за ними закрылась дверь, от спокойствия Виктора Васильевича не осталось и следа. Он нервно заходил по кабинету, размышляя, что он может предпринять в данной ситуации. То, что это были не пустые угрозы, сомневаться не приходилось.

У них, видимо, действительно все схвачено «от Москвы до самых до окраин» — слишком уж нагло вели себя. Однако насчет судов дельцы явно поспешили — пока правосудие Общество выручало. А вот то, что у них могут отнять часть охотугодий — это Ермошенко допускал, хотя и не представлял, каким образом это можно было сделать. Вся документация, ежегодные отчеты находились в полном порядке, к ним нельзя было придраться.

В том, что здесь Ермошенко глубоко заблуждался, была не его вина. Он по-прежнему считал, что справедливости можно и нужно добиваться. Впрочем, как любой честный человек, он иначе и думать не мог. Но он прекрасно понимал, что и его могут запросто загнать в угол. Правда, об этом думать не хотелось. Надо было решать, как поступить с коммерсантами...

— Привет, Васильич, чем это ты так озаботился? Или к тебе нельзя, занят?

В дверях стоял Юрий Зайцев, заведующий культурно-рыболовным хозяйством в Гагаринском районном обществе — широкоплечий, в расстегнутой куртке, с добродушной улыбкой на круглом полноватом лице.

— А ты откуда взялся? — поднимаясь из-за стола и здороваясь, спросил Ермошенко. — Без звонка...

— Да как тебе сказать... Сам-то чего невеселый? Или достали уже?

Виктор Васильевич вкратце рассказал ему о сегодняшних визитерах из «Лани» и удивился, что Зайцев становился все мрачнее.

— А ведь директор этой московской фирмы со своим замом у нас в Гагарине вчера были, — хмуро проговорил он, когда Ермошенко замолчал. — Тоже многое нам обещали, если мы им отдадим охотхозяйство. Я сейчас был в областной администрации — меня просили передать туда письмо, — и в приемной заместителя губернатора Дементьева увидел директора фирмы «Лань». Но я к тебе зашел по другому поводу...

Как оказалось, приезд в Гагарин московских коммерсантов только помог Зайцеву понять двойственную натуру председателя Районного общества Деменкова. Тот уже напрямую убеждал охотников в том, что для районного общества было бы лучше, если бы они находились в подчинении районной администрации в виде самостоятельного Муниципального унитарного предприятия. Он и коммерсантов из «Лани» тоже поддержал, готов этот вопрос передачи им охотугодий поставить на Совете. И хотя подобные вопросы Совет не решает, о чем ему пришлось напомнить, он продолжает гнуть свою линию.

Многое из того, о чем рассказывал Зайцев, Ермошенко уже было известно. Районные охотоведы и егеря Облохотуправления просто ополчились на Общество, идут на все, чтобы не дать нормально работать, создают нервную обстановку среди охотников. За последний месяц сколько было возмущенных звонков по этому по-

воду из Монастырщинского, Ельнинского, Вележского, Ярцевского районов. Как заметил Юрий Зайцев, Общество пытаются разложить изнутри, чтобы потом сказать, что оно не справляется со своими прямыми обязанностями...

— А что делать? — пытливо взглянул на него Ермошенко. — Коммерсанты ведь не отступятся, а в помощниках у них целое Облохотуправление. Ведь все равно отберут...

— Нет, Васильич, — покачал головой Зайцев, — надо стоять до конца. Если они и отберут, то это преступление будет на их совести, а права охотников наших мы сможем отстаивать, где угодно, и до Президента России дойдем, если надо. Все равно нам терять будет нечего. А вот если мы предадим тех, кто нам доверился, тогда уж точно простые охотники останутся совершенно беззащитными и обделенными.

— Ты, как всегда, прав, Юра, — вздохнул с облегчением Ермошенко. — Они ведь тоже не вечны, власть имеет свойство меняться. Еще посмотрим...

Дверь распахнулась, в кабинет вошел Горбунов и молча положил на стол газету.

— Ты чего, Николай Павлович? — не понял Ермошенко.

— Статья начальника УФСБ по Смоленской области генерала Маслова. Ты почитай, как он о деятельности администрации отзывается. Не одни мы недовольные, оказывается. Поверьте моему слову, все это неспроста...

До выборов губернатора еще год с лишним, подумал Виктор Васильевич, а текст Договора с неприемлемыми, а скорее просто гибельными для Общества усло-

виями областная администрация навязывает не взирая ни на какие аргументы. А ведь эти условия «охотпользования объектов животного мира», как они пишут, противоречат ст. 6 действующего «Положения об охоте и охотничьем хозяйстве РФ», которая гласит, что типовые «условия, на которых угодья закрепляются за организациями, устанавливаются Департаментом по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Минсельхозпрода РФ», а не изобретаются на местах в субъектах РФ или местными чиновниками этого Департамента. Поэтому и Условия, а иначе говоря, — обязанности Общества, как охотпользователя, изложенные в Договоре, не могут быть законными. А главное — в большинстве своем они абсолютно не реальны и не исполнимы. Как же их можно принять? Посмотрим, какие будут мнения на заседании Правления...

— Кстати, — оживился Зайцев, — я слышал, что Маслов вроде как метит на место губернатора.

Однако на эту реплику Ермашенко тогда не обратил никакого внимания. Его почему-то тревожила судьба будущего Договора. Он просто не понимал, почему явные нарушения законодательства некоторых его пунктов не принимаются в расчет Облохотуправлением.

На очередном заседании Правления было решено категорически возражать против включения в текст Договора и, значит, в долгосрочную лицензию, тех незаконных условий пользования животным миром, которые им были предъявлены руководством Облохотуправления. Их необходимо было привести в соответствие с требованиями ст.35 ФЗ «О животном мире». Уже исправленный проект Договора был направлен дважды

в областную администрацию на имя Дементьева Н. А. и Кугелева И. Н., но ответа в Обществе так и не дождалось. Можно было предположить, что это был умышленный срыв договорного процесса по вине чиновников, необходимый им, что впоследствии и подтвердилось, как формальный предлог для применения к Смоленскому ОООиР крайних мер — аннулирования долгосрочной лицензии и изъятия охотугодий для продажи их коммерческим предприятиям. Это чуть позже и произошло.

Из письма председателя правления Смоленского ОООиР Ермошенко В. В. от 22 декабря 2000 г. начальнику Смолблехотуправления Сидоренкову А. А. «О повторном отклонении Условий пользования животным миром»: «Правление Смоленского ОООиР получило Ваш № 634 от 20.12.2000 г. «О внесении изменений в Условия пользования животным миром», к которому приложены фактически в неизменном прежнем виде те же самые Условия, которые ранее за Вашей подписью уже поступали к нам и которые нами были уже мотивированно отклонены...

В связи с этим повторно сообщаем Вам о неприемлемости вновь представленных Вами Условий пользования животным миром и отклонении их правлением Смоленского ОООиР по причине их очевидного несоответствия требованиям действующего законодательства (Гражданского Кодекса РФ и Федерального Закона РФ «О животном мире»...).

Из приказа начальника «Смолоблохотуправления» Сидоренкова А. А. № 9 от 17 января 2001 г. «Об аннулировании долгосрочной лицензии на пользование объектами животного мира»: «По состоянию на 15.01.2001 г. Условия пользования объектами животного мира правлением Общества к исполнению не приняты, договор с администрацией области не заключен, что является нарушением ФЗ «О животном мире», ФЗ «Об охране окружающей природной сферы» и Положения о порядке выдачи долгосрочных лицензий на пользование объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты, зарегистрированного в Минюсте РФ 9 августа 2000 г. № 2341. На основании изложенного

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. За нарушение правлением Общества законодательства об охране окружающей природной среды, животного мира и условий пользования животным миром, выразившегося в отказе правления Общества принять к исполнению Условия пользования объектами животного мира и отсутствии с 1995 г. договора с администрацией области, что установлено Постановлением Федерального арбитражного суда Центрального округа от 14.08.2000 г. по Делу А-62-1538\2000г...

Долгосрочную лицензию на пользование объектами животного мира № 2784 от 12 августа 1999 г., выданную Смоленскому областному обществу охотников и рыболовов, аннулировать с 22 января 2001г.»

Для руководства Смоленского ОООиР, не говоря уж о самих охотниках, это известие грянуло, как гром среди ясного неба. На заседании Правления было решено до-

бываться в суде отмены этого совершенно безосновательного приказа. На последующем Совете такое решение было одобрено. Однако уже тогда Ермошенко услышал намеки некоторых членов Совета Общества на то, что и председателя Правления здесь есть доля вины — не смог договориться, найти общий язык с Сидоренковым. Виктор Васильевич разумно промолчал, словно не понял, о чем идет речь, или как бы признал такой факт, а значит, и объяснения его ни к чему. Но причина была в другом. Обвиняли его те, кто еще в 1996 году на Конференции при выборе председателя правления Областного общества голосовали против его кандидатуры. А спустя два года они же огульно обвинили его в воровстве, что, мол, берет деньги в кассе. Милиция тогда долго проверяла бухгалтерские документы и отчетность, но фактов каких-либо злоупотреблений не обнаружила. Они опять не успокоились — видимо, здорово он им мешал, — и обвинили во всех смертных грехах его заместителя Владимира Никишина, умнейшего и честнейшего человека, фактически вынудив его подать заявление об уходе. Зато на словах эти люди всегда радели за правду, хотя заботились только о личной выгоде. Теперь-то Виктор Васильевич понимал, что подобные «борцы за идею» приносили зла Обществу больше, да и самому делу, чем все госчиновники, вместе взятые.

За этой нервотрепкой Ермошенко как-то не сразу обратил внимание на то, что ночные звонки и преследования серого «Опеля» прекратились.

Заря надежд

В приемной начальника Управления ФСБ по Смоленской области генерал-майора Маслова Виктора Николаевича царило оживление, несмотря на утренние часы. Ермошенко, ожидая приема, наблюдал всю эту суету и про себя довольно посмеивался. Он догадывался, в чем причина такой деловой приподнятости сотрудников управления после возвращения их начальника из Москвы. Виктор Васильевич просто знал, зачем ездил Маслов в Москву, он сам ему об этом сказал при встрече. И Ермошенко даже сказал бы — счастливой для него и Общества встречи. А добивался он ее потому, что выступления начальника УФСБ в печати и по местному телевидению, открытая критика деятельности областной администрации наталкивала на определенную мысль — Виктор Николаевич Маслов готовится выставить свою кандидатуру в предстоящих выборах губернатора Смоленской области. И хотя сам он об этом не говорил, людская молва была категорична. Но Ермошенко это нужно было знать точно.

Виктор Васильевич прекрасно понимал, что десятки тысяч охотников-членов Смоленского ООИР — немалая сила, которая могла бы сыграть определяющую роль в выборе губернатора. Но отдать свои голоса они должны были человеку, который по справедливости решил бы их наболевшие проблемы. И когда Ермошенко добился приема у начальника УФСБ, он о них и стал говорить. Тем более, что 6 февраля 2001 года исполняющий обязанности губернатора С. Антуфьев опять

издал постановление об отмене постановлений предыдущего губернатора А. Глушенкова от 11.08.93 года о закреплении за охотобществом всех охотугодий в районах Смоленской области. Только дураку было бы неясно, что этим чиновники развязывали себе руки для осуществления своих замыслов по распродаже охотугодий коммерсантам. Однако Маслов с мягкой улыбкой прервал его.

— Виктор Васильевич, можете поверить, проблемы охотников и охотпользователей мне хорошо известны. Более того, лишение Общества охотугодий я считаю делом незаконным.

— Да, но мы ничего не можем поделать. А ведь многие новые охотпользователи, за которыми в области закреплены лучшие наши угодья, к природопользованию не имеют никакого отношения. Если раньше пользователей животным миром было всего 9, и они прекрасно справлялись с возложенными на них обязанностями, то теперь их насчитывается 53. в основном это мелкие коммерческие фирмы, за которыми закреплено по 25-30 тысяч гектаров. Они ничем, кроме как выбиванием зверя ради получения прибыли, и не занимаются. Однако такое положение Охотуправление почему-то устраивает, а охотхозяйственная деятельность охотников Общества, которые за собственные средства организируют кормовую базу для животных и обустраивают охотхозяйства свои — это вызывает недовольство у чиновников. Они не первый год занимаются охотхозяйственной деятельностью в охотугодьях госрезерва, что является совершенным беззаконием, а управы на них никакой нет, куда бы мы не обращались.

— Мне это известно, — кивнул головой Маслов, — и если мне повезет на выборах, уверен, такие вопросы мы решим полностью.

— Так, значит, молва не врет, вы действительно решили баллотироваться кандидатом в губернаторы?

— Почти на сто процентов, — усмехнулся Виктор Николаевич и, понизив голос, доверительно произнес: — Завтра уезжаю в Москву, и если там меня поддержат... Через неделю я вернусь, и мы с вами продолжим этот разговор.

Сейчас, сидя в приемной, которая постепенно пустела, Виктор Васильевич уже не сомневался, что в Москве кандидатуру Маслова тоже поддержали. И когда его пригласили в кабинет и он увидел Виктора Николаевича, который поднялся из-за стола, чтобы поздороваться с ним, Ермошенко понял, что не ошибся.

— Ну вот, — сразу перешел к делу Маслов, — теперь могу вам точно сказать — я буду баллотироваться на пост губернатора.

— А мы, честно признаться, и не сомневались, — сказал Виктор Васильевич, — даже продолжаем работать в охотугодьях, которые надеемся с вашей помощью вернуть. Иначе наш труд опять пропадет. Ведь за нашу работу по обустройству охотугодий и созданию кормовой базы для животных нам Охотуправление не заплатило ни копейки, просто изъяло их и пользуется нашим трудом. Такие условия определены ими в договоре, и попробуй их не прими...

— Что ж, беззаконие и несправедливость всегда рядом ходят, — Маслов внимательно взглянул на Ермошенко. — Одно могу вам обещать — если в будущем

я стану главой областной администрации, при подготовке постановлений, касающихся природопользования, ведения охотничьего хозяйства вы, как общественная организация, будете принимать непосредственное участие. Как того требует 17 статья Федерального Закона «Об общественных объединениях». В этом можете не сомневаться.

— Тогда, — поднялся Виктор Васильевич, — я начинаю собирать подписи среди охотников в поддержку вашей кандидатуры. Предвыборную компанию за вас мы поддержим.

Договорившись, что в дальнейшем Ермошенко будет держать связь с доверенным лицом Маслова — Владимиром Николаевичем Прохоровым, который и возглавит штаб предвыборной компании, они расстались.

Разве мог в тот момент Виктор Васильевич даже помыслить, что поддержка охотниками кандидатуры В. Н. Маслова на пост губернатора, вскоре будет поставлена теми же охотниками под сомнение, а его обещания помочь Обществу в борьбе с произволом госчиновников, в наведении порядка в природопользовании окажется

просто политехнологией. Но это он поймет гораздо позже.

В мае 2002 года В. Н. Маслова выбрали Губернатором Смоленской области, Ермошенко сумел дозвониться до него, однако разговора не получилось — Виктор Николаевич усталым голосом попросил его подождать хотя бы месяц, чтобы войти в рабочую колею. А за этот срок Виктор Васильевич чтобы подготовил весомый до-

кумент с фактами нарушения Облохотобществом законодательства, чтобы разговор с Сидоренковым был более предметным. И где-то в июле месяце у него с новым Губернатором такая встреча произошла. Правда, длилась она не долго — Ермошенко передал ему официальное письмо, в котором изложил 25 статей федерального законодательства, которые были нарушены Охотуправлением при подготовке решений в отношении Смоленского ОООиР, а Виктор Николаевич попросил две недели, в течение которых он с этими вопросами разберется.

Однако до сего момента ответа ни от Губернатора, ни из областной администрации Общество так и не получило. Более того, Ермошенко даже не знает, поручал ли Маслов кому-либо разобраться с этими вопросами. За это время он не раз писал Губернатору письма с просьбой помочь Обществу вернуть отобранные охотгодья, добиться выдачи долгосрочной лицензии, но... И не раз он задавался вопросом: а может, действительно лучше было бы договориться «по-хорошему» с Сидоренковым?

И не мог удержаться от смеха.

Совесьть — понятие не рыночное

Ильин подходил к конторе районного охотоведа с непонятным ему самому чувством брезгливости. За свои прожитые семьдесят лет Аркадий Осипович многое повидал, немало испытал недоброго, но не меньше видел и хорошего. Но хорошее и плохое всегда шло от

людей, поэтому он ценил в человеке простоту и открытость, без той двойственности в душе, которая словно красила ее в разные цвета: то вспыхнет, то затемнится — и не понятно, лжив он или правдив, друг тебе или враг. Словно с двойным дном душонка-то, а таких пуще всего остерегаться надо. Да как тут остережешься, когда жизнь будто нарочно сталкивает тебя с подобными лихоимцами.

Охотоведа Вяземского района Алексея Лукьянова, к которому Ильин сейчас и шел, он знал давно. Более того, с десяток лет назад Аркадий Осипович отправил его учиться на охотоведа в Балашиху Московской области, из скудных своих средств помогал, как мог, парню встать на ноги, а потом взял на работу егерем в районное общество охотников и рыболовов, председателем которого был уже ровно 30 лет. Да, с его помощью Алексей встал на ноги, обрел специальность, и казалось Ильину, что человек добро всегда помнить должен, как бы судьба ни крутила его, а не нет. И по какой причине закоростела душа у него, почему на односельчан, земляков свысока стал смотреть, Аркадий Осипович до последнего момента как-то не задумывался.

Озадачился, когда пришел к охотоведу с данными учета копытных животных, который проводили охотники районного общества по ЗМУ.

— Значит, Осипыч, ты в своих угодьях насчитал 148 кабанов? — глядя в листок с таблицей, нарисованной от руки, с усмешкой спросил Лукьянов.

— По первоснегу считали, ошибки быть не может, — насторожился почему-то Ильин, хотя никакого подвоха он от Алексея не ожидал.

— Считаю, что ошибся, — он размахисто что-то написал на листке и протянул его Аркадию Осиповичу. — Исправишь, как надо, и принесешь...

Ильин взял листок и прочитал: «Согласен на 90 кабанов», и подпись. Он даже дар речи потерял от такой наглости. Исправлять, конечно, ничего не стал, но то, что в свою отчетность Лукьянов вставит 90, а не 148 кабанов, как есть на самом деле, Аркадий Осипович уже не сомневался. И не ошибся. Когда весной он пришел к районному охотоведу за лицензиями на отстрел копытных животных, то получил три на добычу кабана и одну на оленя.

— Алексей, мы же все биотехнические мероприятия выполнили — и солонцы, и подкормочные площадки, учет провели, а нам за это трех кабанов? — голос Ильина аж задрожал от обиды. — Да что я охотникам скажу? У тебя совесть есть?

У него даже как-то в голове не укладывалось, что на тысячу с лишним охотников районного общества ему дали всего несколько путевок.

— Ну да, — с лукавым прищуром взглянул на него Лукьянов, — тебе дай больше, остальные возникать начнут — почему Ильину дал... А охотникам своим скажешь, что пусть приобретают охотничьи госбилеты, тогда и лицензии получат. Ты вот, Осипыч, жизнь прожил, а не можешь уразуметь — сегодня билеты «Росохотрыболовсоюза» начальство не жалуется. Ты мужиков ломать заставляешь на биотехнии, а с госбилетом получил лицензию — и стреляй. Никаких забот...

— Зверя выбить — много ума не надо, — сдержанно произнес Аркадий Осипович, понимая, что никакими

увещеваниями здесь не поможешь, — а кто его подкармливать будет, численность восстанавливать? Ты что ли?

— Кроме тебя, в районе еще пять охотпользователей...

Ильин только покачал головой. Некоторые новые охотпользователи, как, например, коммерческое предприятие «Русские традиции» или «Волковплесс», имели бульдожью хватку. К ним не подступишься, и если приходили туда за путевками охотники- члены общества, с ними даже не разговаривали — обменяй свой охотбилет «Росохотрыболовсоюза» на госбилет в Охотуправлении и, пожалуйста, охоться, коль деньги есть. Куда тут денешься, местные же все, приходится менять билет. Ильин их и не осуждал, наоборот, сочувствовал, знал — людей просто загнали в угол. Он понимал — каша заварилась не на районном уровне. Аркадий Осипович прекрасно помнил, когда и как появились эти новые охотпользователи. Как только появился приказ Сидоренкова об изъятии у Смоленского областного общества охотников и рыболовов долгосрочной лицензии, якобы за нарушение договорных обязательств, хотя кто эти нарушения установил, так до конца понять и не смог, вот тогда свистопляска и началась. Ему было ясно одно — за 30 лет работы председателем Вяземского районного общества охотников и рыболовов никто из чиновников Охотуправления его работу ни разу не проверял. И на каком основании 1200 охотников общества лишили права на охоту — не понимал. Правда, отступить Аркадий Осипович не собирался. Он подготовил заявку в Областное охотуправление на все 220 тысяч гектаров

охотугодий, согласовал ее со всеми директорами совхозов района — землепользователями и заверил у заместителя главы районной администрации Бальцера. В тот же день отвез заявку начальнику Охотуправления Сидоренкову. Решение вопроса о выделении районному обществу охотугодий Ильин терпеливо ждал почти год. Именно в этот период в Вяземском районе и стали появляться новые охотпользователи, некоторые на отобранных Охотуправлением угодьях районного общества.

2002 год стал для Ильина годом борьбы за свои права с чиновниками Охотуправления. Однако в выделении районному обществу охотников и рыболовов охотугодий было отказано на том основании, что заявка неправильно оформлена — ее обязательно должен подписать глава районной администрации, а не заместитель. Истинную причину отказа знал только председатель Вяземского общества охотников и рыболовов.

Это произошло в начале 2002 года, когда Аркадий Осипович привез сдавать в Охотуправление свою заявку. Он увидел Сидоренкова в коридоре, который, заметив его, махнул рукой — зайди, мол. В кабинете пригласил сесть и спросил:

— С чем пожаловал? Заявку принес? — Александр Алексеевич пытливо взглянул на него и проникновенно заговорил: — Послушай, Аркадий Осипович, я тебя давно знаю, уважаю как человека дела, работаешь ты хорошо, поэтому и мы к тебе относимся с доверием. Ты мужик неглупый и поймешь, что я тебе хочу только добра, поверь мне. И заявляю открыто — уходи из общества и сразу получишь охотугодья, все у тебя будет хо-

рошо. Организуешь новое первичное общество охотников в виде муниципального унитарного предприятия или какого-нибудь ООО. Но из «Росохотрыболовсоюза» нужно срочно уйти. Пойми, ни ты, ни я не виноваты, что так сегодня складывается жизнь. Так что подумай, но не долго...

— Тут и думать нечего, Александр Алексеевич, я не могу людей бросить, которые мне доверились...

Вторую заявку, уже на 90 тысяч гектаров — столько, по подсчетам Ильина, осталось от угодий районного общества, — он оформил быстро и сдал ее в Охотуправление. Несколько месяцев она там пролежала, и тогда Аркадий Осипович снова пошел к Сидоренкову.

— Видишь ли, — удрученно разводя руками, пояснил ему Александр Алексеевич, — рассмотрение твоих документов задерживается по причине выборов главы областной администрации — скоро губернатором Смоленской области станет Виктор Николаевич Маслов, и тогда мы твой вопрос обязательно решим...

Мысль насчет нового губернатора Ильина задела. Маслов к ним приезжал, выступал с предвыборными речами и обещал охотникам добиться справедливого распределения охотугодий, прекратить ущемление их прав чиновниками и вообще покончить с беззаконием в области. Может, действительно все обернется к лучшему? Все-таки генерал, чекист, обманывать народ ему вроде как не пристало...

И, видимо, не ошиблись в нем, потому как осенью 2002 года Вяземское районное общество охотников и рыболовов получило 92 тысячи гектаров охотугодий. Но в этой бочке меда была огромная ложка дегтя. Выде-

ленные территории находились в 100 км от Вязьмы и оказались фактически опустошенными. Зато коммерческие структуры обзавелись самыми лучшими и ухоженными трудом сотен охотников общества угодьями. И ни копейки не заплатили им за этот труд. Да иначе и быть не могло, ведь тогда чиновники Охотуправления должны были бы признать, что там постоянно и на должном уровне проводились биотехнические мероприятия, иначе говоря, условия договора выполнялись, и отбирать у районного общества данные охотугодья просто было не за что. А так вроде все по закону, хотя, как считал Ильин, и не совсем. Поэтому и не смог сразу объяснить своим охотникам, почему обществу угодья выделили на 3 года, а коммерсантам на 10 лет. Тем более, что один год ушел на чиновничью волокиту и практически владеть им своими угодьями оставалось всего два года. Но именно такой срок для обустройства выделенных угодий и устанавливался Охотуправлением в одном из основных договорных условий. И мужики задавали ему резонный вопрос: а не получится ли так, что через два года, когда они усилиями сотен людей проведут охотустройство, поднимут численность животных, затратят немалые средства на это, а Охотуправление их снова отберет под каким-нибудь благовидным предлогом? Ведь подобное уже дважды случалось? И никакой суд здесь не поможет, потому как, видимо, у них там все схвачено. На такие вопросы не знал ответа и Аркадий Осипович. Однако про себя подумал — очевидно, именно так и будет...

Ильин постучал и, толкнув дверь, вошел в кабинет районного охотоведа. На мгновение мелькнула мысль:

без нужды сюда лишний раз и на аркане его не затащили бы, да вот пригласил зачем-то...

Лукьянов сидел за столом и что-то писал. На вошедшего взглянул мельком, махнул рукой чтобы садился и подождал. Спустя минуту бросил ручку, рывком поднялся, открыл сейф и выложил на стол пачку охотничьих билетов.

— Забирай, Осипович, макулатуру. Мужики понемногу умнеют, приобретают госбилеты. Добровольно! Уяснил? Ты подсчитай потери свои да сам подумай. Ну куда вы против власти?

Аркадий Осипович его привычные разглагольствования не слушал, прикинув, что охотников у него еще больше тысячи. Но тут же сердце обожгла иная арифметика. За 8 месяцев вынуждены были поменять охотничьи билеты общества 156 человек. И ведь Охотуправление от своих планов не отступится. Не мытьем, так катаньем, а заставят приобретать госбилеты, а там уж и угоды нужны не будут. Надо ехать в областное общество, обговорить все с Ермошенко и что-то решать.

Из письма руководителя Департамента по охране и развитию охотничьих ресурсов Минсельхоза РФ А. И. Саурина председателю правления Смоленского ОООиР В. В. Ермошенко: «Департамент рассмотрел Ваше письмо по вопросу правомерности действий условий пользования объектами животного мира, утвержденных приказом Смолблехотуправления от 13 декабря 2000 г. № 166 и сообщает, что Смоленскому охотуправлению дано указание привести их в соответствие с федеральным законодательством».

Из письма начальника Смолоблохотуправления А. А. Сидоренкова председателю правления Смоленского ОООиР В. В. Ермошенко: «Настоящим сообщаем, что указание Дпартаментa № 12-02-15 от 30.12.2002 г. Охотуправлением направлено Минсельхозу РФ, так как оно противоречит Постановлению администрации Смоленской области, утвердившей Договор и нормативы, предусматривающие норму нагрузки на одного егеря согласно абзаца 3 ст. 35 ФЗ «О животном мире». Вами подписаны Договор и Условия пользования и изменению не подлежат».

Последняя инстанция

Рассеянно поглядывая на вечернюю толчею около рынка, мы с Ермошенко шли к гостинице с величественным названием «Держава», невесело рассуждая о том, что само слово «охота» сегодня становится понятием социальным. Люди постоянно за чем-нибудь охотятся, будь то товар или покупатель, хорошая работа или счастливый случай, случайный заработок или кусок хлеба. Но все как-то упустили из вида, что сами могут стать, и становятся, предметом чьей-то охоты, и из охотников уже незаметно превращаются в дичь. Виктор Васильевич теперь это четко понимал. И не здесь ли кроется разгадка того, что в августе прошлого года в Октябрьском культурно-рыболовном хозяйстве неожиданно сгорело хранилище с 14 дюралевыми лодками, нанеся тем самым ущерб Обществу в 250 тыс. рублей. А в де-

кабре совершен умышленный поджег в Духовщинском районе административного здания, где размещалась контора Районного общества, нанеся ущерб в 30 тыс. рублей. поджигателей нашли, но суд в иске к ним о возмещении ущерба отказал.

17 декабря 2002 года Ермошенко подал заявку в администрацию области о расширении территории охотугодий в Демидовском и Руднянском районных обществах, но до сих пор не получил ответа. И это уже при новом губернаторе.

Очевидно, Маслов и его команда профессионально рассчитали, что десятки тысяч охотников Смоленского ОООиР вместе с семьями, знакомыми и друзьями — это немалая сила в предвыборной компании. Чего же смущаться, раздавая ожидаемые обещания? Политика есть политика! Если уж Господь Бог не может сделать всех счастливыми, то возможности губернатора и того мизерны, а значит, с него и взятки гладки. А обещал многое, потому что хотел и пытался помочь людям. Вот главное, что они должны понять, а уяснив это — и оправдать.

— Виктор Васильевич, а как, по-вашему, есть хоть какие-то перспективы, чтобы наладить отношения с Облохотуправлением? Противостояние — вещь непродуктивная, разлагающая.

Ермошенко внимательно посмотрел на меня и рассмеялся.

— Конечно, есть. Если мы, например, примем условия их игры. Ведь и Сидоренков вообще не против Общества, как такового. Но ему нужна такая общественная организация охотников, которая согласилась бы

восстанавливать охотугодья после варварских коммерческих охот. Да еще за собственные средства.

Что, кстати, частично они уже и осуществили. Я это недавно понял. В 1999 году Охотуправление отобрало у нас Купринское охотхозяйство, одно из лучших, и развернуло в нем незаконную охотхозяйственную деятельность. Разорило его до опустошения, а потом милостиво передало Обществу. Чтобы восстановить там численность охотничьих животных, правление решило в Купринском хозяйстве запретить охоту на 10 лет. Сколько людей работало там, налаживая кормовую базу, обустроивая воспроизводственный участок, сколько мы туда средств вложили. И восстановили почти всех копытных животных. И что же? Теперь Охотуправление отдало Купринское охотхозяйство другому пользователю. Мы же терпим одни убытки. Такие примеры можно найти почти в каждом районе.

Я молча слушал его и уже больше ничему не удивлялся. Существует такое понятие — мародер, когда собирают убитых солдат или грабят во время стихийных бедствий. И некоторые чиновники Облохотуправления, люди тоже в погонах, поступают не лучшим образом, разоряя природу и на этом наживаясь, а потом выпотрошенные коммерческими охотами участки леса отдают на восстановление охотникам Общества. Тем людям, которые ради сохранения живыми родных мест, природной среды, где жить и их детям и внукам, не считаются ни с какими затратами. Этим чиновники и пользуются, беззастенчиво отбирая восстановленные ими охотугодья, чтобы кто-то из толстосумов мог поразвлечься. Ну не мародерство ли это? Иногда кажется,

что и зверье уже пытается от них спрятаться, залечь где-нибудь в глуши, завывая от страха перед людским животным беспределом.

— Нам же ничего от Охотуправления не надо, — продолжал Виктор Васильевич, — мы хотим лишь одного — соблюдения элементарной законности. Но, очевидно, поэтому мы им и мешаем, не даем безнаказанно распродавать охотугодья. Как же еще они должны к нам относиться? Недавно по суду Охотуправление отобрало у нас Купринскую охотничье-рыболовную базу, которой наши охотники пользовались не один десяток лет. На берегу озера находится, места изумительные, наверное, для толстосумов обустривают. Все идет на продажу, любыми средствами, а отбирают-то у простых охотников. Вот вам демократия, права человека...

Вот охотугодья в 10 районах нам предоставили в пользование только на три года, хотя коммерсантам на 10 лет, и разве этот факт не наталкивает на мысль, что как только мы обустроим угодья, восстановим численность животных, их у нас снова отберут? — Виктор Васильевич ненадолго замолчал, а потом произнес: — Одна надежда на губернатора, только он мог бы навести здесь порядок.

Я с удивлением взглянул на него: неужели он в это действительно верит? И невольно припомнил рассказ председателя Правления Гагаринского общества охотников и рыболовов Юрия Васильевича Зайцева. Еще совсем недавно они имели 180 тыс. гектаров охотугодий, которыми распоряжались более 30 лет и по своей работе признавались почти всегда лучшими в области. Два года назад у них отобрали все, и сколько раз Зайцев не

подавал заявки, их даже не рассматривали под предлогом, что в Районном обществе не ведется никакой работы. Наконец, Сидоренков разрешил оформлять заявку на 47 тыс. гектаров, то есть на одно Потаповское охотхозяйство. Однако неожиданно объявились коммерсанты московской фирмы «Лань», и все застопорилось. Говорят, надо писать заявку уже на другое охотхозяйство — Гагаринский участок № 2 в 80 тыс. гектаров. Но кто даст гарантию, что в кабинете начальника Охотуправления А. Сидоренкова в этот момент не толкнутся другие желающие заполучить эти уголья и имеющие тугой кошелек?

Вот почему, уже ни на кого не надеясь, Юрий Васильевич решил обратиться за помощью в Общественную приемную Полномочного Представителя Президента Российской Федерации по Центральному округу генерала Рудака, которая должна была открыться в эти дни в Гагарине. Подготовленные им документы прошли экспертизу в Областной администрации, Облохотуправлении, по Зайцеву официально не было разрешено стать первым просителем в день открытия в Гагарине Общественной приемной. В присутствии журналистов и местного телевидения. Правда, принимал не сам Полномочный Представитель, а его заместитель, здесь же находился и Глава районной администрации В. Иванов. Им Зайцев и говорил о нарушении прав полутора тысяч охотников, у которых по непонятным причинам отобрали охотуголья и под любыми предложениями два года не хотят их возвращать, распродавая по частям коммерческим структурам. Власти района и области решать этот вопрос вопиющего беззакония чиновников Охотуправ-

ления по отношению к своим же гражданам либо не могут, либо не хотят. Осталась одна надежда — на объективное, законное, а значит, и справедливое разрешение конфликта.

Каково же было удивление Юрия Васильевича, когда Представитель Президента России на полном серьезе зачитал письмо-резолюцию начальника Охотуправления А. Сидоренкова, в котором тот обещал выделить Районному обществу охотников и рыболовов 80 тыс. гектаров охотугодий сразу же, как только это общественное объединение выйдет из состава «Росохотрыболовсоюза». А от себя он добавил, что это маленькое условие вполне выполнимо, а конфликт разрешен.

Ответил Зайцев ему не сразу — на такое заявление найти слова было трудновато, да еще смысл сказанного надо было усвоить и понять, не шутка ли это. А когда понял, что никто из присутствующих шутить и не думал, слова нашлись само собой.

— Так что, вы, как Полномочный Представитель Президента России, от его, значит, имени предлагаете мне предать тех людей, которые мне верят, как их предают сегодня чиновники из районной и областной администрации? И все это без зазрения совести вы говорите от имени Президента страны?..

Нет, Зайцев никого не смутил своими словами, ему даже показалось, что они повеселели. И вспомнив все это, я невольно изумлялся тому стойкому спокойствию, с которым Ермошенко пытается разрешить проблемы законным путем и не теряя надежды.

— Ну, а если губернатор по каким-то причинам не захочет или не сможет помочь вам? — спросил я боль-

ше из любопытства, чем в ожидании оригинального ответа. — У него и без вас серьезных забот хватает.

Виктор Васильевич поежился, замедлил шаг, потом совсем остановился и, глядя себе под ноги, задумчиво произнес:

— Тогда остается последняя инстанция. Среди охотников в области сейчас такое брожение недовольства политикой местных властей и чиновниками Охотуправления, что они готовы снова поставить свои подписи под протестом против существующего произвола и беззакония. Но эти десятки тысяч подписей будут направлены уже новому губернатору, — Ермошенко вдруг запнулся и со вздохом обронил: — Да, и к Маслову я тоже никак не могу попасть на прием...

Я промолчал. Мне было известно, начальник Облхотуправления генерал А. А. Сидоренков недавно был повышен в звании. Очевидно, за службу. Только кому?

ЗОВ ПОТРЕВОЖЕННОЙ БЕЗДНЫ

*Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).*

А. Блок

14 января 2003 года в 10 час. 47 мин. утра на тамбовском производственном химическом предприятии ОАО «Пигмент» произошел взрыв. Об этом трагическом событии я услышал из сообщения по радио без каких бы то ни было подробностей, однако тревога уже не отпускала. Летом прошлого года я ездил в Тамбов в командировку, где и должен был познакомиться с проблемами, связанными с глубинным захоронением токсичных химических отходов. Именно предприятие «Пигмент» и стало объектом изучения данного вопроса — сложного и противоречивого даже с точки зрения специалистов. Ведь Тамбов использует исключительно подземные водоносные горизонты для снабжения жителей города водой. А тут, получается, под себя же и отраву закачивают. Где логика? Мало ли что может произойти, и тогда химические вещества способны будут загрязнить единственный источник городского водоснабжения — реки здесь почти уже не годятся для такой цели. И вот этот взрыв на «Пигменте»...

Я еще не забыл слова бывшего заместителя руководителя Управления природными ресурсами по Тамбовской области, ответственного за Государственную

экологическую службу, кандидата химических наук Валерия Семеновича Балакина: «Проблема не в том, насколько безопасна подземная закачка токсичных химических отходов. Это делают и американцы, и французы... Вопрос у нас в ином — насколько устойчив в геологическом плане тот слой пород, куда мы закачиваем промышленные отходы. Например, не содержит ли он геологических разломов. Ведь изменения, деформации, в пласте пород вполне могут возникнуть в связи с землетрясением или чем-то еще. И тогда масса токсичных

подземных вод станет расползаться, загрязняя и пресную воду, которую мы качаем для нужд городского населения. Тем более, что проведенные исследования показали — вдоль реки Цны разлом все же проходит...»

Однако, как вскоре выяснилось, данная проблема оказалась и серьезнее, и глубже. Но и решение ее было в руках людей далеко не слабых и профессионально честных.

Следы прошлых побед

Река Цна в городе, в районе промышленной зоны, выделялась своей однобокостью

— один берег был высок, крут и обрывист, зеленый от травы и редких деревьев, а другой — низок и лесист, с пойменным разливом, не утяжеленный застройками. Солнце припекало, хотелось искупаться, но вода в реке была ненадежно мутноватой, хотя, вполне возможно, что такой она мне показалась сверху. Но к этому пришивалось и еще одно чувство — странно было как-то

осознавать, что где-то там под ногами, на глубине примерно 800 метров, почти в преисподней, плескались 50 миллионов кубометров токсичных химических отходов, полвека уже закачиваемых туда с территории предприятия «Пигмент».

— Вот, в каких-нибудь пятистах метрах от берега и был построен в сорок девятом году анилино-красочный завод, — продолжал Валерий Семенович. — Химическая промышленность в Тамбове в послевоенные годы развивалась бурно. Но если другие химические предприятия отходы свои сбрасывали прямо в реку, то на этом заводе сразу был построен специальный цех для биологической очистки промышленных стоков. Часть отходов спускали в озеро, которое рядом с заводом находилось, а часть в реку. Жители в те времена частенько наблюдали, как разноцветные ручьи бежали в Цну. И с этим надо было что-то делать...

В начале 50-х годов на территории анилино-красочного завода были проведены исследования геологических пород на глубине более 1000 м. На уровне 700-800 м геологи обнаружили слой слабо водонаполненных известняков, которые могли бы промышленные сточные воды с растворенными в них токсичными химическими веществами впитывать в достаточном количестве и фильтровать. Экологической опасности, по заключению экспертов, такая закачка токсичных химических отходов не представляла. Известняки образовывали сплошной слой без пустот, пустоты создавали бы высокое давление, способствовавшее возникновению каких-то непредвиденных биологических изменений. Сверху этот слой прикрывал высоко минерализован-

ный водоносный горизонт и слой глин до 120 м толщиной. То есть закачка отходов под давлением должна была производиться в известняковые породы, залегающие на 500 м ниже водоносного слоя. По проекту, подготовка промышленных водных стоков осуществлялась в спеццехе биологической очистки.

Была пробурена сеть наблюдательных скважин — одни ниже известняков, другие — выше. Через эти скважины проводился и контроль отравляющих веществ в слое. Сам участок глубинного сброса был оконтурен скважинами.

На тот период это была передовая технология по глубинному захоронению токсичных химических отходов. И в экологическом, и в экономическом плане. Конечно, специалисты понимали, что сооружать полигон для захоронения химических отходов на территории завода, а тем более, в черте города — вариант не из лучших. В идеале его надо бы расположить где-нибудь за городом, подальше от людских поселений, туда и возить отходы. Но это было крайне невыгодно. Однако, как бы геологи не уверяли в надежности глубинного захоронения отходов на территории «Пигмента», идеальных пород не существует. Дефекты в слое известняков должны быть, тем более, что каждый метр пород не исследуешь. А если так, то промышленные стоки, закачиваемые в известняки под давлением, обязательно эти дефекты рано или поздно обнаружат. Недаром в народе говорится, что вода дырочку найдет. А отыскав, начнет просачиваться, размывая и увеличивая ее. Вопрос только во времени. Ну а дальше что? Очевидно, придется выбирать: экономика или экология? До сих пор

правила балом экономика. Иначе как объяснить, что однажды, по рекомендации московских специалистов, решено было съэкономить деньги и ликвидировать специальный цех по биологической очистке промышленных стоков. Взамен был предложен более простой способ — соорудить на территории «Пигмента» каскад прудов. Отходы сливаются сначала в один пруд, там вредные химические вещества взаимодействуют, в результате выпадает твердый осадок. Затем переливаем все это в следующий пруд, там идет окончательное осветление промышленных стоков, после чего их можно закачивать под землю.

С точки зрения логики, решение прекрасное, конечно. По замыслу авторов проекта, каждый из прудов был рассчитан на определенный срок и с определенным коэффициентом фильтрации. Под этими прудами должна была проходить и дренажная система — если вдруг пруды начнут фильтровать, то вода будет в ней собираться, а затем откачиваться насосом. Предполагалось, что такой фильтрованной воды будет не более 0,5 кубометра в сутки. Иначе говоря, промышленные стоки даже в небольших количествах не должны были просачиваться в почву и уходить в грунтовые воды.

Однако на деле все оказалось «не по-писаному». Как вскоре выяснилось, пруды довольно интенсивно фильтруют, чуть ли не по сотне кубометров воды в сутки. То есть отходы химического производства попадают в грунтовые воды. И как следствие — загрязнение подземного водоносного горизонта на глубине 100-120 м. Тогда пробурили скважины на промышленных площадках предприятий «Пигмент», «Тамбовмаш» и

«Вниихимполимер» и через них стали откачивать загрязненную воду и использовать ее на заводах для технических нужд. Затем она проходила через пруды всю технологическую цепочку очистки и закачивалась в подземное хранилище химических отходов.

Но это было не решение проблемы, а снятие «стрессовой» ситуации. Нужно было найти ответ на основной вопрос: как предотвратить дренаж этих самых прудов? И тогда снова были привлечены специалисты из нескольких московских институтов, разработано 17 вариантов дренажной системы, которая позволила бы предотвратить поступление токсичных отходов на водоносные горизонты. Из всех проектов был выбран один — созданный институтом РОСГЕО.

Сейчас на заводе «Пигмент» 9 прудов общей площадью почти 26,5 гектаров. Но рядом еще пруды предприятий «Тамбовмаш», «Вниихимполимер»... И все эти десятки гектаров водной поверхности насыщают воздух ароматом тех 150 растворенных химических веществ, которые и содержатся в промышленных стоках.

— Сейчас мы говорим руководству «Пигмента», — продолжал Валерий Семенович, — чтобы оно как-то решило проблему уменьшения площади испарения с поверхности прудов. Возможно, с помощью какого-то материала, которым можно было бы экранировать пруды. Или сократить площадь водной поверхности, покрыв ее плавающими шарами. Сделать это крайне необходимо. И генеральный директор завода Николай Павлович Утробин, как и технический директор Николай Акиндиевич Михин прекрасно это осознают. Да и как не понимать, если только они и способны хоть что-то

предпринять...К тому же, альтернативных вариантов нет. И никогда не было.

Выбор

Валерий Семенович ошибался. Однажды, хотя и давно, генеральный директор ОАО «Пигмент» Николай Павлович Утробин оказался на таком распутье, когда принимаемое решение становится той отправной точкой, которая определяет направление развития предприятия. Иначе говоря, его судьбу. Но оказалось, что в это понятие — судьба завода — не все вкладывали одинаковый смысл. Хотя сохранить здравый смысл в тот сумбурный начальный период перестройки удавалось далеко не всякому. И когда на руководство завода, кроме нешуточных производственных проблем, упали вдруг разом и экологические, копившиеся десятилетиями, трудно было удержаться от праведного соблазна свалить их решение на государство. Предприятие было государственным, значит, и средства на ликвидацию возникших проблем по загрязнению подземных водоносных слоев из-за дренажа прудов, на мониторинг окружающей среды должны выделяться из бюджета. А то, что у государства нет денег ни на что, о чем постоянно кричали чиновники, никак уж не должно волновать руководство предприятия ОАО «Пигмент». В принципе, конечно, верно, и можно было бы добиваться исполнения именно этих законных требований, бросить на это все силы. Но...

Николаю Павловичу слишком хорошо была известна проблема глубинных захоронений токсичных химических отходов. Изнутри, как говорится. Раньше-то он работал главным технологом на заводе органического синтеза. Там тоже были проблемы и с водой, и пруды переполнялись отходами. Ему ли, кандидату химических наук Утробину не знать серьезности таких ситуаций, когда идет перелив промышленных стоков в пруды или из депрессивной воронки загрязнение попадет в водоносные слои! Поэтому директор понимал, что дело здесь не только и не столько в самой экологии, вернее в объектах, повинных в загрязнении природной среды, сколько в технологиях самого химического предприятия. Да, конечно, никто не спорит, что необходимо работать над совершенствованием и очистительной системы промышленных стоков, и выпуски бетонировать, и дренажную систему улучшать, и наблюдательные скважины бурить, и барражную откачку вод делать, а пруды — эта основная головная боль всего завода и необходимое звено в производственной цепочке — требуют постоянных затрат, и немалых. Все это верно. Однако можно бросить на решение этих проблем миллионы рублей, и решать их в какой-то степени, но ведь результат для экологии будет все равно незначительным. За десятилетия систематического загрязнения природной среды даже ликвидация самих источников ее заражения — прудов совершенно не облегчит положения. Токсичные химические осадки, похороненные вместе с прудами, еще лет сто останутся источниками загрязнения. А без прудов и сам завод перестанет существовать. И тогда уже к экологическим прибавятся и социальные

проблемы, если на улицу будут выброшены чуть ли не 3,5 тысячи рабочих. Значит, выход из создавшегося положения именно в том, чтобы завод сохранить, который, развиваясь, мог бы не только решать эти узкие экологические проблемы, но и менять производственные технологии, переходить на более совершенные и экологически чистые. Тем более, что этого требовал и европейский рынок, на который очень хотело выставить свою продукцию и ОАО «Пигмент». И хотя такая перспектива светила заводу пусть в недалеком, но все же будущем, Утробин принял именно этот, как ему казалось, единственно верный путь развития химического производственного предприятия. И первым шагом на этом пути стала замена ядовитого фосгена на анилин.

С этого момента финансирование всех природоохранных мероприятий завод осуществлял на собственные средства, не требуя никакой помощи от государства — это все равно было бы бесполезно. Зато экологический контроль со стороны всех государственных органов постоянно ужесточался. Но это руководство завода не пугало.

Наоборот, по его инициативе было организовано совещание всех заинтересованных природоохранных государственных служб области специально для организации системы экологического мониторинга и охраны природной среды от вредного воздействия полигона заправки АО «Пигмент». Кроме Н. И. Утробина на этом совещании присутствовали представители таких организаций, как областной Комитет по охране природы, Тамбовкомвод, Тамбовское территориальное управление геологии и использования недр, Госгортехнадзор

России, Главный государственный врач г. Тамбова. Был разработан подробный план работ, названный впоследствии «семипечатным протоколом». И каждый его пункт заводом был выполнен.

Однако, это видимая часть айсберга, называемого полигоном глубинного захоронения токсичных химических отходов. Но существует и иная, имеющаяся почти у каждой непростой проблемы. А у экологии простых проблем не бывает.

Люциферово крыло преисподней

Академик РАН Никита Моисеев не раз подчеркивал то, как постепенно усложняются взаимосвязи людей и взаимозависимость Человека и окружающей среды, что порождает целый ряд противоречий, которые требуют своего разрешения. В одной из своих работ Н. Н. Моисеев писал: «Трудна и интересна проблема взаимоотношения разумного и стихийного начал. До поры до времени Разум ограничивает сферу своего активного воздействия на окружающий мир лишь «локальными проявлениями разумности», то есть действиями, основанными на оценке (или анализе) их последствий. При этом он мало вмешивается и, следовательно, мало меняет общий стихийный процесс самоорганизации. Но на определенном этапе развития общества и биосферы Человек вынужден начинать формирование коллективного «нелокального Разума». При этом он, наверное, сужает стихийное начало. Вместе с тем он никогда не сможет его исключить полностью. Миллио-

ны и миллиарды человеческих коллективов и отдельных людей, по-разному окружающих окружающую действительность, всегда останутся базой для проявления стихийного начала».

Вот это «проявление стихийного начала» меня и насторожило, когда я услышал сообщение о каком-то взрыве на заводе «Пигмент». Ведь он мог оказаться спусковым крючком именно для этих «стихийных начал», о которых меня предупреждал и Балакин. Но этого не случилось. По телефону Владимир Владимирович Андреев, главный инженер завода по ТБ и охране окружающей среды, мне пояснил, что обрушилась стена пристройки к цеху, в которой четыре вакуумных насоса откачивали бензиновые отходы, но при этом даже загорания не было. Однако обломками рухнувшей стены пристройки придавило рабочего — в больнице он умер.

Прекрасно зная, что я начну задавать ему и вопросы по глубинному захоронению отходов, о состоянии прудов и вообще обо всем, как это и было год назад, Владимир Владимирович заговорил сам:

— Сейчас приступили к очистке главного пруда, он заилен осадками процентов на 80-90. Но главное для нас, конечно, это внедрение новых технологий. Именно благодаря им за год мы в три раза сократили промышленный сток — с трех миллионов до одного миллиона кубометров. И это при росте производства на 20-25 процентов. Отходы со дна пруда мы перебрасываем в другой, который приспособили для захоронения токсичных отходов, и заливаем их глиной...

Правда, Андреев ни словом не обмолвился, что благодаря новым технологиям в прошлом году дирек-

ция завода вывела из эксплуатации пруд-накопитель, тем самым уменьшив количество стоков в грунтовые воды. Пруды-то строились в 80-е годы, и отходы из них проникают в водоносный горизонт на глубину 10-12 м, а оттуда в реку Цну. По расчетам гидрологов МГУ, в сутки таким путем попадает отравленных вод в реку от 100 до 220 кубометров. А мощность городских очистных сооружений всего 110 кубометров в сутки. В геологическом слое были обнаружены и инфильтрационные окна, и сквозь них с поверхности химические отходы могут достигнуть, как утверждается, водоносных слоев. Для дополнительного экологического контроля на промплощадке предприятия «Пигмент» было пробурено 12 скважин.

Однако геологи с таким выводом специалистов МГУ категорически не согласны. И когда я позвонил начальнику отдела промышленной экологии завода Александру Викторовичу Шакину, чтобы как-то прояснить этот вопрос, то услышал, что, по данным геологических исследований, сам слой известняков, куда закачиваются токсичные химические отходы производства, представляет из себя так называемый «платформенный чехол», где нет каналов для проникновения промышленных стоков в водоносные слои. Тем более, что закачка идет на глубину 690-730 м, а водоносный горизонт, который питает Тамбов, находится на глубине 75-250 м. так что пока для каких-то конкретных беспокойств по поводу поведения закачанных на глубину промышленных стоков не имеется. Это подтверждено еще и тем, что в январе 2003 г. ОАО «Пигмент» получило лицензию МПР России на закачку химических подземных отходов в

подземный полигон. Получалось, что преисподняя крепко держала в себе химического дьявола. Но кто знает наверняка, насколько он окажется коварен?

А если все же подземный гром грянет?

До недавнего времени сейсмологи фактически все свое внимание обращали на катастрофические землетрясения. Да это и понятно — такие события остаются в памяти, проявляют себя ярко, разрушения оставляют глобальные, а число жертв исчисляется тысячами. Но ведь Тамбовская область, как и вся Центральная Россия, не относится к сейсмически опасным районам. Хотя...

Слагающие Землю горные породы упруги и поэтому могут деформироваться и испытывать колебания при резких давящих нагрузках. При сейсмических колебаниях в них распространяются объемные волны — продольные и поперечные. Так вот продольные волны, проходя в теле Земли, попеременно сжимают и растягивают вещество горных пород в направлении своего движения. И лишь небольшая группа редких и слабых поверхностных толчков может быть отнесена к обвальным — за счет обрушения пустот под землей. Подземные обрушения такого типа скорее случаются в карстовых областях.

Однако и тектонические землетрясения не всегда проявляют себя на поверхности Земли развальными катастрофами. «Земная кора неоднородна, расчленена на блоки различного объема и формы, движение которых может быть автономно в различной степени. Именно

эта неоднородность строения и неравномерность движения (в пространстве и во времени) разных частей земной коры и более глубоких оболочек создают условия для перераспределения и периодической концентрации напряжений в определенных объемах горных пород. Наиболее благоприятными для резких изменений напряжений оказываются граничные области неоднородностей и участков, движущихся с разной скоростью. Чаще всего такие границы в земной коре обозначаются как зоны разломов или как отдельные разрывы, масштаб которых может быть совершенно различен».

Например, специалистам хорошо известны так называемые румынские землетрясения с эпицентром во Вранчской зоне на глубине 100-150 км. Она находится в том месте, где дуга Карпатских гор изгибается на юго-запад, выделяясь небольшим горным массивом Вранча. Но все дело в том, что Вранчская зона — единственный в Восточной Европе очаг глубокофокусных землетрясений. А чем глубже находится такой очаг, тем на большее расстояние от него распространяются объемные продольные волны в частности. И несут они свою разрушительную мощь в северо-восточном направлении. Считается, что причиной тому могут быть особенности строения земной коры под Восточно-Европейской платформой. Поэтому довольно внушительные отголоски таких землетрясений доходят не только до Москвы и Санкт-Петербурга, но и до Киева, Ярославля, Калуги, Козельска, Переяславля, Новгорода, сотрясают земли Ростовской, Суздальской и Владимирской областей. И частота стихийных бедствий увеличивается. С конца ХУШ в. промежутки времени между сильными толчка-

ми составляли последовательно 12, 27, 8, 70, 32 года. В 1940 г. после относительно слабого толчка 24 июня сильное землетрясение случилось 22 октября, а 11 ноября произошло катастрофическое. Такое же по силе достигло Москвы и 4 марта 1977 г.

По данным сейсмологов, в России выделены три области, где периодически возникают землетрясения — Воронежский массив, Средний Урал и Предуралье. Правда, хотя здесь землетрясения и не редки, но слабые — 4-5 баллов. Однако для подземного захоронения токсичных химических отходов любые колебания, даже неощутимые, геологических глубинных пластов в Тамбовской области могут оказаться спусковым крючком, который, пусть и слегка, потревожит отравленную бездну. И незаметный разрушительный процесс начнется, а часы будущей катастрофы окажутся неумолимо запущенными. Для таких сооружений, как атомные электростанции или глубинные захоронения токсичных химических отходов, даже «тихие» землетрясения в несколько баллов могут привести к глобальной катастрофе впоследствии. Ведь именно авария на одной из американских атомных станций, где причиной стало землетрясение в 4 балла, и послужила сигналом для многих специалистов-сейсмологов у нас и за рубежом пересмотреть свое отношение к слабым и редким землетрясениям в равнинно-платформенных районах как к явлениям малоинтересным и малозначащим.

По утверждению доктора геолого-минералогических наук Андрея Алексеевича Никонова: «Изучение сейсмичности малоактивных территорий становится темой первостепенной важности. И похоже,

некоторые равнинные области на новой карте сейсмического районирования из белых станут розовыми и даже могут покраснеть».

Сегодняшняя активизация опасных природных процессов только подтверждает мудрость ученых: «Катастрофа уходит в прошлое, опасность приближается». Вот почему о плохом надо не забывать за давностью лет, а всеми силами стараться его если уж не избежать, то, по крайней мере, хотя бы уменьшить. Тем более, что жертвами становятся люди. На сегодняшний день на промплощадке предприятия ОАО «Пигмент» полигон глубинного захоронения отходов защищен и контролируется благодаря максимальным усилиям администрации завода. Значит, какой-то запас времени наверняка существует, поэтому, очевидно, пока не поздно стоит начать строительство нового полигона для глубинного захоронения токсичных отходов от всех химических предприятий Тамбова. Где-нибудь в 10 -15 км от городской черты, в таком месте, чтобы расползание токсичных отходов под землей, если оно случится, стало не таким опасным.

Недаром в «Экспертном заключении по отчетным материалам обоснования защиты подземных и поверхностных вод от загрязнения в районе ОАО «Пигмент» в г. Тамбове», подписанном Генеральным директором ГИДЭК доктором геолого-минералогических наук, профессором Б. В. Боровским, сказано: «Учитывая крайнюю актуальность вопроса о предотвращении дальнейшего загрязнения подземных вод в районе г. Тамбова, считаю целесообразным поставить перед МПР РФ вопрос о необходимости организации федерального полигона

мониторинга геологической среды в г. Тамбове, включая весь северо-восточный промузел».

Ведь проблема эта усугубляется еще и тем, что многие химические вещества отходов, закачиваемых в глубинные горизонты, способны в той среде разлагаться и взаимодействовать с другими веществами. А значит, и давать иные химические соединения. Но что это за соединения, какие они имеют свойства, предугадать фактически невозможно. А тем более знать, как они себя поведут в дальнейшем в той глубинной среде.

Думается, что и все затраты по сооружению нового полигона для захоронения отходов должно взять на себя государство, потому как эта проблема давно превратилась из местных в общегосударственную. Можно только констатировать, что своей промышленной деятельностью человек уже затронул земную бездну. И надо быть готовым к ее ответному голосу. Насилия над собой природа не прощает никому.

НАДЕЖДА И БОЛЬ ДЕРЖАВНОГО АМУРА

Несколько дней подряд, просыпаясь утром в номере гостиницы «Дружба», я подходил к окну и смотрел на полноводный Амур, сдерживаемый бетонной дамбой-набережной. И всегда взгляд мой невольно пере скакивал на противоположный берег, где в лучах восходящего солнца сияли чистотой белые здания Хэйхэ — китайского города провинции Хэйлунцзян, пограничного с Благовещенском. До него всего лишь 800 м, так что и без бинокля там можно было наблюдать жизнь. Однако при этом во мне рождались чувства далеко не однозначные. И теперь я всё чаще вспоминаю слова начальника отдела использования и восстановления водного фонда КПр по Амурской области МПР России Андрея Валентиновича Макарова.

— Какие проблемы Амура на сегодняшний день существуют? — повторяя мой вопрос, он задумчиво смотрел куда-то в угол кабинета. — Да всё те же, пограничные... В первую очередь река — это граница, часть Амурской области. Она завоёвана нашими предками и должна оставаться российской территорией. Значит, мы обязаны здесь развивать промышленность, сельское хозяйство, использовать Амур как водную транспортную артерию, как источник возобновляемых рыбных ресурсов, а также в рекреационных целях, поскольку у нас в верховьях Амура места есть довольно живописные и даже нетронутые человеком.

Андрей Валентинович замолчал, а потом неожиданно спросил:

— Вы когда-нибудь бывали в верховьях Амура? А мне несколько лет назад довелось проплыть вверх по реке вместе с пограничниками. Картина, я вам скажу, печальная...

Однако смысл сказанного тогда Макаровым я ощутил в полной мере гораздо позже. В тот момент я лишь начинал понимать, насколько острее воспринимаешь ты себя гражданином своей страны, оказавшись на её границе. Здесь это была река Амур, занимавшая среди величайших рек планеты девятое место по длине — 2824 км, из которых 1246 км она граничит с Китаем. Начинается державный Амур в Читинской области от слияния рек Шилки и Аргуни. Именно туда, к истокам Амура, летом 1997 г. и отправился на пограничном катере Андрей Валентинович. На борту вместе с пограничниками находились и геологи. Но у начальника отдела использования и восстановления водного фонда КПр Макарова задача была своя — ознакомиться с состоянием береговых откосов, степенью их размыва рекой, чтобы знать, где в будущем предстоит проводить необходимые работы по берегоукреплению.

На Амуре с российской стороны нет крупных водохранилищ, в границах области река не зарегулирована, но на всём своём протяжении у неё существуют береговые участки, подверженные значительному размыву и обрушению. Связано это с разгулом воды в паводки, особенно летне-осенние. Главной причиной наводнений в Амурской области являются муссонные дожди, которые идут в основном в мае—сентябре, однако большая часть осадков выпадает в июле—августе. И тут уж реки начинают играть. На Верхнем Амуре (участок

реки от селения Покровское в Читинской области до порта Благовещенск) уровень воды поднимается до 10—12 м, на Среднем (участок от порта Благовещенск до порта Хабаровск) — до 9—11 м. Тогда заливаются и луга, и пахотные земли, и населённые пункты. Интенсивности наводнений способствуют ещё и такие физико-географические условия территории, как густая речная сеть, горный рельеф и вечная мерзлота в северных районах области, а в южных — суглинистые плотные грунты, малая высота берегов в среднем и нижнем течении реки.

За последние сто лет на Верхнем Амуре произошло 60 наводнений, из них 8 — катастрофических; на Среднем Амуре — 48 и 7 катастрофических. Периодичность катастрофических наводнений 10—12 лет. Именно большие колебания уровней воды приводят к разрушению берегов и частичным изменениям русла, и как следствие — к потере сельскохозяйственных земель. В особо дождливые годы на крупных реках затопление поймы длится до ста дней в году.

Жителям Амурской области запомнилось наводнение 1984 г., когда стихией были охвачены фактически все районы региона. На Амуре вода поднялась выше критической отметки на 5—7 м, а пойма оказалась под трёхметровым слоем воды, которая накрывала её почти месяц. Общая площадь затопления составила 18 тыс. кв. км, пострадали от наводнения 28 населённых пунктов, 12 были затоплены полностью. Разрушено и повреждено около 3000 км автодорог, 988 мостов и трубчатых переездов, почти 500 км линий электропередачи и 900 км кабелей и воздушных линий связи, более ста объек-

тов промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Общий ущерб составил тогда почти 300 млн. руб. в ценах 2000 г., а это сегодняшний годовой бюджет области...

Это катастрофическое наводнение и стало как бы приметой начала разрушительного перестроечного периода для страны с её границ — Амурской области, когда проблемами державной реки в 90-х гг. практически перестали заниматься из-за отсутствия финансирования. Естественно, что такое неродное отношение со стороны государства к своим пограничным водным объектам не замедлило сказаться на их состоянии. Как признался Макаров, Амурской области просто повезло, что с 1984 г. не произошло ещё одного катастрофического наводнения, о возможных последствиях которого он даже не захотел говорить. Природа пощадила жителей Амурской области.

Возможность заниматься в какой-то мере берегоукрепительными работами на Амуре появилась лишь после принятия в 1998 г. Федерального закона «О плате за пользование водными объектами» и создания территориального фонда по их восстановлению и охране. То есть когда пошли платежи за пользование поверхностными водными объектами и сформировались какие-то источники финансирования для выполнения берегоукрепительных работ, которые понемногу в небольших объёмах стали осуществляться в последние два года. Сегодня можно сказать, что в рамках территориальной программы восстановления и охраны водных объектов ведутся берегоукрепительные работы, строится противопаводковая защита, ведётся охрана водных ресурсов

— то есть реконструкция и ремонт очистных сооружений и их строительство. В основном сейчас выполняются работы на очистных сооружениях в г. Свободном на Зее в 100 км от устья реки.

Что касается Амура, то в верховьях реки на всём её протяжении до Благовещенска, на отрезке в 900 км, с российской стороны забора воды практически не ведётся. Ни один из населённых пунктов на верхнеамурском побережье не берёт воду из реки для хозяйственно-питьевых нужд, там используются для этих целей подземные водные источники. А поскольку крупных поселений на российском берегу нет, численность населения мизерная, то и загрязнять сточными сбросами Амур здесь некому. В этом Макаров убедился лично во время своего плавания по Амуру с пограничниками...

Катер шёл вдоль левого берега, а когда миновал Сергеевку, находившуюся не так далеко от Благовещенска, потянулись сплошь безлюдные береговые откосы, дикая тайга. Лишь через сотню километров высокий берег ожил крышами домов села Ушаково. Ещё 100 км — село Черняево, потом Толбузи, Албазин с куполами церквушки, чудом сохранившейся за почти 150 лет своего существования, затем сёла Джалинда, Игнашино. Вот и все береговые амурские поселения в верховьях великой реки на протяжении более 900 км. А между этими населёнными пунктами, в коих ещё теплилась жизнь, разбросаны во многих местах остовы домов и построек брошенных деревень, полусгнившие, заросшие кустарником и травой. По словам Макарова, ещё 15 лет назад все они были обитаемы. Хотя и раньше население прибрежных сёл имело ограниченный доступ к

Амуру — по всему нашему берегу тянулись заграждения из колючей проволоки. Правда, напротив прибрежных деревень в определённые часы пограничники устраивали для населения проходы к воде — так, с удочкой посидеть...

Теперь на Верхнем Амуре нет ни колючей проволоки, ни деревень, ни рыбаков. На весь 900-километровый участок реки всего один рыбинспектор в селе Черняево — проблемы браконьерства здесь не существует. Естественно, что в силу экономических причин у нашего берега на Амуре рыба совсем непуганая, что весьма привлекает предприимчивых китайских рыбаков. Китайский берег Амура здесь за последние годы оброс десятками небольших поселений, многие дома в которых крыты ещё соломой, но рядом на воде везде рыбацкие лодки. Такое впечатление, что китайцы круглые сутки занимаются рыбной ловлей, достигающей промысловых объёмов. По некоторым данным, китайцы активно заселяют со своей стороны прибрежные районы Амура. В верховьях их уже более 5 млн., а всего вдоль китайского берега по Амуре заселено порядка 100 млн. китайцев. Кроме всего прочего, они не просто заняты рыбным промыслом, а вылавливают всё, что можно, не связывая себя никакими нормами. Подобное положение сложилось на пограничном Амуре не сегодня и не вчера, а гораздо раньше. Ещё первая БСЭ отмечала в 20-е гг.: «Выше Хабаровска, где Амур является пограничной рекой, причём граница с Китаем идёт по середине фарватера, всякое нормирование рыбного лова оказывается невозможным; здесь рыболовство носит чисто хищнический характер...»

Но не это сейчас больше волнует российскую сторону, хотя перед предками нашими, освоившими приамурскую землю, должно было бы быть кому-то стыдно. Из года в год ухудшается качество воды в Амуре, и здесь виновником мог быть только правый приток великой реки — Сунгари, вливающий свои воды со стороны Китая. Длина этого притока 1870 км, в его верховьях находятся такие сооружения, как водохранилище Фынманьи и ГЭС, а также крупные города Харбин, Цзямусы и Гирин. Все они имеют многомиллионное население и развитую промышленность — электротехническую, транспортное машиностроение, приборостроение, деревообрабатывающую и текстильную промышленность, а также целлюлозно-бумажную и химическую. Эти промышленно-научные центры располагаются непосредственно на реке Сунгари, и, естественно, стоки промышленных отходов спускаются непосредственно в реку. Насчёт отсутствия очистных сооружений в этих городах можно не сомневаться — они там, вероятно, и не проектировались. По данным Информационно-исследовательского института Министерства водного хозяйства КНР за прошлый год, «водные объекты Китая подвержены сильному загрязнению, поскольку в них сбрасывается 80% неочищенных промышленных сточных вод». А то, что это касается непосредственно реки Сунгари, правого притока Амура, сомневаться не приходится.

Ещё в 1986 г. было подписано Соглашение между СССР и Китаем о совместной работе по составлению схемы комплексного использования водных ресурсов пограничных участков рек Аргуни и Амура. Именно

только пограничных участков, хотя советская сторона пыталась поднять вопрос о необходимости заниматься в целом бассейном реки Амур, если договаривающиеся стороны действительно стремились сохранить воды Амура чистыми и пригодными для использования и увеличения в них рыбных запасов ради будущих поколений. Однако китайская сторона категорически отказалась от такого варианта, более того, она согласилась предоставить своим соседям лишь гидрологические характеристики притока Сунгари — то есть информацию о скорости течения, количестве стока, расходе воды... Иначе говоря, познакомила с теми параметрами, которые фактически не меняются из года в год, если не ведётся на реке крупное гидротехническое строительство. Все качественные показатели состояния воды в Сунгари китайские власти тщательно скрывают, объясняя это тем, что подобная информация имеет стратегическое значение. Сегодня мы даже не представляем достоверной ситуации по химическому составу воды на реке Сунгари и вообще на всех китайских притоках. О качестве таковой мы можем судить только косвенно, непосредственно наблюдая за качеством воды в Амуре — куда впадает Сунгари. Однако это довольно ориентировочные данные. Но подобная скрытность результатов своей водно-хозяйственной деятельности на пограничных водных объектах КНР свойственна отнюдь не только в отношении России. В 90-х гг. многие страны мира участвовали в разработке «Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков» Организации Объединённых Наций. В частности, в рабочей группе были задействованы специалисты как

из России, так и из КНР. Но когда зашла речь о том, чтобы в конвенцию включить положение о необходимости делиться на пограничных реках водой со странами-соседями, китайская делегация тут же категорически отказалась даже визировать документы на уровне рабочей группы. А так как иных международных обязательств у КНР нет, то, можно считать, в данном отношении Китай себя ничем связывать не хочет. Такова его политика на сегодняшний день.

Не идёт Китай на контакт с предоставлением информации о состоянии водных объектов, сбросов сточных вод по притокам Амура и на региональном уровне. Более того, власти Амурской области даже представления не имеют, сколько хозяйственно-промышленных отходов и сточных вод сбрасывается в Амур из города Хэйхэ, расположенного напротив Благовещенска. И в то же время эти города провозглашены побратимами. Да только братство здесь получается какое-то односторонне-кривое.

На сегодняшний день специалисты в области охраны и использования водных ресурсов по трансграничным рекам привыкли строить свои прогнозы на будущее большей частью с учётом стабилизации финансового положения в России и крепких дружеских отношений приграничных государств с нашей страной. Это и понятно! Люди всегда хотят надеяться на лучшие времена, даже если реальная обстановка не даёт на это значительных перспектив. Такова наша психология — всегда с открытой душой идти к соседу, предполагая, что и он тебя не обманет. Для честных людей это норма поведения. Однако иногда полезно прикинуть последствия и

иного варианта в межгосударственных отношениях. Например, что ждёт Амурскую область, если Китай и дальше будет засекречивать данные о загрязнении собственных речных стоков, которые несут свои воды в Амур? Ответ здесь может оказаться не такой простой, как кажется. По официальным источникам, в 1990 г. в Китае обрабатывалась всего лишь «1/5 промышленных стоков и около 30% промышленных твёрдых отходов...». Благодаря принятым мерам, как считают в КНР, в стране удалось в целом стабилизировать экологическую обстановку на уровне 1980 г., до 22% возросла доля очищаемых производственных стоков. Но можно ли подобные заявления принимать на веру? И если нет официальных данных по загрязнению поверхностных вод в Китае, посмотрим, что происходит в КНР с воздухом. Суточная концентрация взвешенных частиц в среднем в расчёте на метр кубический в воздушном бассейне 32 городов на севере страны (сюда входит Автономный район Внутренней Монголии и провинция Хэйлунцзян, пограничная с Амурской областью) составляет 860 мг. Хотя норма, разработанная ВОЗ, равна 90 мг, китайский же национальный стандарт — 500 мг. Думается, что и в отношении норм загрязнения поверхностных вод КНР картина такая же.

Однако это ещё не всё. Как уже было сказано, с нашей стороны Амур никакими гидротехническими сооружениями не зарегулирован. В то же время, по признанию Макарова и после его личных встреч с пограничниками, выяснилось, что, по их наблюдениям, на реке Амур выше Благовещенска китайцы начинают строительство второго водозабора. В соответствии с

международными законами пограничные государства в подобных случаях извещают своего соседа о строительстве водохозяйственного сооружения с указанием всех его параметров. Это необходимо в чисто практическом плане. Любые сооружения на водных объектах в какой-то мере сразу или спустя определённое время частично могут изменить режим стока реки или повлиять на само русло. В настоящее время китайской стороной построено почти 265 км противопаводковых дамб, в том числе на Верхнем Амуре более 52 км. Существующие защитные сооружения на отдельных участках китайского правого берега, с одной стороны, обеспечили стабильную защиту своих сельскохозяйственных земель и населённых пунктов, но, с другой стороны, привели к поднятию уровней речного потока, отжатию его к российскому незакреплённому берегу и изменению русловых условия, что усилило размыв больших береговых участков и, как следствие, привело к отторжению материковой левобережной территории с образованием новых островов.

Чаще всего Китай не предоставляет официальной информации по стратегическим соображениям в отношении водных объектов, поэтому приходится пользоваться различными источниками, даже сообщениями частного порядка. Однако дело здесь вовсе не в установлении истины — строят подобное сооружение на Амуре китайцы или нет, — а в использовании такой предполагаемой ситуации для ответа на вопрос: чем может грозить строительство водозабора российской стороне?

Когда я задал этот вопрос Макарову, он сразу сказал, что, не зная проектного объёма забора воды из ре-

ки, а также как и для какой цели они собираются использовать воду, предположить что-либо насчёт последствий для нашего берега довольно сложно. Если водозабор нужен китайцам для подпитки крупных водохранилищ в связи с возможной переброской стока реки, то чем больше объём забора воды, тем негативнее это скажется на состоянии Амура. А значит, есть вероятность того, что водозабор для снабжения Благовещенска питьевой водой придётся реконструировать, то есть значительно углубить, поскольку уровень воды в реке упадёт и произойдёт заиление приёмных оголовков.

Однако это довольно крайний случай, до которого вряд ли дойдёт дело. Но если снижение уровня воды на Верхнем Амуре произойдёт, то уж об ухудшении качества воды спорить не придётся. Более того, резко уменьшится рыбопродуктивность реки за счёт того, что недостаточно будет заливать речные поймы, куда рыба ходит на нерестилище. А это уже значительная потеря рыбных ресурсов.

Как утверждает Макаров, на сегодняшний день использование Верхнего Амура несколько однобокое. Китайцы заготавливают на своей территории лес и перевозят его по реке аж до самого Хэйхэ. Их речные суда по Амуру постоянно снабжают всем необходимым прибрежные поселения. Они активно занимаются добычей со дна реки гравийно-песчаной смеси, не говоря уже о промысловом вылове амурской рыбы. Даже у наших берегов. Для нас же Верхний Амур уже не является транспортной артерией, потому как, очевидно, нет необходимости в этом, раз исчезают прибрежные деревни.

Развалились рыбсовхозы и леспромхозы в этом районе... Россия вынуждена отказаться от использования водных ресурсов Верхнего Амура в связи с экономической несостоятельностью. Здесь китайцы уже давно чувствуют себя хозяевами...

Не только ослабление России, но и дипломатия постоянных и необоснованных уступок в международных отношениях, иначе говоря, политика виляния хвостом, уважения нашей стране не прибавит. Это относится не только к Китаю, но и к бывшим советским республикам, пытающимся тоже диктовать свои условия России в надежде на поддержку США. В частности, это проявляется в отношениях с Азербайджаном по вопросу деления водных ресурсов пограничной реки Самур...

Очевидно, державную боль Амура сегодня испытывают и на других российских водных рубежах. Но сквозь эту боль терпеливо пробивается и ручеёк надежды на возрождение гордой славы России. За неё ведь русские люди на берегах Амура жизни свои отдавали, кровью платили за водицу амурскую. Поэтому любая граница сначала проходит через сердца людские и лишь потом уже обретает плоть демаркационных линий, что и делает их незыблемыми.

Да только не стали ли мы сегодня забывать об этом?

НАД САМУРОМ УРАГАНА НЕ БУДЕТ

На белёсом, будто выгоревшем от палящего солнца небе чётко вырисовывались дальние тёмно-серые складки голых гор. При первом взгляде на них создавалось впечатление, что горизонт на западе от дагестанского селения Магарамкент весь покрыт засохшими почерневшими рубцами. Картина довольно странная, особенно когда вокруг виноградники и сады и сухой жаркий воздух насыщен медовым ароматом груш, пьянящим запахом вина и пряностей...

Макаренцев вздохнул и, уже не оглядываясь, пошёл к машине. Следом за ним поспешили и остальные члены российской делегации. Эту очередную встречу делегаций России и Азербайджана по переговорам о распределении воды Самура специально проводили рядом с гидроузлом-вододелителем, через который и идёт вода из реки на дагестанские и азербайджанские поля. На месте-то оно вроде бы видней. Однако переговоры о предлагаемом Россией равном делении стока пограничного Самура успехов не принесли. Правда, решено было создать совместную рабочую комиссию, которая могла бы наблюдать за нормами распределения воды, установленными ещё в советское время, почти 50 лет назад, — они тоже нарушались. Но... Оттого, наверное, и виделось вокруг всё мрачным...

Честно говоря, заместитель председателя Роскомвода Макаренцев много результата и не ожидал. Даже неожиданный для всех участников встречи сход населения Магарамкентского района, где в основном проживают лезгины, представителей районной админист-

рации и старейшин дальних селений, собравшихся стихийно здесь, чтобы выразить свой протест совершенно необъяснимым действиям азербайджанских властей в отношении соседей, не повлиял на ситуацию переговоров. А она оказалась накалённой, под стать засушливому климату данной местности, для которой единственная надежда на выживание — вода реки, что столетиями питала здешние поля по обеим берегам. Ответ представителей Азербайджана рассеял все надежды и иллюзии собравшихся — мол, скажите спасибо, что получаете столько, сколько даём вам воды. Правда, сказано такое было не в открытую, намёками, но в смысле услышанного никто не усомнился. И хотя крик делу не помощник, Владимир Иванович прекрасно понимал — то был вопль отчаяния местного приграничного населения. Время-то тяжёлое, безработица, что называется, массовая, реальная возможность выжить на южной дагестанской земле — это её обрабатывать, сажать овощи, разводить сады и хоть чем-то себя обеспечивать. Да только вот воды для орошения не хватает, хотя рядом течёт Самур, и по территории Дагестана, а не где-нибудь. Да вот словно злая сила вдруг перекрыла воду, заставив земледельцев на этой трудной земле обливаться потом впустую. Но даже и Макаренцев в полной мере не представлял себе, что за проклятие нависло над Южным Дагестаном. А главное, в чём люди-то виноваты? За какие такие грехи и кто решил трудолюбивых лезгин так жестоко наказать? Заложниками чьих страстей и интриг они стали?

Лет десять назад известный русский писатель Валентин Распутин написал предисловие к книге шведско-

го учёного Рудольфа Эдберга «Капли воды — капли времени», которое назвал «Воды наши — грехи наши». И из года в год всё острее и жёстче осознаём мы, насколько он был прав. Грехи властей обернулись властью грехов, довлеющих над Россией. Проблема пограничного Самура сегодня — тому подтверждение.

Эта река рождается на склонах горы Гутон Главного Кавказского хребта и 213 км привольно течёт по территории Дагестана, за исключением 38 км, граничащих с Азербайджаном, и впадает в Каспийское море. То есть 96% речного стока и водосборная площадь, как говорят специалисты, находятся в Дагестане. И лишь 4% воды собирает Самур на азербайджанской территории. В советское время, в 50-е гг., в 32 км от устья реки и был построен Самур-Апшеронский гидроузел, представляющий собой подпорную плотину и делитель с головными сооружениями Самур-Апшеронского канала, несущего свои воды для орошения земель в Азербайджане и водоснабжения городов, включая Баку и Дербент, и Самур-Дербентского — для дагестанских полей.

Приграничные районы той и другой стороны здесь в климатическом отношении равны, и там и тут десятки тысяч гектаров орошаемых сельскохозяйственных земель, поэтому в распределении воды никаких вопросов не возникало — поровну за вычетом экологических сбросов. Однако такое справедливое соотношение водораздела вскоре было неожиданно нарушено. С приходом к власти Л. И. Брежнева внутренняя политика развития народного хозяйства дала крен в сторону регионов, по принципу — всё для окраин, то есть республик, но не России. И в соответствии с новым политиче-

ским веянием, которое, вероятнее всего, родилось как дань тем конъюнктурщикам от политики, которые и сделали Брежнева генсеком, Минводхоз СССР своим решением от 7 октября 1967 г. распределяет годовой сток Самура объёмом 1,75 куб. км в таких пропорциях: 0,89 куб. км (51%) — Азербайджану, 0,3 куб. км (17%) — Дагестану, а экологический сброс соответственно составил 0,56 куб. км (32%). Объяснили, что подобное решение связано с приоритетным развитием орошаемого земледелия в Азербайджане. Естественно, в тот момент никто и не думал о развале великой страны. И явные перекосы в политике и хозяйственной деятельности в СССР в то время не выпирали нарываками, потому как в огромном едином государстве всегда можно найти способ компенсировать потери или хотя бы их сгладить. И совсем другое дело, когда Советский Союз безжалостно был рассечён по-живому, невзирая на вопли и крики людей. Нечто подобное и произошло на пограничном Самуре — там, словно тень отца Гамлета, из развороченного могильника советских министерств неожиданно материализовался Минводхоз, приняв форму протокола от 7 октября 1967 г., согласно которому Азербайджану отпускалось 75% речного стока Самура, а Дагестану — 25%. И вот здесь-то один нарыв стал вскрываться за другим...

Гидроузел-вододелитель стоит на русле реки Самур, и в соответствии с принятыми в мировой практике законами о государственных границах, в том числе российскими и азербайджанскими, если имеется сооружение на пограничной реке, то граница должна проходить по оси данного сооружения. Но именно этого Азербай-

джан признавать как раз и не хочет, утверждая, что гидроузел находится на их территории. И свидетельством, мол, тому служит Акт пятидесятилетней давности, где чёрным по белому сказано, что Правительство Дагестанской ССР отводит Азербайджанской ССР определённую часть своей территории во временное пользование для последующего строительства на ней гидроузла-вододелителя. Но и здесь в действительности не всё соответствовало закону. Ведь для того, чтобы часть территории передать другой республике или области в Советском Союзе в вечное пользование с последующим изменением административной границы, советские законы предусматривали обязательное утверждение подобного Акта о передаче земель Президиумом Верховного Совета СССР.

Почти аналогичная ситуация у нас и с Казахстаном. Есть две небольшие речки в Саратовской области — Большой Узень и Малый Узень, которые половину своего пути текут по Казахстану. Они никуда не впадают, потому как исчезающие. Общий сток у них меньше одного куб. км в год. Но тот же Минводхоз СССР своим «знаменитым» решением 55% его отдал казахам, хотя сельское хозяйство Саратовской области само задыхается без воды — и посевы гибнут, и скот поить нечем... Вот ведь и закон на нашей стороне, и люди страдают, а кто ответит за народные беды, к тому же незаслуженные и несправедливые? Получается, что грехи в прошлом порождают ещё большие грехи в будущем. Да только грешат одни, а расплачиваются за их деяния почему-то другие.

Сегодня, имея ключи от воды и чувствуя негласную поддержку Запада, Азербайджан уже давно перестал соблюдать и те, ущемляющие права дагестанских народов нормы, которые были определены Минводхозом СССР от 7 октября 1967 г. Кстати сказать, данный протокол не имеет юридической силы международного документа, о чём прекрасно известно властям Азербайджана.

По данным Правительства Республики Дагестан, за последние пять лет среднегодовой фактический забор воды Азербайджаном из реки Самур составил 1,1 куб. км вместо 0,89 куб. км. Более того, власти Азербайджана вовсе не скрывают, что в настоящее время ведут реконструкцию Самур-Апшеронского канала, чтобы значительно увеличить его пропускную способность. В связи с этим ведётся строительство дополнительной насосной станции для увеличения подачи воды из канала в Баку.

О каком тогда перспективном развитии Дагестана может идти речь? На левом берегу Самура ждут орошения почти 156 тыс. га земли, а фактически отпускаемой воды хватает лишь для полива 58 тыс. га, то есть 37%. Тогда как в Азербайджане орошается 60% земель в прилегающих к Самуру районах. Правда, беззастенчиво украденной водой...

Но разве сложившаяся ситуация на пограничной реке не доказательство нарушения Азербайджаном суверенитета России в отношении использования водных ресурсов? Статья 9 Конституции Российской Федерации гласит: «Природные ресурсы, находящиеся на данной территории, являются собственностью того народа, который проживает на этой территории». Более того, в

международном праве записано — если страна не может сегодня использовать свою долю воды, то с расчётом на будущие поколения она не обязана отдавать её другой стране. Но тогда получается, что Азербайджан действует в нарушение всех международных законов, не боясь даже осуждения со стороны мировой общественности? Да и законного негодования российского руководства, у которого ведь терпение тоже не безгранично. И всё же Россия старается не раздувать конфликт, а решить его благоразумными методами, надеясь, очевидно, на здравый смысл своего заносчивого соседа, пытаясь найти мирный выход из создавшегося положения.

12 октября 1995 г. Правительство Российской Федерации принимает Постановление за № 1000 «О неотложных мерах по стабилизации социально-политической ситуации и экономического положения в южных пограничных районах Российской Федерации в пределах Республики Дагестан». Тогда же Роскомвод совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и Правительства Республики Дагестан готовит проект российско-азербайджанского Соглашения о сотрудничестве в области рационального использования и охраны водных ресурсов пограничной реки Самур. В основу этого Соглашения ложится принятый в международной практике принцип вододеления на пограничных реках, согласно которому каждая сторона имеет право на 50% стока за вычетом экологических попусков.

Честно говоря, каких-либо официальных международных законов по данной проблеме не существует, по-

этому как все природные ресурсы, находящиеся на территории любого государства, принадлежат только данному государству и проживающему на его территории народу. Однако, не желая, видимо, обострять свои отношения с Азербайджаном или в надежде на то, что всё-таки, может, заговорит совесть у бывшей советской республики, тем более что строилась и развивалась она усилиями всего советского народа, Россия решила, что распределение своего речного стока поровну с соседом станет тем актом проявления добрососедских отношений, который поможет быстрее устранить досадные пограничные распри. Ведь при таком водораспределении доля России увеличится на 196 млн. куб. м воды в год, что уже позволит дополнительно оросить 28 тыс. га дагестанских земель и получить от реализации сельхозпродукции ещё на 100 млн. руб. в год (в ценах 1991 г.), а также создать около 5 тыс. рабочих мест. Но главное — улучшить санитарно-эпидемиологическую обстановку в южных районах Дагестана.

В феврале 1996 г. проект данного Соглашения вместе с предложением сразу же начать переговоры был отправлен по дипломатическим каналам в Азербайджан. Впереди лето, и иссохшие десятки тысяч гектаров дагестанской земли наконец-то получают воду. Да только ожидания оказались тщетными. Азербайджанская сторона ответила лишь спустя полтора года — своим вариантом проекта Соглашения, в котором не только всё сохранялось по-старому, но и предусматривалось дальнейшее увеличение безвозвратного забора Азербайджаном воды из Самура. Более того, их проект Соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и

культурном сотрудничестве между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Республики Дагестан содержал статью 13, которой они как бы «законно» закрепляли существующее вододеление по протоколу Минводхоза СССР от 7 октября 1967 г. Как будто Азербайджану не было прекрасно известно, что в компетенцию Республики Дагестан как субъекта Российской Федерации это не входит.

Чем же объяснить такое бесстрашие Азербайджана в нарушении международных законов? Ведь с Дагестаном он всегда жил дружно... Догадаться, конечно, не сложно — дагестанские земледельцы, вероятнее всего, оказались заложниками нефтяных компаний, которые наперегонки устремились к бакинской нефти. Ещё бы! Руководство Азербайджана во всеуслышанье заявило своему народу и всему миру, что гигантские запасы нефтяных месторождений вскоре позволят им стать чуть ли не новым Кувейтом. Лишь бы не прогадать в выборе иностранных инвесторов. И этот дутый шарик до сих пор порхает над Азербайджаном.

Однако на сей счёт существует и иное компетентное мнение. Известно, что впервые из скважины нефть на Апшеронском полуострове была получена ещё в 1848 г. С тех пор добыто около 1,5 млн. т нефти, что составляет более 80% разведанных запасов. Но это в прошлом, а что в настоящем?

По данным Григория Аркадьевича Габриэлянца, лауреата Государственной премии СССР, доктора геолого-минералогических наук, академика РАН, последнего Министра геологии СССР, а ныне президента научно-консультационной фирмы «Геосервис», в 1998 г. «груп-

па высококвалифицированных азербайджанских нефтяников, опираясь на все известные геологические материалы, подсчитала прогнозные ресурсы Азербайджана, которые после углублённой экспертизы были утверждены по шельфу в объёме 1611 млн. т углеводородов. В прогнозных ресурсах нефть составляет около 47% и примерно 70% её залегает на глубинах более 5 км при глубине моря в большинстве случаев до 500 м.

Прогнозная оценка всегда и во всём мире использовалась и используется для определения направлений поисковых работ и ни в коей мере не может служить основанием для расчётов реальных уровней добычи. Что же касается политики вокруг азербайджанской нефти, то она строится на искусственном увеличении прогнозных ресурсов нефти до 3—5 млрд. т, создании впечатления, что они приравниваются к реальным запасам, и созданию ажиотажа вокруг якобы гигантских уровней добычи нефти, сопоставимых с Персидским заливом».

Но какой резон Азербайджану идти на такой международный обман? Ведь когда-нибудь этот дутый шарик лопнет или азербайджанские власти действуют по принципу Ходжи Насреддина — к тому времени, мол, либо ишак сдохнет, либо эмир помрёт?

Цель этой многослойной дутой политики прекрасно обозначил Григорий Габриэлянц: «Азербайджан, продав почти 90% будущей нефти и получив словесную политическую поддержку зарубежных стран, пытается поставить в зависимость своих соседей, обещая, если они будут хорошо себя вести, проложить нефтепровод через их территорию, и тем самым создаёт видимость своей экономической независимости от России».

Вот ведь как иногда бывает. В погоне за нефтью люди стали уничтожать живую природу, которая тысячелетия создавала им среду для обитания, выживания, познания мира, служила людям и колыбелью, и надёжной защитой — растила их в надежде на ответную доброту. Вроде наступила пора зрелости, разума — и что же?

В устье реки Самур, вдоль её берегов, но в основном в Дагестане, растёт реликтовый лиановый лес. На этих широтах — единственный в мире. Более 50 видов животных, обитающих в нём, занесены в Красную книгу. Но последнее время состоянием реликтового леса здорово озабочены специалисты Дагестана и России — он вдруг начал чахнуть на корню. Вскоре обнаружили и причину. В этом же районе, но уже по правому берегу Самура, то есть в Азербайджане, неподалёку находится водозабор подземных вод. Бесконтрольная откачка их грозит не только существованию реликтового лианового леса. Ведь подземные воды непосредственно связаны и с поверхностными, они их подпитывают. Но здесь выявлено резкое понижение горизонта грунтовых вод, что несомненно скажется и на нерестилище в низовьях реки редких видов рыб, таких, как осётр, кутум... К тому же вокруг около 3 тыс. га сельскохозяйственных дагестанских земель. Что будет с ними?

Когда-то Адам Смит, «отец политической экономики», сказал: «Как это получается, что вода, столь нужная, что без неё была бы невозможна жизнь, ценится так низко, тогда как алмазы, не приносящие никакой пользы, ценятся так высоко?» Однако, думается, здесь Адам Смит лукаво предрекает, что в скором будущем

чистая вода по стоимости сравнится с драгоценными камнями. И восточное «звание» воды — драгоценная влага приобретёт реальный смысл. Не нефть, а вода является основой жизни на Земле. И не из-за нефти западные футурологи пророчат к 2025 г. начало жестоких войн, а именно из-за воды. Хотя на Ближнем Востоке, как известно, они уже вспыхивают. Так что время, когда польётся кровь людская за водицу, не за горами.

Вот чтобы избежать этого или хотя бы отсрочить, МПР России, убедившись, что Азербайджан не собирается добровольно исправлять незаконные свои действия на приграничной реке Самур, разработало технико-экономическое обоснование «Первоочередные мероприятия по улучшению водохозяйственной и экологической обстановки, комплексному использованию и охране водных и других природных ресурсов рек Самур и Гюльгерычай». За этими сухими канцелярскими словами скрыт спасительный для южных районов Дагестана смысл. Именно в этом документе и содержится решение вопроса о строительстве собственных водозаборов на территории Дагестана выше существующего злополучного гидроузла по течению реки Самур. Сейчас ведётся их проектирование, ну а реализация проекта...

Теперь, очевидно, от Правительства Российской Федерации и МПР России зависит, как скоро у Дагестана появится реальная возможность напоить свои жаждущие влаги поля, улучшить свою жизнь и не испытывать унижений. И это единственно правильный путь решения пограничных и межгосударственных проблем с теми, кто привык полагаться только на силу. Ей Россия противопоставила разум, возможно, тем самым дейст-

вительно отодвинув день, когда, как сказано в Апокалипсисе Иоанна Богослова, те, кто «имеют власть над водами», будут «превращать их в кровь и поражать землю всякою язвою...». А если это кому-то не нравится, то пусть вспомнит, что ответил Сергей Радонежский святителю Алексию и монаху, когда те пришли к нему и спросили, что им делать. Тогда преподобный Сергей им и сказал: «Спасём землю русскую». Так, может, действительно прав Сергей Радонежский — если спасётся Россия, то спасётся и весь мир, потому как Россия всегда спасается для всех?

«ЛЪСТИЛ СЕБЯ БУДУЩИМ...»

БУРЕНКОВ Эдуард Константинович родился 2 августа 1934 г. в Кинешемском районе Ивановской обл., закончил Московский институт цветных металлов и золота; кандидат геолого-минералогических наук, Заслуженный геолог России, лауреат премий Совета Министров СССР и Правительства Российской Федерации; член-корреспондент РАЕН, академик Международной академии минеральных ресурсов, член-корреспондент Канадской Академии наук.

Награжден орденами «Знак Почёта» и «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

I

Последняя моя встреча с директором Института минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов (ИМГРЭ) Эдуардом Константиновичем Буренковым неожиданно сорвалась. Секретарша, виновато пожав плечами, коротко пояснила:

— Срочно вызвали в министерство...

О дальнейшем расспрашивать было бесполезно. Директора могли задержать там на час-два, а то и на целый день. В раздумьях — что же теперь делать — я вышел в коридор. О самом Буренкове я знал немало, однако о сегодняшних делах института, его научных проблемах только в общих чертах, отдельными, так сказать, штрихами, которые на полную ясную картину явно

не тянули. Правда, больше всего меня интересовала личность Эдуарда Константиновича как организатора работ по тем научным направлениям, которые смогли сохранить институт, даже пройдя между жерновами перестройки и экономических реформ. А тот, кто сумел преодолеть горловину между Сциллой и Харибдой, кто спасал не столько себя, сколько научную и промышленную базу для будущего, кто, вопреки всем скептическим прогнозам, одолел период безвременья, при этом не потеряв способности рождать и двигать научные идеи в «новых условиях» — о подобных людях в науке надо бы судить не по количеству личных открытий и изобретений, а оценивать по факту существования этого очага науки. Вот почему меня больше интересовал сам Буренков, истоки его надёжной стойкости и терпения в преодолении всех трудностей, на которые судьба была к нему довольно щедрой...

Характер

Больше всего он любил и ценил вольницу. Эта сторона его характера проявилась с раннего детства, которое выпало на лихие военные годы. Вернее, стала следствием той тяжелой поры, которая больнее всего и затронула детские души. В 1941 г., когда Эдуарду исполнилось 6 лет, не стало отца. Мать с утра уходила на работу, возвращалась поздно вечером! Фактически парень был предоставлен самому себе, и решал все свои проблемы сам. Шёл второй год войны, время голодное, поэтому пацаны иногда пытались разжиться морковью, огурцами или кочаном капусты с проезжавшей мимо

машины или на овощной базе, стараясь отвлечь чем-то сторожей. В таких случаях они устраивали у себя во дворе на Шаболовской улице настоящий пир.

В один из прохладных уже сентябрьских дней Эдуард и его друг Толик по прозвищу Морковка гоняли по двору тряпичный мяч, когда увидели вдруг направлявшегося к ним хромоногого дядьку. Он был в пиджаке, одетом поверх гимнастерки, перехваченной широким солдатским ремнем. Лицо доброе, улыбочное. Подойдя, поздоровался и устало опустился на асфальт рядом, вытянув негнущуюся ногу перед собой.

— Вы живете здесь? Что ж давайте знакомиться. Меня зовут Александр Герасимович. Я директор школы, правда, недавно. Вот, — кивнул он на неподвижную ногу, — после госпиталя вернулся, сразу директором и назначили. Отвоевался, значит. А вы учиться хотите в школе? Лет-то вам сколько?

— Восемь...

Эдуард и Толик с интересом смотрели на незнакомца, который буквально подкупал ребят своей откровенностью, да и разговаривал с ними на равных. А тот уже начал рассказывать о разных странах, о диковинных землях, где живут совсем другие люди, обитают невиданные звери, что в некоторых странах не бывает зимы, а в иных лета, и там не растёт даже трава, но кругом до самого горизонта снег и льды. Друзья даже рот раскрыли от удивления, слушая директора. Тот вдруг резко оборвал себя, подмигнул ребятам и, тяжело поднявшись, уже деловым тоном спросил:

— Ну, так как, решили? Учиться пойдёте? Тогда запишу ваши фамилии и адреса...

Эдуард и Толик лишь переглянулись и дружно закивали головами. Александр Герасимович записал их в свой блокнот и сказал, чтобы через два дня они пришли в школу № 584, тут совсем недалеко.

Вечером, когда с работы вернулась мать, Эдуард поставил на стол подогретую картошку и признался:

— Мам, а я записался в школу.

Она подняла на него запавшие глаза и, прижав голову сына к себе, почему-то со вздохом проговорила:

— Ты правильно сделала сыночек.

Что ж, раз сам решил пойти учиться, значит, и относиться к этому делу надо серьёзно, тем более, что помощи ждать было неоткуда. Да и непривычно как-то расписываться в собственной слабости, когда вокруг всем нелегко приходилось. Вот и старался Эдуард Буренков, доказывал, что он не глупее других, да и мать чтоб не огорчать...

Что касалось будущего Эдуарда, то оно определялось и моделировалось его родными, особенно тёткой Людмилой Фёдоровной Шинкаревой. Она была доктором медицинских наук, профессором, работала в больнице имени Склифосовского и преподавала в Первом медицинском институте. Как и её муж. Их сын тоже пошёл по стопам родителей, так что было с кого брать пример. Тем более что более гуманную и почётную профессию в послевоенные годы трудно было и придумать. Поэтому все разом так и решили, а Эдуард не сопротивлялся, потому как иного варианта жизненного выбора он не имел.

В их районе по неизвестной причине расформировали одну из школ, и часть учащихся перевели в 584-ю

школу. Несколько ребят попали в класс, в котором учился Эдуард Буренков. С одним из них, Сашей Волковым, он и подружился. Свела их вместе и спаяла крепкой дружбой всё та же любовь к вольнице, иначе говоря, самостоятельность и независимость в характерах.

Как-то Волков пригласил Эдуарда к себе домой и познакомил со своим отцом Спиридоном Архиповичем, геологом, преподававшим в Московском геологоразведочном институте. Как вскоре выяснилось, он объездил с геологическими партиями Урал и Сибирь, Алтай. В тот вечер, с увлечением рассказывая ребятам о таёжных красотах, поющей лесной тишине, когда хочется лечь на траву, закрыть глаза и слушать этот великий живой и разумный организм — тайгу, Спиридон Архипович вдруг задумчиво произнёс:

— Если вы, ребята, хотите узнать, на что вы способны, по-настоящему горите желанием понять, что главное в человеке, ради чего он живёт на земле, для чего преобразует её, добывая уголь или руду; если хотите узнать себе цену — в этом случае только геология поможет расставить вам точки над «і». Не для кого-то, а для себя лично, для собственной ориентации в этой непростой жизни. — Он усмехнулся и пояснил: — Да, геологам приходится много работать, но это самые свободные люди. Что это значит? А то, что они острее чувствуют ответственность за своё дело...

Эти слова Спиридона Архиповича затронули какую-то невидимую струну в душе Буренкова. Они как бы упали на подготовленную почву воспитанного уличной вольницей Эдуарда, и не могли не дать всходов.

Именно после этой встречи Буренков стал почему-то более серьёзно относиться к учебе, интересоваться физикой, химией. Это получилось как бы само собой и ничего фактически не меняло в его жизни. Понял он цену приобретённым знаниям; когда подал документы в Московский институт цветных металлов и золота. В те времена абитуриенты перед вступительными экзаменами обязаны были по каждому предмету посещать подготовительные занятия. Первым оказался немецкий язык. Их собрали в самой большой аудитории, и преподаватель, написав на доске фразу на немецком языке, поинтересовалась, кто из присутствующих может разобрать это предложение. Желающих почти не оказалось. Тогда поднялся Буренков и на хорошем немецком языке сказал, что он в состоянии детально разобрать предложение, что тут же и сделал. Преподаватель спросила по-немецки, откуда он так хорошо знает иностранный язык. Буренков ответил, что благодаря учительнице в школе, очень строгой, настоящей немке. Поэтому её ученики к десятому классу за один урок свободно писали на немецком языке сочинение объёмом в несколько тетрадных страниц.

— Когда вы будете сдавать вступительные экзамены, — сказала преподаватель, — постарайтесь попасть ко мне. Я учту, что вы прекрасно знаете этот предмет...

Дома, уверенные, что для Эдуарда ничего не существует, кроме безоблачного будущего в медицине, лишь поинтересовались, сдал ли он документы, но в какой институт даже не спросили. А он не привык отвечать на вопросы, которых ему не задают. И когда Буренков увидел свою фамилию в списках студентов Цветме-

та, то дома на молчаливые взгляды родственников тоже коротко произнес:

— Приняли...

На победный клич тети: «Нашего полку прибыло...»

— Буренков слегка побледнел и сказал:

— Я буду учиться на геолога в Институте цветных металлов.

Он привык всё решать и оценивать самостоятельно, постоянно взвешивая свои возможности, испытывая себя на прочность и утверждаясь в жизни. Та стихия, которая в нём заключалась, оформилась в мощную движущую силу благодаря именно знакомству с Волковым и Воздвиженским.

II

Дверь лифта открылась, и я увидел учёного секретаря института Николая Константиновича Дмитриенко, с которым у меня состоялся довольно долгий разговор в первый мой приезд. Поздоровавшись, он поинтересовался, почему я гуляю по коридору, а узнав в чём дело, пригласил к себе. Я невольно вспомнил, с какой гордостью Николай Константинович рассказывал мне о том, как Буренков, ещё будучи начальником Московской геолого-геохимической экспедиции, взял на себя строительство институтского здания, в котором они сейчас и находились. Переселились сотрудники сюда годом позже, когда Буренкова назначили директором ИМГРЭ. На мой недоуменный вопрос, почему начальник экспедиции вдруг становится директором института, Дмитриенко ответил коротко:

— Бывший директор член-корреспондент АН СССР Лев Николаевич Овчинников ходатайствовал об этом. А потом и начальник Управления науки Мингео СССР Анатолий Иванович Кривцов. Это о чём-то вам говорит?

Тогда я как-то мало обратил внимания на слова учёного секретаря, фактически для меня мало что значащие, и лишь сейчас почему-то вспомнил о них. Но теперь они приобретали несколько иной смысл.

Как-то в середине 70-х в Московскую экспедицию на Малую Филёвскую улицу нагрянул директор института и попросил показать результаты их работы за последние годы. В тот период начальником одной из партий экспедиции был Буренков, который вместе со своим старшим геологом Юрием Ефимовичем Саетом объездил несколько осадочных месторождений фосфоритов — в Каратау (Казахстан), на Шанторских островах, в подмосковном Егорьевске; исследовал месторождения бора в Тетюхе (Приморье) и серы в Туркмении. То есть показать было что. Ознакомившись с их материалами, Овчинников хмуро взглянул на Буренкова и недовольно произнёс:

— В чём же дело? Почему не защищаетесь? Чтобы кандидатские диссертации были...

Жёсткий характер директора института им уже был хорошо известен. Не в плане грубости или непримиримости в отношениях между людьми, а в смысле обязательности и ответственности в работе, в выполнении задач, которые государство ставило перед их институтом. В то время требовали развивать прикладную геохимию для поиска месторождений полезных ископаемых. Именно по этой теме вскоре защитил диссертацию

и Буренков. Проблема редких элементов, новых технологий для промышленности перестала быть актуальной, хотя наиболее дальновидные учёные не переставали доказывать на всех уровнях, что редкие элементы — это витамины промышленности. Однако новые технологии на производстве не внедрялись — предприятия боролись за снижение выпускаемой продукции и увеличение планов её выпуска. Применение редких элементов не способствовало ни тому, ни другому. И никто не хотел прислушаться к голосу разума, постепенно затухающего, хрипящего крика учёных о том, что игнорирование применения редких элементов снижает срок службы продукции в 2—3 раза. Но страна тогда жила одним днём. Впрочем, как и сейчас...

Однако, когда Буренков принимал дела от Овчинникова, Лев Николаевич ему мрачно заметил:

— Будущее в геологии за геохимией, поэтому исследования в этой области надо обязательно двигать вперёд, как бы судьба не повернула. Геохимия приведёт и к новым технологиям добычи редких элементов. Правда, у нас главное не открыть, а доказать необходимость этого...

Полностью смысл раздражённых слов бывшего директора института Буренков осознал гораздо позже. А вот методы его работы перенял и принял сразу же. В первые же дни Эдуард Константинович пошел по отделам института, чтобы лично выяснить, что сделано сотрудниками за последние три года, какие идеи имелись на перспективу. В результате некоторых сотрудников пришлось уволить, а иным были снижены оклады. Последующие жалобы уволенных и «обиженных» в выс-

шие инстанции ни к чему не привели, даже по суду никто из подавших иски не были восстановлены — действия директора признали законными и правомерными. Правда, тогда перед директором стоял гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?». Но и сейчас об этом своём вынужденном шаге Эдуард Константинович говорит с нескрываемым сожалением.

А чуть позже Буренков собрал всех работников института и сказал буквально следующее:

— Я человек незлопамятный, поэтому при обсуждении любых спорных вопросов буду выслушивать любые ваши суждения. Однако сразу договоримся — решение я принимаю один и несу за него полную ответственность. Так что, если такое будет принято, его надо выполнять, а прения прекратить. Единственное, что я могу вам твёрдо обещать — это принимать разумные решения...

Возможно, кое-кому сегодня действия Буренкова покажутся слишком крутыми, необоснованными и не совсем гуманными. Однако здесь надо учитывать неоднозначность и даже некоторую трагичность начальных лет перестройки. Я, например, и сейчас уверен в правильности действий Буренкова, потому как цель его преобразований заключалась не в личной выгоде, а для сохранения того научного и производственного потенциала института, за который он теперь отвечал и о чем его предупреждал Лев Николаевич Овчинников. Но Буренков наверняка руководствовался ещё при этом и своим жизненным опытом.

Закономерные случайности

Профессор Лаврушин (фамилия изменена) долго листал материалы к будущему дипломному проекту студента Буренкова, изредка бросал на него снисходительные взгляды, морщился, чему-то усмехался, потом снял очки и, потирая переносицу, произнёс:

— С такими материалами, молодой человек, я вас даже допустить до дипломного проекта, увы, не смогу...

Эдуард даже сначала не понял смысла сказанного профессором, руководителем его дипломного проекта. А когда всё же дошло, Буренков вдруг побледнел. Что же он сделал не так? Это была единственная мысль, застрявшая, как инородное тело, в голове. Ведь если специалист-геолог утверждает, что в профессиональном отношении выполненная дипломником работа никуда не годится, значит, ему нечего делать в геологии. Выходит, он зря два года подряд ездил в Казахстан на Восточный Коунрад, где и находилось молибденово-вольфрамовое месторождение? Ведь Буренков честно отработал коллектором в отряде от Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР. Руководителем экспедиции был профессор МГУ Коптев-Дворников. Эдуард облазил все подземные выработки, исследовал отвалы на поверхности, сам материалы обрабатывал, всё задокументировал. Буренкова в экспедиции уже хорошо знали, более того, даже приглашали работать к себе после защиты диплома научным сотрудником. И такой поворот...

— Конечно, вы вправе писать дипломную работу, но не знаю, — колючий взгляд Лаврушина уплыл куда-

то в сторону, голос стал мягче, участливее. — Очевидно, придётся всё-таки отложить защиту диплома ещё на год. Это в ваших же интересах. Поехать на другое месторождение и посерьёзней отнестись к сбору материалов, молодой человек...

Буренков вышел из кабинета оглушённый, потерянный, вряд ли до конца осознающий, что произошло. Когда его обступили толпившиеся в коридоре однокурсники, Эдуард едва смог внятно объяснить, в какой ситуации он отказался.

— Сам виноват, — услышал он чей-то голос и вздрогнул. — Если бы не твои дурацкие вопросы Лаврушину на политзанятиях, ничего бы этого не произошло. Думать надо было, умник.

Буренков даже не оглянулся на говорившего, буквально поражённый этими словами. В душе у него всё закипело. Теперь он понимал истинную причину такого несправедливого отношения к нему профессора Лаврушина. И вдруг обрадовался — тогда ведь с материалами для дипломного проекта у него всё нормально! Да, но что это ему даёт, кому жаловаться?

— А ты сходи к завкафедрой Крейтеру, — разом как-то загомонили вокруг, — покажи материалы. И если уж он скажет, что никуда не годится, тогда...

Владимир Михайлович Крейтер, завкафедрой поиска и разведки месторождений полезных ископаемых, в институте был личностью легендарной. В 1937 г. он был арестован НКВД и отправлен в ссылку на Колыму. Освободился лишь после смерти Сталина и был полностью реабилитирован. Ему сразу предложили препода-

вать в МГУ, однако Владимир Михайлович наотрез отказался:

— Меня забрали из Цветмета, где я заведовал кафедрой.

И для меня это дело чести — вернуться на прежнее место работы.

Тем самым он ставил как бы вне закона всё то, что с ним произошло. Для него возвращение в Цветмет стало своего рода реабилитацией души. Но здоровье Крейтера к этому моменту уже здорово пошатнулось, хотя преподавательскую деятельность он и продолжал. Правда, студентов-дипломников Владимир Михайлович никогда не вёл.

Буренков вошёл в кабинет завкафедрой, даже забыв постучаться, нагруженный разными картами, схемами геологических разрезов и расчётами. Сбивчиво рассказал Крейтеру, потупив глаза и вдруг оробев, какое мнение руководителя его дипломного проекта о собранном им материале в Восточном Коунраде, что его не допускают к защите диплома, и он вообще не представляет, что ему теперь делать.

Владимир Михайлович внимательно выслушал его, затем подозвал к столу и сказал:

— Показывайте, что у вас там...

Завкафедрой долго и тщательно знакомился с его расчётами и схемами, особенно с чертежами разрезов и картами, затем поднялся из-за стола и, подойдя, негромко произнес:

— Вот что, Эдуард Константинович! Если вы не возражаете, я готов быть вашим научным руководителем.

Буренков вдруг чётко ощутил, как предательски загорелись мочки его ушей. Знаменитый профессор, мировая научная величина в геологии обращался к студенту по имени-отчеству! Было от чего придти в замешательство, хотя в следующую минуту сердце Эдуарда уже затрепетало от радости.

В последующие дни Буренков буквально выложился, готовя дипломный проект, и не жалел себя; лишь бы только не подвести профессора Крейтера. И оправдал его надежды — защита прошла на «отлично»!

Однако на этом полоса везения для Буренкова неожиданно закончилась. В экспедиции ИГЕМа, в составе которой он проходил преддипломную практику и куда его приглашали работать младшим научным сотрудником, такой свободной должности в штате не оказалось, а устраиваться коллектором у них Эдуард не собирался.. Правда, он не отчаивался, так как по предварительному распределению в институте Буренков должен был ехать в Норильск работать геологом. Однако именно в тот день, когда Эдуард готовился предстать перед комиссией по распределению для окончательного утверждения его направления на работу в Норильск, Эдуарда неожиданно вызвали в деканат. Секретарь декана торопливо объяснила ему, что в Норильск поедет его однокурсник, который женился на выпускнице металлургического факультета с распределением её в Норильск. А по закону семью разбивать нельзя.

Возникшая неопределённость выбила Эдуарда из равновесия. На комиссию по распределению он явился мрачнее тучи. И когда ректор института Дмитрий Тимофеевич Глек поинтересовался, куда молодой специа-

лист хотел бы поехать работать, Буренков с вызовом ответил:

— В Норильск.

— Разве вас не предупредили, — вскинул голову декан факультета Щеголев, — что это место пришлось отдать семейной паре?

— Тогда, Дмитрий Иванович, я хотел бы остаться в Москве.

Буренков заметил, что все члены комиссии на него смотрели уже с раздражённым изумлением.

— Молодой человек, это невозможно.

— Тогда — в Норильск.

Умом Эдуард понимал, что его вызывающее поведение может привести к плачевному результату. И трудно сказать, чем бы всё это закончилось, если бы ситуацию не разрядил декан факультета. Повернувшись к ректору института, Дмитрий Иванович с усмешкой сказал:

— Вот видите, что это за тип. Знаете, Дмитрий Тимофеевич, давайте-ка этому упрямцу отмерим три дня. Если за этот срок он сумеет сам устроиться в Москве, пусть здесь и остается. Если же нет, то поедет туда, куда мы его направим. Ну как, — ласково взглянул он на Буренкова, — ты согласен?

— Согласен.

До сих пор Эдуард Константинович никак не может уразуметь, почему он тогда согласился на это, прямо скажем, провокационное предложение. Свою обречённость он осознал почти сразу, едва оказался в коридоре. Отмахнувшись от ребят, Буренков пошёл в буфет, чтобы выпить стакан газировки и обдумать своё непро-

стое положение. По его расстроенному виду, очевидно, и буфетчица поняла, что с парнем случилась беда. Её участливый вопрос: что произошло? — был как нельзя для Буренкова кстати. И Эдуард выложил всё, что у него на душе за это время накопилось; какой он неудачник в жизни — одна сплошная неопределённость...

— Вот оно что, — покачала головой пожилая женщина. — Значит, три дня у тебя всего? Знаешь что? У меня ведь зять работает начальником геологической экспедиции в Москве. Если хочешь, я с ним поговорю насчёт тебя — вдруг что получится? Ты завтра подойди ко мне.

Буренков лишь молча кивнул этой доброй незнакомой женщине, даже имени которой не знал. Однако не зря говорили древние мудрецы, что ничего случайного в жизни не происходит. И на следующий день Буренков уже ехал на Брюсовский переулок, где в подвале одного из домов располагалась экспедиция. Начальник её, Семен Исаакович Коган, и не скрывал, что он набирает специалистов для ведения полевых работ. А спустя какое-то время официальный запрос с просьбой направить выпускника Цветмета Буренкова Эдуарда Константиновича на работу геологом в Центральную поисково-ревизионную экспедицию Геологоразведочного треста № 1 уже лежал в деканате. В этот же день направление из института было в экспедиции. Однако по существующему тогда законодательству диплом студентам выдавали лишь после отбытия военных сборов, так как в Цветмете была военная кафедра. И на два месяца Буренков отправился в Гороховецкие лагеря. Вернувшись оттуда, он вышел на работу в экспедицию, но вместе

геолога уже коллектором. На этот раз выбора у него просто не было.

— Поедешь в Западно-Сибирскую партию, там кое-чему научишься...

III

— Понимаете, — задумчиво проговорил Дмитриенко, — институт наш оказался в те годы в сложном положении. Впрочем, как и любой другой в то время, каждый выживал, как мог. Большинство институтов освобождались от своих филиалов, экспедиций, кто-то сдавал в аренду фирмам имеющиеся площади. Подобные проблемы, естественно, стояли и перед нами. И не раз кто-то из дирекции ИМГРЭ, и я в том числе, приходил к Буренкову и советовал избавиться от наших экспедиций. Но всякий раз он их отстаивал. Тут время, как говорится, высветило, что директор оказался дальновиднее других. Правда, — улыбнулся Николай Константинович, — институт мог лишиться экспедиций, ещё когда Буренков был начальником одной из них. И, можно сказать, он и тогда спас их.

В начале 90-х столичные власти решили перевести из Москвы в область или близлежащие регионы экспедиции НИИ геологов, геофизиков, гидрологов... Буренков добился приёма у председателя Мосгорисполкома В. Ф. Промыслова, и тот распорядился экспедиции ИМГРЭ оставить в Москве. Видимо, члену КПСС Эдуард Константинович здорово запомнился, если спустя год после их первой встречи пошел на подобные уступки «в виде исключения». А ведь в первый раз их свели дейст-

вительно обстоятельства исключительные. Тогда ещё Буренков был начальником партии, а старшим геологом у него работал Юлий Ефимович Саёт — ещё в 1976 г. их не оставляли идеи применения геохимических методов при экологических исследованиях. Директор ИМГРЭ Овчинников, который не мог не понимать важности и перспективности таких работ, эти начинания одобрил. Вот тогда-то Буренков и Саёт и пошли в наступление на столицу, отбирая геохимические пробы снега, почвы, водостоков, растительности, воздуха. В экспедициях их в шутку вскоре стали называть «помоечниками», хотя в этом содержалась немалая доля и истины.

На основании проведённых исследований в 1979 г. была составлена карта экологического состояния Москвы по районам загрязнения. И в Мингео СССР ей оказали должное внимание. Тогда же, с подачи Начальника Управления науки Министерства Николая Павловича Лавёрова, решено было ознакомить с этой картой председателя Мосгорисполкома В. Ф. Промыслова. Но как это сделать? По своим каналам Буренков вышел на заведомо по науке Моссовета Михаила Баса. Увидев все выкладки геохимиков, он восхищённо воскликнул:

— Эта ваша работа — сплошной восторг! — и пообещал доложить Промыслову. Буквально через несколько дней председатель Мосгорисполкома принял у себя Лавёрова, Буренкова и Саёта. Первое впечатление Промыслова после их доклада — неподдельное изумление проделанной работой сотрудниками ИМГРЭ. И как вывод:

— Вот что, молодцы! Эту карту придется закрыть. Ведь если о ней все узнают, начнётся такой отток наро-

да из одних районов в другие, что с этим невозможно будет справиться. Однако для пользы дела необходимо обязательно обеспечить такими картами ГлавАПУ, НИИ Госплана, Госстрой, Моссовет и другие организации, которые занимаются жилищным и промышленным строительством...

И действительно, результаты экологических исследований ИМГРЭ стали сразу использовать при планировании застройки жилых кварталов и промзон, но особенно детских учреждений и больниц. А спустя где-то год по представлению Мингео СССР группа учёных ИМГРЭ, занимавшаяся разработкой экологической карты Москвы, получила премию Совета Министров СССР. В результате столичные власти стали выделять деньги институту на производство определённых работ, а на совещаниях всех уровней начали интересоваться их исследованиями. Правда, экологическую карту теперь уже демонстрировали фрагментами.

Однако Буренков тогда и не предполагал, что в скором времени ему придется второй раз отстаивать экспедиции. Но теперь уже от сослуживцев... Мне припомнилось, как во время нашей беседы с Эдуардом Константиновичем я тоже поинтересовался у него, какие же доводы он приводил своим подчинённым, не позволяя расправиться с экспедициями.

— Да вот как-то удержался от соблазна, — рассмеялся Буренков, но сразу посерьёзней. — Без производственной базы в будущем наша наука осталась бы чистой теорией — специалисты бы ушли, и мы годами не смогли бы наверстать того, чего лишились бы в одночасье. Ведь когда-нибудь нам бы всё равно пришлось ра-

ботать в полную силу, а создавать производственную базу заново очень сложно. И потому сколько на моем веку происходило разного: то деньги выделяют на науку и ни копейки на производство, и тогда нам приходилось поддерживать производство за счёт науки. То вдруг в государстве возникает нужда в уране или рении — редких металлах, и финансируется только производство, а наука существует за его счёт. Поэтому не надо большого ума, чтобы сделать вывод — всё в этой жизни развивается циклами. Значит, если мы сохраним свою производственную базу, она может стать в будущем подспорьем в выживании института! Если нет, то всё равно мы выигрываем, потому как у нас теория без практики мертва. Аксиома! Так что оба варианта мы имели беспроблемных, ибо нас всегда бросает в крайности...

Однако, чтобы сохранить не только экспедиции, а целиком институт, необходимо было найти источники финансирования. А это возможно, если определиться в тех направлениях, которые можно было бы результативно развивать в «новых экономических условиях».

Эдуард Константинович и сейчас убеждён, что лет 15-20 назад геохимические методы поиска месторождений полезных ископаемых были дискредитированы профанами. Несмотря на мировой опыт, многие научные авторитеты у нас в стране до сих пор считают, что открыть месторождение чистой геохимией невозможно. Но эти утверждения основываются на собственных ошибках производителей. Буренков сталкивался с подобными фактами, работая начальником партии, а потом и экспедиции. Ведь геохимические аномалии возникают в силу целого ряда причин разных почвооб-

разующих процессов, многообразия растительности, ландшафтов и т. д. И надо быть очень грамотным геохимиком, чтобы уметь отделить истинные аномалии, связанные с рудообразованием, от ложных. При проведении геохимической съёмки фиксируется масса аномалий, которые ещё надо верно интерпретировать, а затем и правильно оценить. Но приходили геологи, бурили, — и ничего не обнаруживали. А виноваты, конечно, геохимики, по данным которых и работала геологоразведка. На совещаниях только и слышалось, что «геохимия не работает» и нечего её использовать. А когда доходило до проверки материалов, выяснялось, что геологи вообще не там бурили. Однако опровергнуть заблуждения всегда сложнее, тем более что вступить за геохимию официально было некому — ни управления, ни даже отдела геохимических методов ведения прогнозно-поисковых работ в министерстве не было.

Оббивать пороги министерств и ведомств и доказывать эффективность геохимических методов часто приходилось Эдуарду Константиновичу Буренкову. Имея результаты практических опытно-методических работ, он утверждал, что каждое рудное месторождение окружает ореол рассеяния химических элементов, по которым вполне возможен поиск, в том числе и глубоко залегающих месторождений. Имеют свои ореолы и рудное поле, и рудный узел... Правда, ко всем этим выводам в Министерстве относились с прохладцей, но в ИМГРЭ продолжали работать. И вот, анализируя полученные результаты при исследовании рудных ореолов, в институте поняли, что методом многоцелевого геохимического картирования больших геологических пло-

щадей вполне можно определять перспективные или неперспективные в отношении рудных залежей районы, которые затем фиксировать на прогнозных картах. Более того, наличие своеобразных ореолов вокруг рудных тел натолкнуло специалистов ИМГРЭ на мысль, что подобное химическое окружение должно сопутствовать и производственному предприятию, и лесному массиву — то есть применимо уже в плане экологическом. И эти два новых направления, рождённые в недрах ИМГРЭ, стали приоритетными в его деятельности и должны были разрабатываться вместе. Именно такое решение принял Эдуард Константинович Буренков после мучительных размышлений о том, как вывести институт из прорыва и сохранить костяк его научного потенциала.

Первым итогом многоцелевого картирования и комплексного картографирования стал комплект из 12 карт территории страны в масштабе 1: 5 000 000. В них содержалась не только информация о закономерностях размещения реальных и потенциальных металлогенических зон, позволяющая оценить минерагенический потенциал территории России, но и обширные данные об экологическом состоянии её геологической среды.

Однако разработкой программы геохимического картирования геологических перспективных площадей России для прогноза и дальнейших поисков месторождений полезных ископаемых закладывался фундамент будущих геологоразведочных работ по регионам. Программа получила название «Геохимическая карта России» и была одобрена Министерством. Чутьё учёного и здесь не подвело Буренкова. Уже с участием других научных и производственных организаций в ИМГРЭ соз-

дается технология нового вида региональных работ многоцелевого геохимического картирования в масштабе 1: 1 000 000 (МГХК-1000). Одновременно осуществляется и программа «Геоэкология России». Фактически обе они представляли собой единую федеральную программу как часть международных проектов IGCP-259/360 по международному геохимическому картированию и глобальным изменениям окружающей среды. Технология МГХК-1000 испытывалась на шести полигонах — Кольском, Московском, Алтайском, Байкальском, Восточно-Забайкальском и Приморском, которые и были выбраны именно потому, что отражали разнообразные геолого-тектонические, металлогенические, ландшафтно-геохимические и хозяйственные условия страны. В дальнейшем такие работы позволяли решать в едином технологическом цикле целый комплекс задач. Но главное, давали прогнозную оценку минерально-сырьевого потенциала территорий с обоснованием её перспектив на выявление новых полезных ископаемых, в том числе и нетрадиционного сырья.

Однако своим сотрудникам в институте Буренков заявил, что программы многоцелевого геохимического картирования России он считает всего лишь стартовыми, а отнюдь не вечными. Надо было показать, в первую очередь, на что способны интеллектуальные силы ИМГРЭ, но главное — что может геохимия в плане поиска месторождений полезных ископаемых. Эдуард Константинович был убеждён: чем глубже залегали месторождения, тем эффективнее срабатывали геохимические методы для их прогноза и поиска. К тому же, Буренков надеялся, что всё-таки настанет момент, когда

сохранённый им для пользы государства научно-производственный потенциал будет востребован полностью. И, можно считать, он дождался...

В тот осенний день Первый заместитель Министра природных ресурсов РФ Валерий Анатольевич Пак собрал у себя директоров ведущих НИИ отрасли. Вопросы за «круглым столом» обсуждались простые и в то же время жизненно важные: состояние промышленно-сырьевой базы России и открытие новых месторождений полезных ископаемых. По справке, подготовленной Институтом минерального сырья специально по поручению Министерства, выходило, что на данный момент все имеющиеся у нас в стране мало-мальски значимые месторождения лицензированы, однако разработка полезных ископаемых там пока идёт плохо, поэтому и потребность в сырье по-прежнему велика. А раз так, то необходимы новые перспективные площади месторождений, которые в ближайшем будущем можно было бы подвести под лицензии. Кое-какие перспективы по общегеологическим признакам были намечены, однако надо было выявить реальные месторождения или хотя бы довести прогнозно-поисковые работы до рудного поля. А вот как это сделать — мнения разделились.

После выполнения программ ИМГРЭ институт выдал целую серию карт, на которых уже на основании геохимических критериев давалась новая геологическая оценка каждого региона. На карте прогноза выделялись наиболее перспективные площади, отдельно отмечались и те, которые геохимики определяли как неперспективные на ближайшие 20—25 лет, пока не изменится технология добычи полезных ископаемых и не поя-

вятся новые экономические оценки, когда возможно будет вести промышленные разработки более бедных руд. На каждой такой карте перспективными оказывалось не более 20% всех площадей. Именно на них геохимики ИМГРЭ и рекомендовали геофизикам и геологам сосредоточить поиски месторождений полезных ископаемых.

Среди карт была и ландшафтно-геохимическая с районированием площадей по условиям ландшафта. Почему специалисты ИМГРЭ посчитали это нужным и важным? Дело в том, что даже почвы формируются в зависимости от того, в какой части ландшафта они находятся, например, на водоразделе или в низине. Везде идут свои геохимические процессы, а значит, и присутствуют аномалии. Но как отделить аномалии, связанные с ландшафтно-геохимическими условиями, от тех, которые связаны с процессами рудообразования? Ведь именно неумение отделить одни аномалии от других и были долгое время основной причиной обвинения геохимии в том, что она «не работает». Теперь ландшафтно-геохимическая карта позволяла правильно подойти к этому вопросу.

Более того, эта карта даёт возможность при составлении проекта геохимических работ грамотно выбрать наиболее рациональный геохимический метод исследования для данной территории: опробование почвы, коренных пород, подземных или поверхностных вод, донных осадков или газовые съёмки, затем уже вести работы в самом оптимальном режиме.

К этому времени институты, как и Министерство, уже имели прогнозные карты миллионного картирова-

ния шести полигонов России, выполненные ИМГРЭ. Используя их, к поисковым работам могли уже приступить и геологи, и геофизики в масштабах 1: 200 000 и 1: 50 000, но вместе с применением геохимических методов, доказавших свою состоятельность и результативность.

Вскоре совместными усилиями институтов и производственных организаций такая технологическая цепочка прогнозно-поисковых работ была выработана. Для её осуществления ИМГРЭ был полностью готов, его экспедиции могли сразу же организовать 15—20 поисковых партий...

Помню, как в конце нашей беседы Эдуард Константинович сказал:

— Каждому месторождению присущ свой комплекс элементов. Мы анализируем в этих ореолах сегодня до 40 элементов, и на основании таких анализов можем уже определить, какое залегает в глубине месторождение — медно-молибденовое, медно-порфирическое или полиметаллическое, золоторудное. На основании целого ряда соотношений этих элементов мы можем теперь довольно точно сказать и насколько эродированное это месторождение. По сильной и ярко выраженной аномалии можем определить, что этот сигнал идёт от корней месторождения, и там уже искать нечего. И наоборот, перехватить слабую аномалию и понять, что это показатель целого месторождения, которое «сидит» на глубине в сто и более метров. Все эти методики разработаны в нашем институте.

Буренков немного помолчал и уже совсем тихо закончил:

— Мы обязательно должны держать руку на пульсе собственных идей. Надо уметь честно оценивать — топчешься ты на месте или всё же двигаешься вперёд. Но тут ещё надо суметь правильно определить, в каком направлении развиваться, потому как это уже 50 процентов успеха. Иначе говоря, чуточку проявить научную дальновидность. Правда, такое под силу только команде, так что самое главное, выходит, правильно её подобрать, — и он рассмеялся.

IV

...— И вот наконец-то наши прогнозные карты всерьёз заинтересовали Министерство, — продолжал Дмитриенко. — На проверку наших прогнозов выделено пять миллионов рублей. И мы уверены, что на 80 процентов они оправдаются.

Резко зазвонил телефон.. Николай Константинович поднял трубку и с минуту молча слушал, потом покопился на меня и с сожалением произнёс:

— Буренкова сегодня не будет. А завтра утром он срочно вылетает в командировку. Секретарша сейчас сообщила.

— Жаль, — вырвалось у меня. Я действительно испытывал некоторое разочарование от того, что директор института так и не смог подробно рассказать мне о планах возрождения исследований в области новых технологий по добыче редких элементов. Значение их для промышленности неопределимо — ведь здесь речь уже идёт о стратегическом сырье, значительную часть которого нам приходится закупать за рубежом. Рений,

например, необходимый в ракето— и самолётостроении, Россия раньше получала из Казахстана и Узбекистана, а теперь ведёт переговоры о поставках из Чили. Поэтому сначала я отнёс к шутке замечание Буренкова, когда он вскользь как-то обронил, что скоро они догонят и перегонят Чили по количеству добываемого рения в год. Однако вскоре убедился, что директор говорил серьёзно. Как выяснилось, идея заключалась в том, чтобы научиться извлекать рений из высокотемпературных вулканических газов, работая непосредственно на кратере вулкана. Методика получения рения уже разработана и запатентована заместителем директора института по науке Александром Александровичем Кременецким и заведующим лабораторией Феликсом Исааковичем Шадерманом. Она успешно прошла лабораторные испытания, после чего Кременецкий сделал специальный доклад на Коллегии Министерства экономики России. Было вынесено решение выйти в Правительство РФ с предложением о финансировании данных исследований. Ноу-хау ИМГРЭ позволит добывать от 2 до 20 тонн рения в год.

В настоящее время на вулкане Кудрявый на южно-курильском острове Итуруп технологическая партия во главе с Шадерманом налаживает полупромышленную установку для добычи рения. Кроме того, разработанная в ИМГРЭ технология позволяет попутно добывать индий, висмут, германий, а также серебро и золото.

Не так давно специалисты института проводили работы по очистке от тяжёлых металлов акваторию Советского порта в Приморье. Для этой цели использовались «придуманные» и производимые ИМГРЭ в про-

мышленных масштабах композиционные сорбенты на базе природного торфа и цеолита. Они гораздо дешевле зарубежных препаратов. Испытания проводились также и в Одесском порту и тоже показали превосходные результаты. Однако все эти перспективы зависят от того, насколько государство наше окажется дальновидным в своей экономической политике и по-настоящему радующим не только за отечественную науку, но и за промышленность. А в конечном итоге за величие и экономическую самостоятельность России...

Я уезжал из института со сложным чувством. Чем лучше я узнавал Эдуарда Константиновича Буренкова, тем больше мне хотелось задать ему вопросов. Была мыслишка спросить его, почему он всё-таки не защитил докторскую диссертацию, многократно отказывался даже тогда, когда к нему приходили уважаемые люди и убеждали, что это позор — директор института и не доктор наук. А он не хотел! Может, позором-то считал совершенно иное? Или прекрасно сознавал, что вытягивать из прорыва целый институт — лицо геохимической службы страны гораздо важнее, чем собственная карьера учёного? Это если к делу относиться с полной ответственностью и отдачей сил. Но чем больше я размышлял об этом, тем почему-то чаще мне вспоминался русский горняк с Урала, первооткрыватель россыпных месторождений золота в 1814 г. Лев Иванович Брусницын, который в истории так и остался едва известным и почти не был отмечен властями при жизни. В своих воспоминаниях он писал: «Я доныне, и в особенности теперь, видя такое развитие золотого промысла, источники которого доставляют государству нашему огромное богат-

ство, не могу вспомнить об открытии без особенного восторга. Надобно сказать, что ощущать такой восторг целую жизнь доводится немногим».

Брусницын словно предугадывал, что обязательно найдутся люди, которые наверняка зададутся завистливым вопросом: да уж правда ли, что без собственной выгоды золотишко искал? Может, своя тайная корысть была у него?

Была! Брусницын объясняет свое увлечение поиском россыпного золота тем, что имел «к тому какое-то непостижимое влечение, может быть и потому, что льстил себя будущим, что если я открою первый, то какую окажу отечеству моему заслугу».

Мне думается, что вслед за Брусницыным не только Буренков мог бы тоже сказать, что делал всё в жизни так, а не иначе, лишь потому, что «льстил себя будущим», но и Волков, и Крейтер, и ещё тысячи людей, для которых служить отечеству и есть та самая национальная идея, которую сегодня всё ищет власть. Да только ведь любая власть преходяща, а вот Россия — вечна!

ОСТАНЕТСЯ ЛИ РОССИЯ ПУШНОЙ ДЕРЖАВОЙ?

Не одно столетие Россия славилась своим пушным богатством — соболями, лисицами разных цветовых оттенков меха, белыми и голубыми песцами, горностаями, белками, бобрами... Всех пушных зверей и не перечислишь, чей мех в те далёкие времена ласково именовался «мягкой рухлядью». Славились добываемой пушиной Русский Север и Поморье, особенно соболиными промыслами. По данным И. И. Селиверстова и С. В. Бахрушина, изучавших таможенные книги из фондов Сибирского приказа и Якутской приказной избы Центрального государственного архива древних актов в Москве, только в конце 1630-х — начале 1640-х гг. из Якутска ежегодно отправлялись на промыслы вниз и вверх по Лене и её притокам Витиму, Олёкме, Алдану, Вилюю, на Маю, Оленёк, Яну, Индигирку, Алазею, Колыму, Анадырь до 900 человек и более. Именно по этой причине со второй половины 1660-х гг. началось падение пушных промыслов в Сибири. Бесконтрольный отстрел зверя с целью добычи пушных мехов привёл к тому, что уже к 1675 г., как сообщал в Москву якутский воевода А. Барнешлев, «на тех реках соболиных промыслов не стало». По распоряжению Московского правительства, местным властям предписывалось не допускать промышленных людей в промысловые угодья местного ясачного населения, платившего подать (ясак) государю ценными мехами. Вновь назначенному якутскому воеводе М. Кровкову и таможенному голове Лазару Потапову было письменно приказано, чтобы они промышленных и торговых людей не отпускали на про-

мысел по тем местам, где «живут яшашные иноземцы и промышляют на великого государя ясак, чтобы яшашному сбору недобору не было».

Да только царские указы не везде и не всеми соблюдались, ну а государевы чиновники в любые времена наживались на попустительстве при соблюдении законов служилыми людьми.

«Глупые дети всё растратили»

В итоге о богатейших некогда соболиных промыслах к 1730 г. остались одни предания. Такое оскудение наступило вследствие «промышленной колонизации» работными людьми сибирской тайги без контроля со стороны вороватых государственных чиновников. Поэтому и государев указ от 26 июня 1727 г. о вольной торговле мехами был пересмотрен — он уже ограничивал частную торговлю. Купцам предписывалось торговать лишь на городских рынках, а население лишалось права продажи на сторону соболей и чёрных лисиц.

Казённая монополия на пушнину не отменялась вплоть до 1750-х гг. а 17 октября 1752 г. был издан указ Сената «О непропуске за границу мягкой рухляди чернобурых и седых лисиц под опасением конфискации сих товаров». Этим указом узаконивался и порядок, согласно которому ценные меха следовало сдавать только в казну. Однако действовал этот указ лишь 10 лет — до воцарения на российский престол Екатерины II, которая чувствовала шаткость своего положения, потому и поспешила сразу удовлетворить требования купцов о полной свободе торговли в стране.

Ну а как обманывали торговые люди добытчиков «мягкой рухляди», разъезжая по улусам якутов и стойбищам эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей и коряков, про то немало свидетельств осталось. Например, за стрелу купцы требовали шкурку соболя, как за огниво или за нож, а за пилу или топор — по два, три, а то и 8—10 соболей; за прут железный — тоже не менее 10 соболиных шкур. В те времена за 5 «безменов меди» можно было взять 40 соболей или две соболя шубы, за медный тазик — одну соболю шубу или 10—15 соболей, за «три фунта бисера и 50 прядок одекуя» — 121 соболя...

Если в 1840 г. на ярмарке в Якутске было продано 1000 соболиных шкур, лисицы красной — 12 000, бобра речного — 700, песца голубого — 100, песца белого — 12 000 белки — 780 000, горностая — 80 000, то в 1850 г. на той же ярмарке распродали из «мягкой рухляди» соболиных шкур — 5 000, лисицы красной — 5 250, бобра речного — 600, песца голубого — 20, песца белого — 4250, горностая — 14 000... И выходило, что в 1840 г. пушнины было продано на ярмарке в Якутске на сумму 1 105 25 руб., а в 1850 г. — лишь на 160 67 руб.

В России с первых лет советской власти существовала монополия государства на заготовку, переработку ценной пушнины и реализацию изделий из неё, что играло заметную роль не только в экономике страны, но и в регулировании численности пушных охотничьих животных. В те годы всем охотпользователям устанавливался план по добыче и продаже государству пушно-мехового сырья, который являлся одним из основных показателей их деятельности. И, как результат, ежегод-

но увеличивалась добыча пушных зверей, государство же получало немалые доходы от её реализации, в том числе в валюте до 25 млн. долл. США в год. Даже в тяжелейший период Великой Отечественной войны охотников, добывавших пушнину, освобождали от военной службы. В 40-е гг. в России было образовано свыше 70 государственных ондатровых хозяйств в системе «Заготживсырьё», и почти все они находились на хозрасчёте. Ими заготавливалось более 70% всех шкурок ондатры в стране. С конца 50-х гг. создаётся широкая сеть промыслово-звероводческих хозяйств потребительской кооперации (коопзверопромхозов) и государственных комплексных промысловых хозяйств (госпромхозов). В это время в СССР ежегодно добывается свыше 150 млн. шкурок более ста видов пушных зверей, наша страна занимает ведущее место в мировой добыче пушнины.

К 1961 г. резко возрастает организация охотничьих промыслов в северных совхозах, на базе животноводства, оленеводства и звероводства которых возникают целые комплексные производства. К 1980 г. в районах Крайнего Севера работало уже 187 таких совхозов. За ними было закреплено 370 млн. га охотничьих угодий — почти по 2 млн. га в среднем на хозяйство. Ежегодно сдаётся государству пушнины на 4—6 млн. руб. К 1982 г. в хозяйствах России имелось 15 норковых, 24 песцовых и 18 лисьих звероферм. Но...

Буквально пророческие слова произнёс однажды русский философ В. Розанов: «Дана нам красота невиданная. И богатство неслыханное. Это — Россия! Но глупые дети всё растратили». Случилось всё именно так.

Спустя ровно 20 лет на состоявшейся в мае 2002 г. в Кирове Международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства (ВНИИОЗ), уже отмечалось, что за годы перестройки система промысловых хозяйств в Российской Федерации полностью распалась. Без работы остались тысячи штатных и сезонных охотников, развалилась и отлаженная заготовительно-сбыточная система, пришли в негодность многие местные подсобные и сопутствующие отрасли хозяйства, резко увеличился отток сельского населения из уже малолюдных районов. Естественно, снизился и контроль за состоянием охотничьих ресурсов, вследствие чего выросли и объёмы теневого оборота пушнины. Фактически браконьерство стало одной из основных форм освоения охотничьих ресурсов и выживания охотников.

Сейчас уже понятно, что реальная добыча пушных зверей значительно превышает официальную. По оценке экспертов, за последние два года нелегальная добыча куницы в 1,5 раза превышает легальную, норки — в 1,8, бобра — в 2,4, хоря — в 4,4, ондатры — в 5, белки — в 5,3 раза. В то же время проведённый специалистами Ассоциации «Росохотрыболовсоюз» анализ сведений о состоянии и использовании основных видов пушных зверей по регионам и в России, представляемых Охотдепартаментом Минсельхоза России в целом, ясно показывает, что они совершенно не отражают реального положения дел, а уж тем более не раскрывают все негативные явления, происходящие в охотхозяйствах в условиях социально-экономического кризиса в стране.

Это и отсутствие государственной монополии на заготовку промысловой пушнины, и ликвидация повидовой статистической отчётности, и введение платы за именные разовые лицензии, и многое другое. К примеру, в Кировской области в 1990-х гг. добывалось до 4 тыс. шкурок бобра. Начиная с сезона 1997—1998 гг., то есть после введения платных именных лицензий, частные фирмы, занимающиеся заготовкой и выделкой пушнины, пошивом и реализацией меховых изделий в Кирове, ежегодно покупают у охотников не менее тех же самых 4 тыс. бобровых шкурок, хотя платных лицензий выкупается менее 1000 в год. Более того, из всего приобретаемого мехового сырья шкурки весеннего, иначе говоря, браконьерского отстрела — то есть в период массового деторождения и расселения подросшего молодняка в новые угодья — составляют более 20%. А ведь весенний отстрел бобра наносит невосполнимый урон воспроизводству поголовья, процессу естественного размножения этого ценного пушного зверя. По некоторым регионам его количество за последние 10 лет снизилось наполовину. Становится массовым явлением и добыча пушного зверя в запрещённое для охоты время — это подтверждают и данные (в частности, о низком качестве заготавливаемых шкурок: бобра, выдры, норки, ондатры) по той же Кировской области.

В тени пушного бизнеса

Довольно странная получается картина: численность неофициально добытых шкурок бобра в Кировской области — да и не только в ней — становится рав-

ной количеству официально отстрелянных бобров по России — в сезон 1998—1999 гг. в стране закуплено было 4019 шкурок бобра, хотя в начале 1990-х гг. их сдавалось до 20 тыс. штук. То же самое наблюдается и по иным ценным пушным видам, а это уже напрямую свидетельствует о процветании и расширении теневого пушного бизнеса. Здесь же напрашивается и другой важный вывод: официальная плата за лицензии на добычу пушного зверя занижена в несколько раз от реальных объёмов его добычи. Правда, создавшееся положение уже не так и удивляет, потому как в сезон 2001—2002 гг. закупочные цены, например, в Кирове, на шкурки хорошего качества были в пределах: бобра — 360—490 руб., енотовидной собаки — 350—400, куницы — 300—450, норки дикой — 120—300, хоря чёрного — 60—100, ондатры — 40—100, выдры — 1000, рыси — 2000 руб. хотя на два последних вида платные именные лицензии выкупаются лишь по 2—3 десятка на область. А до 1990-х гг. сезонные закупки шкурок выдры в Кировской области составляли около 150 шт., рыси — до 400 шт. Вот и получается, что численность этих видов в ближайшее время может быть основательно подорвана по причине высоких цен, диктуемых нерегулируемым оборотом пушнины. Ведь по сравнению с предшествующим охотничьим сезоном закупочные цены на ценные пушные виды в Кировской области увеличились почти в 2 раза. И такие данные полностью опровергают утверждение специалистов Охотдепартамента Минсельхоза России об отсутствии спроса на шкурки диких пушных зверей.

Драматическая ситуация сложилась в последние 10 лет и с соболем. В 1990 г. шкурок этого ценного пушного зверя было заготовлено 240 тыс. шт. при общей его численности чуть более одного миллиона особей. Однако фактическая численность закупленных соболиных шкур в то время, с учётом оседания шкурок, составила 300—350 тыс. шт. После отмены госмонополии на заготовку пушнины официальные закупки шкурок соболя резко снизились. В 1996 г. они составили всего 53 тыс. шт., хотя, по утверждению многих специалистов, фактические размеры соболиного промысла сохранялись на прежнем уровне.

В результате либерализации внешнеэкономической деятельности и выхода на прямые зарубежные связи, как отдельных хозяйств, так и частных фирм, произошло резкое снижение цен и объёмов поставок шкурок соболя на экспорт. Например, в 1990 г. только объединением «Союзпушнина» за границу было вывезено 149,3 тыс. шкурок «дикого» соболя по цене 120,8 долл. США за штуку, тогда как в 1998 г. на экспорт было поставлено лишь 60,65 тыс. соболиных шкур по цене чуть более 72 долл. Вот и получается, что за последние 8 лет экспорт шкурок соболя этим объединением сократился чуть ли не в 2 раза. В то же время шкурка ценного баргузинского кряжа в 1987 г. стоила 237 долл., а через десять лет её цена упала до 82 долл., и именно в результате бесконтрольного вывоза пушнины за границу. А государство в итоге лишается части валютной выручки, но что более существенно — тем самым невольно создаются условия для утечки капитала за рубеж. Ведь

переработанная там пушнина возвращается в Россию в виде дорогих меховых товаров.

Лицензии... «за намерения»

Введение именных платных лицензий «за намерения» добычи пушного зверя, в том числе и соболя, исключило возможность соблюдения на практике научно обоснованных квот их отстрела. По действующему постановлению Правительства РФ № 1 от 4 января 2000 г., именную разовую лицензию охотник может получить и сроком на целый год, а сколько он при этом и каких добудет зверей, никого вроде как и не волнует. Сомневаться в правильности принятия подобного решения заставляет, например, тот факт, что когда в Красноярском крае, впрочем, как и фактически повсеместно в России, начали разваливаться многие сельские предприятия, то число местных жителей, невольно брошенных обездоленной судьбой на соболиные промыслы, удвоилось. И если раньше большинство из них были охотниками-любителями и тратили на своё хобби только очередной отпуск, то теперь они занимаются пушным промыслом постоянно в течение всего охотничьего сезона. Однако здесь настораживает и то, что выкупается ими часто заниженная квота добычи — 10—20 соболей, а это гораздо меньше того, что позволяет продуктивность охотничьих угодий участка. Более того, сверхлимитная добыча по более низким ценам нелегально скупается разного рода заготовителями, чья деятельность находится вообще вне сферы налоговых органов. Например, в Иркутской области до 70 % добытой промысловой пушни-

ны скупается частными лицами, которые к тому же не несут по её охране и воспроизводству никаких затрат, а часть пушнины и иных охотничьих трофеев сбывается контрабандным путём в Китай.

Проследить же за соблюдением количества отстрелянных охотниками пушных зверей по предварительно оплаченным лицензиям практически невозможно, что и сделало реальностью занижения охотниками легальной добычи в 4—5 и более раз, а тем самым и процветание теневого оборота пушнины. Следовательно, можно считать, что обозначенное в отчётах Охотдепартамента Минсельхоза России число нарушений правил охоты за последние годы: 1997 г. — 48 тыс., 1998 г. — 52,5 тыс. случаев — занижено в несколько раз. И здесь необходимо отметить, что подобные нарушения в отчётности госорганов спровоцированы чаще всего некомпетентным, мягко говоря, нововведением платы за пушные промыслы.

Развалу системы заготовок пушнины и организованного охотничьего хозяйства способствует также и осуществляемая в настоящее время в регионах политика замены членских охотничьих билетов общественных объединений охотников, то есть их удостоверений на право охоты, на государственные удостоверения. С одной стороны, здесь вроде бы преследуется благая цель, но на деле у госохотинспекторов, а служба эта довольно малочисленная, нет ни средств, ни сил контролировать деятельность свободных охотников. А они, вынужденно уходя из обществ, лишь пополняют ряды нелегальных добытчиков. Но ведь всем прекрасно известно, что только система организованных охотпользователей по-

зволяла раньше, да и теперь пытается, решать проблему контроля, искореняя тем самым развитие у охотников потребительской психологии, — она просто обязывала их выполнять свои обязательства по охране и рациональному использованию гос-охотфонда. А именно такое отношение к природным ресурсам и заложено в соответствующих статьях Конституции Российской Федерации.

Возродить утерянное

Этот далеко не полный перечень негативных примеров нерационального использования пушных ресурсов в стране никак не соответствует официальному выводу чиновников Охотдепартамента Минсельхоза России о том, что в связи со снижением спроса на промышленную пушнину её заготовки сократились. Фактически же пушной промысел и сегодня ведётся в объёмах начала 1990-х гг., а по некоторым ценным видам с превышением научно обоснованных норм отстрела. Вот и выходит, что с ликвидацией повидовой статистической отчётности почти полностью утерян государственный контроль за оборотом промышленной пушнины в стране. А ведь ещё в 1920—1930-х гг. вопросы рационального использования охотничьих угодий решались специалистами одновременно тремя путями: разработкой методик учёта численности каждого вида добываемого зверя, организацией постоянной массовой корреспондентской сети «службы урожая» и использованием статистических сведений по их добыче. Всё это успешно развивалось и функционировало вплоть до 1990-х гг., пока

кому-то развитие охотхозяйств в России вдруг стало не нужно.

Кстати сказать, «служба урожая» успешно продолжает функционировать при ВНИИОЗе, однако получаемые ею данные, вследствие межведомственной несогласованности, остаются плохо востребованными для практической деятельности. А ведь до так называемых экономических реформ подобные статистические сведения, с определёнными коррективами на оседание пушнины, широко использовались специалистами с целью научного обеспечения «более гибкого планирования охоты и заготовок». Да они и действительно необходимы для определения продуктивности угодий при охотустройстве, ведении кадастра и мониторинга.

Сегодня же, согласно экспертной оценке специалистов, величина внутрироссийского современного годового оборота денежных средств по пушному сырью определяется примерно в 1 млрд. долл. США, где доля промысловой пушнины составляет около 165 млн. долл., или 5 млрд. руб. Вследствие процветания теневого пушного бизнеса совершенно очевидно, что сумма оборота промысловой пушнины существенно занижена. В процессе переработки и с учётом розничных цен сумма товарооборота полуфабрикатов и готовых меховых изделий обычно увеличивается в 3—6 раз. Следовательно, введение в целесообразных размерах платы в виде определённого процента с объёма заготовленной продукции либо с выручки от проданных услуг на охоту позволит существенно повысить получаемые средства от реализации платных лицензий.

Вот почему сегодня как никогда остро нужно ставить жизненно важный вопрос: останется ли Россия ведущим производителем пушнины и её поставщиком на мировом и внутреннем рынках? И он требует серьёзного размышления. Сейчас уже многие специалисты стали осознавать, что для достижения рационального использования природных ресурсов нельзя использовать нерациональные методы и что именно при таком подходе отмена индивидуальных платных лицензий на право добычи пушного зверя давно назрела. Конечно, кроме особо ценных его видов и применять при наличии госзаказа на добычу пушнины. Более того, лицензионная плата за намерение добычи пушных зверей должна быть заменена на плату с объёма заготовленной продукции либо с выручки от проданных услуг на охоту. И эти средства должны поступать на специальные «прозрачные» счета и расходоваться целевым назначением на охрану и воспроизводство пушных охотничьих животных. Всё это позволит охотникам легализовать добычу пушного зверя, восстановить статистику добытого, вывести из теневого оборота промысловую пушнину, а значит, и улучшить финансирование госорганов по охране и воспроизводству охотничьих ресурсов. Однако для этого госчиновникам придётся как минимум провести регистрацию всех юридических и физических лиц, занимающихся скупкой, переработкой пушнины, пошивом и реализацией меховых изделий, необходимо будет возродить и долгосрочное закрепление лучших угодий за конкретными охотпользователями.

Кто объединит охотпользователей?

В соответствии с Законом РФ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», который допускает государственную монополию на экспорт и импорт отдельных товаров, необходимо восстановить государственный приоритет на торговлю ценными видами промысловой пушнины на мировом рынке. К тому же надо законодательно закрепить принцип ведения охотничьего хозяйства в России на профессиональной основе независимо от того, что таковой проигнорирован в разработанной Охотдепартаментом Минсельхоза России концепции «Развития охотничьего хозяйства в России. Пора бы понять, что ассоциация «Росохотрыболовсоюз» не в меньшей, а может, и в большей степени заинтересована в разработке федерального закона «Об охоте и охотничьем хозяйстве» совместно с наукой и Охотдепартаментом Минсельхоза России. Потому как стремится не только защищать охотничье хозяйство как отрасль с развитой системой охотпользователей, но и разрабатывать нормы юридического и экономического характера, которые помогали бы его развитию, а не уничтожали, больше бы давали экономической свободы охотпользователям и отражали бы государственную политику в подходах рационального природопользования и развития на принципах самоуправления и самофинансирования хозяйствующих субъектов, учитывали бы сезонный характер отрасли и не обременяли бы её непосильными налогами и сборами, которые тихо уничтожают саму отрасль.

К тому же пора бы, наверное, выполнить и поручение Правительства РФ о создании в недрах соответствующих министерств и ведомств координационного совета по проблемам развития охотничьего хозяйства России, данное ещё в 1998 г., и организовать его работу. Однако такой подход до сих пор игнорируется госчиновниками.

Наконец, имеет смысл доверить охотпользователям самостоятельно определять и согласовывать квоты добычи мелких пушных зверей с учётом их численности, что позволило бы значительно сократить перечень лицензионных видов, а охотпользователи могли бы иметь собственные средства от реализации путёвок (разрешений на охоту на территориях хозяйств), а также от услуг на охоте и отдыхе.

Сегодня же можно только констатировать: ведомственная политика Охотдепартамента Минсельхоза России вредна для охотничьего хозяйства, она может привести его лишь к краху на всей территории страны. Противопоставить таким разрушительным действиям госчиновников можно лишь объединением всех охотпользователей в союзы независимо от форм собственности и управления, а затем и во Всероссийский союз охотпользователей. Нужен ли такой? Если во спасение охотничьего хозяйства России, то да! И он создаётся. Недаром в проекте устава общероссийской общественной организации «Российский союз охотпользователей», основным разработчиком которого является Ассоциация «Росохотрыболовсоюз», сказано: «Союз ставит своей задачей объединение усилий охотпользователей, а также общественных объединений (союзов и

ассоциаций) промышленников, предпринимателей, работодателей в сфере охотничьего хозяйства с целью консолидации их действий в деле защиты интересов отечественных производителей товаров и услуг в области охотничьего хозяйства». А чуть ниже заявлено со всей категоричностью: «Вмешательство в деятельность Союза государственных, общественных или иных органов, кроме специально на то уполномоченных, не допускается». Такая вот вынужденная мера, ибо наболевшие вопросы о состоянии пушного промысла в стране, да и об охотничьем хозяйстве в целом, на официальном, иначе говоря, чиновничьем уровне никто не хочет решать. Видимо, мало осталось на земле Русской патриотов при должностях — не пуцают...

Как тут не вспомнить слова известного русского социолога и публициста Н. К. Михайловского: «Что такое отечество? Это — сумма экономических, политических и тому подобных фактов и идей, завещанных нам отцами». И ведь именно от этого зависит, останется ли Россия пушной державой, сохранит ли охотничье хозяйство, не потеряет ли это своё лицо, которое и есть душа...

ОН БЫЛ ПРЕДАН ЛЕСУ

«Родина требует себе служения настолько жертвенно чистого, — писал П. Столыпин, — что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу».

Эти слова полностью можно отнести к жизни и деятельности известного русского ученого лесоведа Александра Владимировича Тюрина. Родился он 30 октября 1882 года в селе Нижний Тимерган Мензелинского уезда Уфимской губернии (ныне Республика Татарстан). После окончания среднего сельскохозяйственного училища в г. Богородицке под Тулой в 1904 году А. В. Тюрин поступает в Санкт-Петербургский Лесной институт. Это был его единственный и осознанный выбор. Ведь именно книга профессора Лесного института Д. Кайгородова «Беседы о русском лесе», прочитанная им в детстве, оставила у него неизгладимые впечатления и определила его дальнейшую судьбу. А. В. Тюрин заканчивает институт в 1909 году со званием ученого лесоведа 1 разряда.

В 1910-1912 годах Александр Владимирович проходит аспирантуру при кафедре таксации и лесоустройства Лесного института под руководством профессора М. М. Орлова — организатора лесного опытного дела в России. В своей диссертации «Исследование хода роста нормальных сосновых насаждений в Архангельской губернии» молодой ученый делает важное в теории лесной таксации обобщение о сходстве в ходе роста нормальных лесных насаждений независимо от географического района их произрастания. В Брянском опытном

лесничестве лесничий Тюрин изучает строение ельников, березняков, ольшаников, устанавливает пирогенное происхождение сосняков Брянщины. Анализ строения насаждений позволил ему воссоздать процесс возобновления их после пожаров и разработать методы, способствующие естественному возобновлению сосны.

В 1918 году, в этот тяжелейший для России период, в Санкт-Петербурге проходил Всероссийский съезд лесоводов, в котором А. В. Тюрин участвовал как председатель Орловско-Курского союза лесоводов. На всю жизнь ему запомнились слова профессора Г. Ф. Морозова, сказанные им при открытии съезда: «Проявим государственность в наших решениях и будем помнить, что на нашем знамени вечная надпись: «Берегите лес!» Вот когда пришло осознание, что беречь лес — это и есть в высшей степени укрепление государственности. Как писал Н. Добролюбов: «В человеке порядочном патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны, происходит не от чего другого, как желания делать добро — сколько можно больше и сколько можно лучше».

В 1919 году, когда А. В. Тюрину исполняется всего 37 лет, он становится профессором, а чуть позже и деканом лесохозяйственного факультета. В 1927 году выходит его статья «Строение нормальных насаждений», и уже спустя два года на Международном конгрессе лесных опытных станций в Стокгольме А. В. Тюрин представляет свой «метод изучения хода роста насаждений по естественным ступеням в долях среднего диаметра».

Когда в 1930 году на базе лесохозяйственного факультета ВСХИ создается Воронежский лесотехнический

институт, первым его ректором становится Александр Владимирович Тюрин. Он руководит им в течение 13 лет, создавая новые кафедры, укрепляя его производственную и материальную базу и сочетая эту свою организационную деятельность с научными исследованиями. Именно к этому периоду относятся его труды по установлению закономерностей в строении древостоев. В 30-х годах, когда А. В. Тюрин уже работал главным лесничим страны и председателем Научно-технического совета Главного управления охраны и лесонасаждений при СНК СССР, одновременно продолжая преподавательскую и научную деятельность, выходит в свет его учебник «Таксация лесов».

Во время Великой Отечественной войны Воронежский лесотехнический институт вынужден был эвакуироваться в Лубяны Татарской АССР. Александр Владимирович вместе с женой Екатериной Петровной проделали путь туда на лошадях, останавливаясь в лесничествах и лесхозах. Как впоследствии вспоминал А. В. Тюрин: «В каждом лесхозе я мог видеть результаты работы Главлесоохраны за первое пятилетие на местах... Я видел директоров лесхозов, старших лесничих, специалистов, объездчиков, лесников — все они были преисполнены чувством долга и большой значимостью своего труда. Я видел повсюду хорошие лесные питомники и прекрасно содержимые лесные культуры».

Александр Владимирович был до самозабвения предан лесу, и когда в 1947 году организовалось Министерство лесного хозяйства СССР, А. В. Тюрин назначили членом Коллегии и председателем НТС министерства. Но и эту деятельность он упрямо совмещал с рабо-

той в институте. Под его руководством были разработаны многие основополагающие документы по лесостроительству, рубкам главного пользования, охране лесов от пожаров, восстановлению и разведению лесов; рассмотрен и утвержден проект создания государственных полезащитных лесных полос, Плана преобразования природы в Европейской части СССР, создана сеть фенологических наблюдений в стране.

Уже будучи на пенсии, в возрасте почти 80 лет, Александр Владимирович выпускает в свет книгу «Основы вариационной статистики в применении к лесоводству».

«Я — сторонник лесоводственной школы, — нередко повторял ученый, — которая характерна особо бережным отношением к лесам как носителям жизни и равновесия в природной среде». А бережным — значит, ответственным! В этом главная суть всей жизни и деятельности Александра Владимировича Тюрина. И Правительство высоко оценило труд ученого лесоведа, наградив его орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

**САХАЛИНСКИЙ ШЕЛЬФ:
МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И... СМЕРТЬЮ?**

...Ясным, но ветреным сентябрьским днем небольшая группа российско-американских специалистов из Камчатского филиала Тихоокеанского института географии РАН, Техасского A&M Университета и МГУ, находившаяся на научно-исследовательском судне Сахалинского института рыбного хозяйства, проводила исследования охотско-корейской популяции серых китов в Охотском море. Район их исследований был ограничен акваторией заливов Пильтун и Одопту у северо-восточного побережья о. Сахалин, которые являлись местами летнего нагула малочисленной корейско-охотской популяции серых китов. Как небезосновательно считали ученые, многие виды крупных китов в Дальневосточных морях России все еще находятся в глубокой депрессии в результате крупномасштабного китобойного промысла, длившегося более ста лет. Но лишь чуть более двух десятилетий прошло с момента запрета китобойного промысла, к тому же темпы восстановления почти всех популяций китов пока крайне низки. А некоторым из них — западной или охотско-корейской популяции серых китов и охотской популяции полярных китов — с недавних пор стала грозить опасность полного исчезновения. Виной тому снова оказалась человеческая деятельность...

Опасность подстерегает в лагуне

Волна была небольшой, ветер поутих, поэтому Бурдин с палубы уже не уходил. Впрочем, как и Роберт Броунелл, американский биолог. Он тоже не выпускал из рук бинокля, постоянно оглядывая поверхность вод на подступах к заливу Пильтуна. Фонтанчики китов попадались в поле зрения редко, но даже по тем единичным экземплярам, которые им удалось увидеть, и на расстоянии было заметно, в каком истощенном состоянии киты находятся. Правда, иного они и не ожидали. С начала освоения шельфового Пильтун-Астохского нефтегазового месторождения, разработку которого вела международная компания «Сахалин Энерджи», прошло три года, и результаты этой деятельности были, что называется, налицо. Один только сброс в море жидких отходов буровиков с десяти действующих скважин чего стоит! Темные маслянистые пятна не в силах разбить даже волна, и они на солнце играют довольно мрачно-ватым, безжизненным блеском. Может быть, именно поэтому кандидату биологических наук Александру Михайловичу Бурдину, заведующему Лабораторией экологии высших позвоночных Камчатского филиала Тихоокеанского института географии РАН, такая ясная погода на море не очень-то и нравилась — больно уж тоскливо было смотреть на все это. А уж в присутствии американцев тем более.

Вдали уже виднелась черная громада буровой платформы, а чуть южнее заякоренное плавучее нефтехранилище и два танкера. Они челноками сновали по заливу, вывозя добытую нефть.

— Киты...

Возглас американского биолога заставил Бурдина направить бинокль в ту же сторону, куда указывал Роберт, хотя фонтаны морских животных были видны и невооруженным глазом. Они находились буквально в двух кабельтовых от судна. Александр Михайлович, не отрываясь, вглядывался в их блестящие на солнце серые спины, выступающие из воды — кожа бугрилась от выпирающих лопаток. Опять истощенные...

Шел 40-й день их плавания. За это время они встретили 448 групп и одиночных серых китов, сделано 2700 фотографий, несколько часов видеозаписи. А сколько раз он сам на лодке «Зодиак» выходил с другими в море, чтобы взять у китов пробы кожи для генетических исследований. По выявленным потом белкам индикаторов стресса можно будет подтвердить гипотезу о том, что западная популяция серых китов находится в состоянии хронического стресса. За несколько лет подобных исследований такие данные накапливаются. Да и как тут избежишь стрессовых ситуаций..

Александр Михайлович вспомнил, как во время исследований в заливе Пильтуна он впервые увидел кита, лопаточная кость которого, прорвав кожу, торчала наружу. Это был факт не просто крайнего истощения крупных морских млекопитающих. Вероятнее всего, он попал в пятно каких-то высокотоксичных отходов, сброшенных в море с буровой платформы «Моликпак», и подвергнулся интоксикации, которая и повлекла за собой такое тяжелое и сравнительно редкое заболевание и крайнее истощение.

Однако в тот момент Бурдин думал не о китах, а о людях. Разве до строительства буровой платформы никто не знал о возможных опасных последствиях для охотско-корейской популяции серых китов, которая занесена не только в Красную книгу России, но и включена в 1 категорию Списка угрожаемых видов животных МСОП? В течение длительного времени вообще считалось, что эта популяция серого кита была полностью уничтожена безжалостным китобойным промыслом, поскольку, очевидно, никогда не превышала двух тысяч. Серые киты более всего чувствительны к шуму и разным беспокоящим их факторам, вызываемым строительными работами и нефтедобычей. И когда еще в конце 1960-х годов на шельфе северо-восточного Сахалина осуществлялась первая стадия нефтепоисковых работ, все серые киты покинули прибрежные воды залива Пильтуна и вернулись лишь тогда, когда работы были завершены. Единицы серых китов вновь здесь стали наблюдать лишь во второй половине 1970-х годов. Но тогда и не знали, что именно в районе залива Пильтуна находятся единственные в Охотском море места их летне-осеннего нагула, где в это время держится практически вся охотско-корейская популяция серых китов. Это, скорее всего связано с тем, что в данном районе моря сложились условия, при которых в большом количестве размножаются придонные организмы, и по подсчетам, биомасса их оценивается в 1 килограмм на квадратный метр. Киты в основном кормятся на шельфовом мелководье в пределах пятикилометровой прибрежной зоны. На сегодня общая численность охотско-корейской популяции серых китов — не

более ста, а темпы размножения животных очень низки. И лишиться уникальных мест нагула — это все равно, что обречь популяцию на вымирание. А то, что этот единственный нагульный ореал можно потерять, сомнений уже не вызывает. Химическое загрязнение акватории отравляющими веществами, которые содержатся в производственных отходах и сбрасываются в море, приведет к постепенному вымиранию донных живых организмов, которые являются основной кормовой базой серых китов. Да и чисто физическое загрязнение этих местообитаний в ходе подводных строительных работ будет иметь такие же последствия. К тому же, систематическое загрязнение вод в течении длительного периода, даже если концентрация токсичных веществ в самих отходах, сбрасываемых в море, не будет превышать ПДК, то они будут неумолимо накапливаться в морских придонных организмах, которыми питаются серые киты, что и приведет к обязательному накоплению токсикантов в тканях тела этих животных. Нельзя не учитывать и того, что опасные для жизни морских обитателей вещества будут разноситься течениями, что несомненно усугубит общую экологическую ситуацию в Охотском море. Известно ведь, что северо-восточная часть сахалинского шельфа служит районом нагула не только для малочисленной популяции корейско-охотского стада серого кита, но и ластоногих, включая такие теперь сравнительно редкие виды, как сивуч, северный морской котик, ларга. Здесь же пролегает путь миграции лососей к нерестовым рекам Сахалина, которые уже принимают на себя удары отравленной морской среды.

Для Александра Михайловича Бурдина ситуация, сложившаяся вокруг охотско-корейской популяции серого кита в Охотском море, в общем-то была ясна. Тем более, что его выводы фактически не отличались от тех, которые давали и другие исследователи, такие, как С. А. Блохин, Е. И. Соболевский, В. А. Владимиров, Роберт Броунелл и Дейв Веллер... Поэтому, вернувшись из рейса, вся научная группа подписала письмо руководству компании «Эксон Нефтегаз LTD», в котором приводились данные о перемещении большинства нагуливающих китов к южной границе акватории, то есть из лагуны Одопту они вдруг стали уходить к устью залива Пильтун. Ученые это доказательно связывали с началом сейсморазведочных работ в районе нефтегазового месторождения Одопту. Работы на время удалось приостановить, и вскоре киты вернулись на прежние места нагула. Однако для самих китов подобная победа не означала фактически ничего. И Бурдин это прекрасно понимал, как и все остальные. Вот почему определенные надежды он возлагал на помощь Совета по морским млекопитающим Межведомственной ихтиологической комиссии, членом которой и состоял. Тем более, кое-какие соображения у него уже были. Александр Михайлович подготовил письмо в МПР России от имени российско-американских ученых, в котором говорилось, что еще в 1997 году ими были отмечены видимые изменения в поведении серых китов в результате сейсмических работ, проводимых на удалении более 30 км от мест нагула животных у побережья Сахалина. В 1998 г. такие же изменения в поведении китов фиксировались в результате воздействия от строительных работ при ус-

тановке платформы «Моликпак», при бурении скважин и движении судов, хотя эта платформа находится на расстоянии около 16 км от берега. В 1999 г., всего через год после установки «Моликпака» и начала бурения скважин со сбросом десятков тысяч тонн буровых отходов, ученые зафиксировали 10 истощенных особей серых китов. В 2000 г. истощенных китов было уже 27, в 2001 — 19.

И если не будут приняты срочные меры, корейско-охотской популяции серых китов грозит неминуемое и быстрое исчезновение.

Кроме Бурдина, письмо подписали доктор Р. Броунелл, доктор Д. Уэллер и аспирант МГУ Г. Цидулко.

Выход из лабиринта только один

Для председателя Совета по морским млекопитающим доктора биологических наук, профессора Вячеслава Алексеевича Земского это письмо группы ученых не было большим откровением. Ему, старейшему специалисту в этой области, положение серых китов, как и других морских млекопитающих этого региона, было хорошо известно. С началом освоения месторождений на прибрежных шельфах в Охотском море, в частности на острове Сахалин, российские ученые сразу же забили тревогу. Исследования в этом направлении В. А. Владимирова, Н. В. Дорошенко, Н. И. Мымрина, Е. И. Соболевского, В. М. Бельковича и других показывали, что деятельность нефтедобытчиков в этом районе отрицательно сказывается на жизни многих видов мор-

ских млекопитающих. Однако особую опасность представляли начавшиеся в 1997 г. работы по сейсмической разведке, связанные с добычей нефти и газа в зоне летнего нагула серых китов на северо-восточном побережье Сахалина в заливах Пильтун и Одопту. Правда, такие отрицательных результатов воздействия токсичных отходов буровиков, сбрасываемых в море с платформы «Меликпак», какие были описаны в письме А. М. Бурдина, даже не предполагались. Поэтому первая мысль, которая пришла ему в голову — созвать специальное совещание Совета по морским млекопитающим и поставить в повестку дня обсуждение письма А. М. Бурдина. К тому же, Земский прекрасно сознавал, что в ближайшем будущем экологическая ситуация в районе нагула серых китов могла только ухудшиться. По данным общественной организации «Экологическая вахта Сахалина», число буровых платформ типа «Меликпак» в районе залива Пильтуна компания «Сахалин Энерджи» намеревается довести до трех и от них провести к берегу донные трубопроводы для перекачки нефти. Естественно, что для жизнеобеспечения буровиков необходимы будут регулярные рейсы вертолетов, а подводные работы сопровождаются всегда зашумлением среды, мягко говоря. О загрязнении водной среды отходами в нагульном ареале серых китов уже можно молчать. Травмирование и гибель китов возможны и в результате мощных гидродинамических ударов при подводных взрывных работах, напуганные животные наверняка станут запутываться в подводных кабелях и тросах. Если же произойдут какие аварийные разливы нефти или непредвиденные выбросы отходов, причи-

ной которых могут стать не только технические неполадки или человеческий фактор, о котором сейчас так много говорят и который ничего не объясняет, но и природные условия, связанные с сейсмичностью района и тяжелой ледовой обстановкой, то последствия их будут губительны и для китов, и для всех прибрежных морских организмов. А это значит, что единственный в Охотском море нагульный ареал для серых китов перестанет существовать, что и станет причиной исчезновения этой малочисленной популяции. Но ведь статья 24 Федерального закона «О животном мире» прямо говорит: «Действия, которые могут привести к гибели, сокращению численности или нарушению среды обитания объектов животного мира, занесенных в Красные Книги, не допускаются». Более того, этим Законом исключается даже вероятность нанесения вреда виду животных, занесенному в «Красную Книгу», а ситуация с охотско-корейской популяцией серых китов сложилась хуже некуда. В 1998 г. международной группой специалистов даже рекомендовалось перевести ее в категорию «Критически угрожаемых» исчезновению списка Международного союза охраны природы. Многолетние наблюдения показали, что прибрежные воды северо-восточного Сахалина являются единственным летне-осенним нагульным ареалом охотско-корейской популяции серых китов, по крайней мере, о котором ученым сегодня известно, где киты кормятся с мая по октябрь. Наблюдаются они в полосе от города Охи до залива Чайво, но подавляющее их большинство находится на весьма ограниченном участке прибрежной акватории протяженностью чуть более 50 миль.

Некоторые заливы северо-востока Сахалина, такие, как Пильтун и Астох, внесены в список особо ценных водно-болотных угодий, которые должны были бы охраняться в рамках международной Рамсарской конвенции. Ведь здесь гнездятся виды птиц, занесенные в Красную Книгу России — белоплечий орлан, орлан-белохвост, скопа, охотский улит...

Однако с 1980-х годов на северо-восточном шельфе острова Сахалин развернулись массивные работы по разведке углеводородного сырья без проведения какой бы то ни было экологической экспертизы. Было пробурено около сотни разведочных скважин для предварительной оценки запасов нефти и газа. Ну а разведочное бурение проводилось с использованием таких буровых растворов, которые практически в полном объеме сбрасывались в море без всякой очистки.

Со второй половины 1990-х годов события на севере Сахалина стали определяться освоением Аркутун-Дагинского, Чайвинского и Одоптинского нефтяных месторождений, реализуя проект «Сахалин-1» компании «Эксон Нефтегаз Лимитед», и Пильтун-Астохского и Луньского нефтегазовых месторождений по проекту «Сахалин-2» компании «Сахалин Энерджи Инвестмент». Все эти годы работы по сейсморазведке, временных буровых установок, возведению буровой и добывающей платформ сопровождались полетами вертолетов и активизацией судоходства всего в 10-20 км от берега, в пределах места обитания и нагула серых китов. С 1999 года там ведется промышленная добыча нефти.

Теперь же, размышляя о сложившейся экологической ситуации на сахалинском шельфе, было очевидно,

что перспективы разведки и добычи там углеводородного сырья, представленные разработчиками для реализации проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2», начинают вызывать еще более серьезные опасения. Первая стадия проекта «Сахалин-1» предполагает установку нефтегазодобывающей платформы «Орлан» на месторождении Чайво у берегов северо-восточного Сахалина. Затем строительство двух буровых нефтедобывающих комплексов на косах заливов Пильтун и Чайво для освоения месторождений Одопту и Чайво с берега — с помощью глубоких наклонно-направленных скважин и прокладку нефтепровода от залива Чайво через центральный Сахалин и Татарский пролив до порта Де-Кастри в Хабаровском крае. В Де-Кастри будет построен нефтеналивной терминал уже для отгрузки нефти на транспортные танкеры и вывоза ее по Татарскому проливу в страны Азиатско-Тихо-океанского региона. И все бы хорошо, да только Экспертная комиссия уже выявила, что данный проект при своей реализации несет экологическую опасность всему региону. В частности, танкерная транспортировка сырой нефти будет происходить в Татарском проливе не только летом, но и в зимний ледовый период. А это представляет большую опасность вследствие возможной аварии танкера под воздействием льдов, что происходит не так уж и редко, и последующего катастрофического разлива нефти. Под нефтяной пленкой может оказаться побережье не только Сахалина, но и Хабаровского и Приморского краев. Тем более, что компания «Эксон НЛ» планирует использовать при строительстве и эксплуатации нефтепровода не лучшие из существующих в мире технологии. К тому

же пирс, который в рамках проекта предполагается построить на месторождении Одопту для подвоза грузов, будет находиться в самом центре нагульного пастбища исчезающих серых китов, уже постоянно чувствующих себя в угнетенном состоянии. И тогда ухудшения ситуации здесь не избежать. А уж если сейсморазведка и инженерно-геофизические работы по действующим и подготовленным к осуществлению проектам нефтедобычи станут производиться в период нагула китов, то есть с мая по октябрь, то тут уж не надо и большого ума для устойчивого предположения, что серые киты, в связи с невозможными для существования условиями, покинут свой единственный и весьма ограниченный летний нагульный ареал в районе залива Пильтун. Только одно это способно привести к полному исчезновению охотско-корейской популяции серых китов. Но этим «перспективы» нефтедобытчиков вовсе не ограничиваются.

Существует и проект строительства трубопровода Одопту-Чайво для перекачки нефти под высоким давлением, и часть этого трубопровода пройдет по дну залива Пильтун. А перемещение больших масс осадков, неизбежных при строительстве, наверняка сразу же отразится на гидрохимическом режиме залива, снизит его биологическую продуктивность, что принесет серьезнейший ущерб всей прибрежной экосистеме и прибрежному рыболовству.

Да, отрицать уже невозможно, что угроза гибели серых китов явно существует. Однако Вячеслав Алексеевич понимал и другое — всех бед, которые таят в себе разведка и эксплуатация нефтегазовых месторожде-

ний на шельфе Сахалина, предвидеть, а тем более оценить, просто невозможно. Не зря ведь Резолюция 53-й сессии Международной китобойной комиссии (МКК) от 26 июля 2001 года подчеркивает экстренную необходимость сделать все возможное, чтобы свести смертность китов от человеческой деятельности к нулю, и призывает страны ареала, в том числе и Россию, «активно предпринимать все практические шаги для того, чтобы ликвидировать антропогенную смертность в этой популяции, минимизировать антропогенное беспокойство в миграционных коридорах и в районах нагула и размножения».

Конечно, Резолюция такого авторитетного органа — это прекрасно. Но для ее осуществления есть только один путь — создание морского государственного природного заказника в районе летнего нагула серых китов, а также залива Пильтун в соответствии с Федеральным Законом «Об особо охраняемых природных территориях». Именно заказник федерального значения может и должен обеспечить сохранение охотско-корейской популяции серых китов, а значит, и мест их обитания и нагула, как и мониторинга. И не только китов, а и всего биологического разнообразия и окружающей природной среды на шельфе северо-восточной части Сахалина. Ведь когда в июле 2001 года в Лондонском офисе Международного фонда защиты животных (IFAW) проходило совещание по проблемам, связанным с сохранением охотско-корейской популяции серых китов, и на нем обсуждалась статья российского эколога В. К. Горохова «Охотское море в опасности», тогда же и было заявлено о необходимости соблюдения договорных обязательств

нефтедобывающих компаний консорциума «Шелл» в части, касающейся выделения необходимых средств для исследований по влиянию нефтеразработок на состояние популяции и поведение серых китов и открытости результатов этих исследований. Представители нефтедобывающих компаний выразили готовность к совместному обсуждению этого вопроса, в том числе, и на Совете по морским млекопитающим. А с декабря 2000 г. оператором и основным акционером проекта «Сахалин-2» как раз и стала компания «Шелл», имеющая 55 % акций компании «Сахалин Энерджи». Акционерами этой компании являются также компании «Мицуи» и «Мицубиси», владеющие акциями соответственно 25% и 20%. Однако обсуждать вопрос сохранения китов с нефтемагнатами, для которых во всем мире существует только один убедительный факт — прибыль, это одно, а попытаться убедить кого-то из них в необходимости его решения путем организации природного заказника, иначе говоря, полного или частичного прекращения нефтедобычи на сахалинском шельфе, это нечто иное. Да и для государства нефть — пока основа экономики, потому как промышленность в развале, тем более, что планы компании «Шелл» предусматривают осуществление комплексного нефтегазового проекта, в рамках которого находится и реализация самого крупного в мире проекта по производству сжиженного природного газа. Вот и возникает ситуация, когда серые киты могут оказаться просто крайними. Но и бросать их на произвол судьбы — будет уж совсем не по-человечески. Правда, сделать это будет нелегко, ведь «Сахалин Энерджи» официально заявила, что «Компания заручи-

лась политической поддержкой Российской стороны на всех уровнях». А подобными заявлениями не бросаются.

Вздыхнув, Вячеслав Алексеевич Земский протянул руку к телефону и снял трубку — надо было предупредить о предполагаемом совещании председателя Центра экологической политики, члена-корреспондента РАН Алексея Владимировича Яблокова. Может, что и получится...

Пока суд да дело...

... — Увы, ничего у нас не получается, — Вячеслав Алексеевич удрученно разводит руками, хотя по выражению лица его видно, что иного результата он и не ожидал.

Почему? Этот вопрос задал ему и я, но ответа на него так и не получил. А вот всю трагичность создавшейся ситуации в борьбе за жизнь и безопасность серых китов таких общественных организаций, как «Экологическая вахта Сахалина», Правовой центр «Родник», Совет по морским млекопитающим, с нефтемагнатами и государственными чиновниками более или менее понял. Как оказалось, многочисленные обращения российской общественности, обеспокоенной негативными последствиями в связи с промышленной деятельностью в Охотском море, заставили просто адвокатов «Родника» собрать материал и подать в суд исковое заявление о запрещении деятельности нефтяным компаниям на северо-востоке Сахалина, создающей опасность причинения вреда в будущем, то есть угрозы исчезновения

редкого вида животных. Иск подали 72 человека и 14 общественных организаций, интересы которых представляли адвокаты и юристы Правового центра «Родник». Рассматривалось дело Пресненским межмуниципальным судом г. Москвы. Ответчиками по делу являлось Правительство Российской Федерации.

Ну а в качестве третьих лиц были привлечены представители компаний «Эксон Нефтегаз Лимитед» и «Сахалин Энерджи». К моменту начала судебного заседания общественными организациями было собрано более тысячи подписей граждан в поддержку предпринятых правовых действий. И одной из главных задач гражданского судопроизводства является «правильное и своевременное рассмотрение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых Законом интересов физических и юридических лиц, а также прав и охраняемых Законом интересов Российской Федерации...» Однако совершенно неожиданно все обернулось по-другому.

Дело находилось в производстве суда шесть месяцев, но на протяжении всего этого времени судья даже не приступил к рассмотрению его по существу. И вскоре юристам Правового центра «Родник» стало понятно, что формальные поводы для затягивания суда не прекращаются. Именно такое поведение судьи вызвало у истцов сомнение в его беспристрастности, что и послужило основанием для двух отводов суду. В результате на судебном процессе, состоявшемся буквально в «пожарном порядке», 14 общественным организациям и 72 физическим лицам в удовлетворении исков было отказано. Причина — мало доказательств того, что промыш-

ленная деятельность нефтедобывающих компаний на сахалинском шельфе угрожает существованию охотско-корейской популяции серых китов, не говоря уже об экологической опасности региона.

— Ну, морские нефтепромыслы и жизнь млекопитающих — вещи вообще несовместимые, если судить по большому счету, — Вячеслав Алексеевич говорит это совершенно спокойно, да и что кричать, если тебя все равно не услышат те, которые обязаны стоять на страже закона. — Сегодня вопрос стоит по-другому: что важнее для людей и государства — сохранение популяции китов или нефть? Получение прибыли — это даже не вопрос жизни, а всего лишь благосостояния группы лиц. Ну а экология всегда ставила вопросы сохранения жизни на Земле для всех. Это только говорят, что с природой местами можно не считаться, использовать по-своему усмотрению. Иначе говоря, брать от нее все. Вроде как — а что может случиться? Так ведь о том, что произойдет после гибели популяции серых китов, никто не знает. Подобных исследований вообще не ведется. Многие реки мы уже превратили в сточные канавы, они давно вливают свою смертоносную влагу в океан. Возможно, он еще пока как-то справляется с этим наплывом человеческих безобразий. Выходит, нам и этого мало?

— Так вы, получается, бороться за жизнь китов прекращаете? — не удержался я от вопроса. — Тем более, как мне кажется, надежды выиграть процесс у вас — шанс мизерный.

— Нам отступать не годится, — усмехнулся профессор, — иначе и наука потеряет человеческое лицо. А это

уже экологическая глобальная катастрофа. Нет, — Вячеслав Алексеевич посерьезнел, — необоснованное судебное решение будет обжаловано в вышестоящих судебных инстанциях. Понимаете, перешагнув в третье тысячелетие, было бы глубочайшим позором допустить, чтобы промышленное освоение территорий и акваторий влекло бы за собой вымирание целых популяций животных. Особенно таких уникальных видов, как крупные киты. Это же невозполнимая утрата для биологического разнообразия Земли. Мы этого себе никогда не простим...

Профессор Вяземский В. А. свое слово сдержал. Вскоре суд признал необходимость переноса нефтедобывающей платформы на 200 метров севернее...

Да, сахалинский шельф осваивать необходимо, нефть нужна, но не ценой жизни морских обитателей. Уничтожая их, мы, по большому счету, начинаем уничтожать и себя.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

НА САМИХ СЕБЕ

Деятельность человека в крупных промышленных центрах приводит к существенному и часто необратимому изменению окружающей природной среды. По данным ЮНЕСКО, ежегодно из недр извлекается свыше 100 млрд. т нефти, газа, металлов, воды и строительных материалов. Используются все химические элементы Периодической таблицы Менделеева. В ходе промышленной деятельности перемещается более 20 трлн. т горных пород, потребляется 2,6 тыс. куб. км воды в год. Создано свыше 50 тыс. видов искусственных химических веществ, и ежегодно появляется около 1000 новых. По вине человека потеряно 25 млн. га почвенного покрова, изъято под различные виды строительства 2 млрд. га плодородных земель. Масштабы загрязнения природной среды исчисляются выбросом около 40 млрд. т веществ, 32 млрд. куб. м неочищенных вод, 250 млн. т пыли и 70 млн. т ядовитых газов. Из недр извлекается ежегодно больше, чем уходит с речным стоком: молибдена — в 1,5 раза, титана — в 2,5, алюминия — в 3, железа и марганца — в 10, фосфора — в 20, меди — в 30 и свинца в 75 раз. Такое распространение химических элементов ведет к засолению почв, усилению окислительных процессов, изменению химического состава вод и почв, увеличению активности различных микробов, снижению фотосинтеза и т. д. В результате — перемены в химическом составе растительных и животных организмов, сказывающиеся на их здоровье, жиз-

недеятельности и ведущие к скрытым и явным признакам заболеваний, что значительно увеличивает смертность среди населения. И в первую очередь среди городов. Москва — тому не исключение...

В 1984 году Институтом минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов был выпущен Экологический атлас Москвы. Однако грянула перестройка, затем экономические реформы, и власти города благополучно спустили на тормозах информацию о загрязнении столицы. Благо, что резкий спад промышленного производства в этом отношении сыграл положительную роль. Но вот префектуре Юго-Восточного АО захотелось вдруг иметь четкое экологическое представление о состоянии своей территории. И специалисты ИМГРЭ, на основании длительных собственных экологических исследований, разделили территорию округа на четыре района, определив степень загрязненности каждого как тяжелая, неблагоприятная, условно неблагоприятная и условно благоприятная. Тяжелая экологическая обстановка создалась на 35 % территории ЮВАО из-за влияния на окружающую среду таких предприятий, как заводы «Серп и молот», «Фрезер», Люблинский литейно-механический, Московский нефтеперерабатывающий, «Московский подшипник», АЗЛК, Карачаровский, Южный порт и некоторых других. В этих промзонах загрязнение воздуха многими токсичными веществами превышает предельно допустимые нормы в 10 и более раз. Почвы здесь высокотоксичны из-за большой концентрации тяжелых металлов, превышающей фоновые значения в десятки и сотни раз. В отдельных местах этих

промзон отмечен максимальный уровень заболеваемости детей практически всеми формами патологии (Лефортово) или отдельными экологозависимыми формами (Марьино).

Неблагоприятная экологическая обстановка наблюдается в муниципальных районах Капотня, Люблино, Лефортово, Марьино, Нижегородский, Печатники, большая часть Южнопортового и Текстильщиков. Здесь почвы оцениваются как имеющие достаточно высокую степень токсичности из-за загрязнения их тяжелыми металлами. Именно поэтому содержание свинца, кадмия, бериллия, цинка, стронция, никеля, кобальта в волосах детей гораздо выше гигиенических норм.

Условно неблагоприятное экологическое состояние выявлено примерно на 15 % территории округа. Почвы здесь в целом можно считать умеренно токсичными, они соответствуют областям неустойчивого загрязнения. Однако на отдельных участках данные почвы все же признаны предельно загрязненными, поэтому и экологически опасными. Правда, они не потеряют способность к самовосстановлению, если прекратится поступление токсичных веществ. В противном же случае эти зоны неизбежно перейдут в категорию неблагоприятного состояния. Загрязнение же атмосферного воздуха здесь незначительное.

Условно благоприятная экологическая обстановка создалась в основном в юго-восточной части округа, где расположены лесопарковые зоны и участки лесных насаждений. Они наиболее удалены от промышленных производств, и загрязнение атмосферного воздуха, как правило, не превышает принятых нормативов. Почвы

этих территорий слабо деградированы, и растительность не изменена. Однако в волосах детей, проживающих в этих районах, тоже обнаруживаются повышенные концентрации основных металлов-токсикантов, что свидетельствует об общем неблагополучии экологического состояния ЮВАО.

В целом вывод исследователей ИМГРЭ неутешителен — все приведенные факты свидетельствуют о серьезном отравлении промышленными отходами окружающей среды в ЮВАО и устрашающем влиянии подобного загрязнения на здоровье детей.

И тогда власти округа приняли решение дать задание ИМГРЭ разработать комплексную технологию для восстановления нормальной экологии на своей территории. Такой проект был создан, тем более, что восстановление нарушенного экологического состояния среды предусматривается и системой ЭКОСКАН, когда специалистами ИМГРЭ разрабатываются интенсивные и наиболее рентабельные технологии очистки воды и почв на основе оригинальных физико-химических, микробиологических и агротехнических методов. И после того, как на территории ЮВАО были выявлены довольно неожиданные источники загрязнения, о которых десятилетиями просто никто не подозревал, в институте быстро нашли и эффективные способы оздоровления окружающей среды. Часть подобных решений уже реализуется. например, разработано экологическое обоснование при создании проектов детальной планировки освоения Люблинских полей фильтрации и строительства жилого микрорайона «Марьинский парк»; спроектирован полигон для захоронения осадков сточных вод,

организована санитарно-защитная зона вокруг Люблинского литейно-механического завода. Хотя обширные площади ЮВАО загрязнены токсичными металлами, их эффективно можно нейтрализовать известкованием. Аномально загрязненные почвы хорошо очищаются и с помощью растений. Вот почему селекция растений для каждого выявленного типа соединений металлов — это весьма важная и перспективная задача в решении проблемы обработки почв. Существенно и то, что разработанная ИМГРЭ технология по системе ЭКОСКАН легла в основу принятой Правительством Москвы Концепции социально-гигиенического мониторинга города и утверждена Минздравом РФ как основная в профилактике заболеваний — микроэлементозов.

Москва находится в центральном экономическом районе России, одном из наиболее загрязненных регионов страны. 40 % территории города отравлены тяжелыми металлами, но особенно сильно — Центральный и Восточный округа, не считая ЮВАО. По оценке специалистов-экологов, аномалии промышленных районов, наследуя специфику производств, формируются на ограниченных участках вокруг, например, таких промзон, как улица Правды, Перово, Очаково... Что касается исторически сформировавшегося загрязнения почв и грунтов, то оно проявляется в центральной части Москвы, где концентрация токсичных металлов в грунтах иногда приближается к промышленным рудам. Например, в северной части муниципального района Марьино содержание свинца, цинка, меди достигает 1 % и более.

За десятилетие отслеживания экологической ситуации в столице специалистами ИМГРЭ установлено, что на значительной части территории Москвы наблюдается примерно 10-кратное превышение нормативного содержания свинца, марганца, никеля, кобальта, хрома. При анализе состава выбросов металлургических производств установлено, что такие элементы, как мышьяк, кадмий, марганец, никель, свинец, сурьма, селен, цинк, при высоких температурах (более 500 градусов С) переходят в летучее состояние и поступают с выбросами в воздух в виде «молекулярного пара».

По мере того, как температура падает, эти элементы равномерно собираются на поверхности субмикронных аэрозольных частиц с высокой проникающей способностью в живые организмы. Но такие элементы, как мышьяк, сурьма, селен, свинец, бром, медь, хром, никель, ванадий и др., в силу своих физико-химических свойств продолжают оставаться в виде летучих соединений, и в настоящее время, по утверждению специалистов ИМГРЭ, не контролируются существующими методами.

Большинство промышленных предприятий Москвы специализируется на металлообработке и машиностроении, приборостроении, радио и электротехническом производствах, для которых характерно поставлять в окружающую среду медь, цинк, свинец, молибден, вольфрам, кобальт, никель и ряд других химических элементов. Но лишь в отдельных случаях можно определить предполагаемый источник загрязнения. Так, для полиграфического производства — это свинец, цинк, олово, кадмий; для предприятий энергетики —

хром, ванадий, молибден, никель; для производств масляных красок и для тех, кто их использует, — кадмий, барий, стронций, литий, серебро.

Сегодня большинство исследователей убеждены в том, что безопасного загрязнения окружающей среды не бывает. Гигиенические нормативы ПДК вредных веществ в биосфере разработаны с учетом реакций взрослого организма или экспериментальных животных. Они не предусматривают детской чувствительности. Население же столицы постоянно подвергается воздействию химических веществ извне, причем источники их установить крайне трудно. А нет источника, нет и его хозяина, значит, и спрашивать не с кого. В результате страдают люди, большинство из которых с данными технологическими процессами никак не связаны. Естественно, металлы играют важную роль в процессе жизнедеятельности, но они могут и так воздействовать на ферменты и генетический аппарат клеток, что начнут вызывать различные патологические изменения. Организм человека настолько связан и взаимозависим с геохимической средой, что современную медицину в крупных промышленных центрах уже можно считать экологической, так как 80 % случаев заболеваний имеют биогеохимическое происхождение, возникая и развиваясь вследствие разрушительного действия загрязненной среды обитания человека. Вред здоровью может быть нанесен либо прямым воздействием конкретного загрязнителя, либо через отравленную среду. Тем более, что в ряде случаев загрязненные в процессе хозяйственной деятельности территории становятся опасными и уже вторичными источниками токсичных веществ, ко-

торые продолжают отравлять окружающую среду даже после ликвидации самих предприятий-виновников. К тому же существуют нерегулируемые выбросы токсичных веществ, и они создают критическую ситуацию по экологическому состоянию земель. По данным Москомприроды, треть городских территорий в Москве загрязнена свинцом и ртутью выше предельно допустимых норм. Только по официальным данным, один житель столицы в среднем ежегодно выбрасывает около 300 кг бытовых отходов, сливает в канализацию 1,5 млн. л грязной воды, «производит» в год около 100 кг вредных веществ от своего автомобиля.

В настоящее время в медицине выделен новый класс болезней — микроэлементозы. Но положение здесь усугубляется и тем, что ко многим промышленным химическим загрязнителям человеческий организм еще не выработал собственных средств защиты. Явное несоответствие между темпами качественного ухудшения среды и крайне медленной адаптации человека к этим изменениям нередко приводит к тому, что силы воздействия внешних факторов превышают «норму» адаптации. Сегодня данные о состоянии здоровья населения служат уже наиболее чувствительными показателями, отражающими качество среды обитания, особенно, когда речь идет о женщинах пожилого возраста и детях. Проблема, однако, заключается в том, что, по утверждению специалистов, значение ПДК — понятие более чем относительное: как это ни удивительно для нормативных значений, но они меняются и во времени, и в пространстве. Мало того, что, например, ПДК 60-х отличаются от ПДК 90-х, но и ПДК в Рос-

сии резко разнятся не только с ПДК в Германии, а и с ПДК в Литве. Кто бы мог подумать, что развал СССР может так сказаться на санитарно-гигиенических нормах! Кого обманываем? Такое впечатление, что последние 50 лет человечество ставит на самом себе уникальный эксперимент — сначала немисливо загрязняет природную среду обитания, а потом анализирует, как она воздействует на здоровье людей. Разве это не изуверство?

СТРОЯТСЯ ЗАМКИ ИЗ... ПЕСКА
НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ
НА 1200 КАРЬЕРАХ ПОДМОСКОВЬЯ

Владимир Александрович Михайлик не очень-то и удивился, когда в конце рабочего дня его вызвал руководитель Департамента государственного контроля и перспективного развития в сфере природопользования и охраны окружающей среды МПР России по Центральному федеральному округу. В эти дни по приказу Министра природных ресурсов РФ проводились плановые проверки соблюдения требований законодательства Российской Федерации в сфере природопользования и охраны окружающей среды на территории Москвы. Именно на данной работе и сосредоточены были все силы Департамента и даже привлекались специалисты из региональных управлений природных ресурсов. Будучи заместителем начальника отдела государственного геологического контроля ДГК по ЦФО, он вроде бы к любым неожиданным заданиям был готов. Такова специфика работы. Однако Александр Владимирович Силаков встретил его словами, которые Михайлика несколько озадачили:

— Вот что, Владимир Александрович, завтра с утра вместе с главным специалистом вашего отдела Александром Афанасьевичем Лисицыным вы едете в Одинцовский район Московской области. Там в селе Шаропово находится хитрый песчаный карьер. Письмо вот получили... Сами знаете, какое у нас положение с карьер-

ерами в Подмосковье. Приказ о проведении проверки я уже подготовил. С областным ГУВД договоренность тоже есть...

Начало сентября выдалось дождливым, и знакомство с карьером представлялось мало перспективным. Зная, что такое дорога, распластанная жидкой грязью под тяжестью десятков груженых МАЗов и КРАЗов, можно было заранее прочувствовать всю прелесть данного задания. Правда, ведутся или нет в настоящее время там работы, точно никто не знал. Даже старший государственный налоговый инспектор города Одинцова Наталья Геннадиевна Балаина, которая тоже была привлечена к работе в Комиссии. Да только Михайлику прекрасно было известно, что незаконная разработка песка для Подмосковья уже стала настоящим бедствием. Несколько лет назад, когда проводилась акция «Чистая земля», за три месяца в Московской области было выявлено 1200 карьеров. Она буквально покрыта безобразными язвами, изрытая природопользователями-варварами. Подобное же творится зачастую с ведома местных властей. А ведь это и значительные потери запасов полезных ископаемых, так необходимых в строительстве, и обкрадывание бюджета неуплатой налогов за право пользование недрами. Но ведь еще наносится и непоправимый урон окружающей среде. Такой факт куда серьезнее. Карьеры после выработки не культивируются, они невольно или осознанно становятся мусорными полигонами, свалками, которые из года в год все больше загрязняют водоносные горизонты. А 93

% жителей Подмосковья пользуются водой из подземных источников...

Если взять тот же Одинцовский район, то даже по официальным данным 1998 г. он стоял на первом месте в Московской области по количеству заболеваний органов дыхания среди взрослого населения — более 50 тыс. человек. Впрочем, как и по болезням органов пищеварения — таких больных насчитывалось почти 16 тыс. Что касается детей в возрасте до 14 лет, то в том же году больных с расстройством питания, нарушением обмена веществ, ослаблением иммунитета или заболеваниями эндокринной системы зарегистрировано почти 1100 чел. Второе «почетное» место по Московской области. Или, иначе говоря, в 14 раз больше, чем в Волоколамском районе, например. Но это по официальной статистике, а сколько людей на самом деле страдают «экологическими заболеваниями» — точно не знает никто...

Сейчас, подъезжая к Шарапово, Михайлик сетовал лишь на то, что два необходимых участника Комиссии по неизвестным причинам задержались в Одинцово — старший оперуполномоченный 2-го отдела ОРЧ БЭП №1 ГУВД Московской области Леонид Георгиевич Лобанов и оперуполномоченный ОБЭП УВД Одинцовского района Московской области Дмитрий Владимирович Прохоров. Однако Владимир Александрович надеялся, что они обязательно подъедут.

В конторе закрытого акционерного общества «Шарапово» из руководства оказалась лишь главный бухгалтер Наталья Дмитриевна Горелова. После недолгих споров она предоставила имеющуюся у нее документа-

цию по песчаному карьеру. Даже беглый просмотр ее сразу насторожил Михайлика и Лисицына. В копии лицензии на право пользования недрами МСК 09698 ТЭ о целевом назначении было сказано: «Разведка и добыча песков на участке «Шарапово» при строительстве тепличного комплекса и использование их в строительных целях». Странность заключалась в том, что карьер с проектной мощностью в 1,5 млн кубометров песка для тепличного комплекса был несколько великоват. Более того, дата выдачи лицензии указывалась 24 июля 2003 года, тогда как в папке лежал Договор о передаче функций заказчика ООО «Прима» в лице его генерального директора Шматкова О. Д. всех прав на строительство тепличного комплекса 15 октября 2002 года. Получалось, что уже тогда в полную мощь велась добыча песка? Однако ни документов проведенной экспертизы запасов полезного ископаемого, ни технического проекта в наличии не оказалось.

К тому же существовало и некое ООО «Стройэкспоттрейд», которому, уже как субподрядчику, поручалось строительство теплиц, и оно должно было реализовывать, судя из документов, выработанные грунтово-песчаные массы. Но получил ли на это разрешение генеральный директор ЗАО «Шарапово» Лучин В. Е. — неизвестно.

Надо было ехать на карьер, выяснять на месте, ведутся ли там добычные работы, какая используется техника, вывозится ли песок и куда. И вот здесь-то сотрудники ГУВД были бы очень кстати, мало ли что. Но... Теперь уже больше волновало другое — удастся ли вообще проехать на карьер?

Правда, все оказалось не так страшно — и разлив грязи допустимый, и верх песчаного уступа почти сухой. Тем более, что небо неожиданно развиднелось и выглянуло солнце. Но Михайлика и Лисицына это уже мало волновало. Зато поразило другое — длинная очередь из нескольких десятков большегрузных самосвалов, стоявших в очереди на погрузку. И груженные выезжали один за одним. Привыкший все фиксировать, Владимир Александрович вынул блокнот: МАЗ № р 967 кв, ЗИЛ № у 261 вс, МАЗ № н 020 ах...

ИЗ АКТА № 88 ПРОВЕРКИ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О НЕДРАХ от 2.09.2003 г.:

«... 2. На северо-западной окраине с. Шарапово расположен песчаный карьер. Ориентировочные размеры составляют 400х300 м; карьер вытянут в юго-западном направлении.

Максимальная глубина карьера (без вскрыши) — около 24 м; мощность вскрыши, представленной суглинками, — около 6 м. в центральной части карьера — водоем размером 35х20 м. карьер имеет один уступ, борта не спланированы.

3. В карьере осуществляется интенсивная добыча песков, ведутся вскрышные работы. К северу от карьера идет активная вырубка леса.

4. На момент проверки в карьере находилась следующая техника: один экскаватор, четыре бульдозера, более 20 машин (марки ЗИЛ, МАЗ, КАМАЗ).

5. На берегу водоема, примыкающего к карьере со стороны с. Шарапово, осуществляется складирование

отходов строительства; объем отходов на момент проверки составил около 30 кубометров.

6. В нарушение ст. 29 Закона РФ «О недрах» добыча песков осуществляется до проведения Государственной экспертизы запасов полезного ископаемого.

7. «Недропользователь» не обеспечивает достоверный учет извлекаемых из недр и оставляемых в недрах запасов при разработке месторождения, что является нарушением п.6 ст.23 Закона РФ «О недрах».

8. «Недропользователь» не осуществляет платежи при пользовании недрами, что является нарушением ст.39 Закона РФ «О недрах».

С уступа карьера хорошо были видны внизу безостановочно копошащиеся бульдозеры и гребущий без усталости экскаватор. Машины подъезжали к погрузке одна за другой, а очередь их наверху все росла. Не ясны были лишь две вещи: кто хозяин этого предприятия и куда уходит этот чистый песок? Но этими вопросами пусть занимается прокуратура и следственные органы. Однако ... Сколько подобных фактов было вскрыто инспекторами ДГК по ЦФО, сколько представлений было послано и в прокуратуру, и в ГУВД, и Губернатору Московской области, а результат фактически нулевой. Три или четыре уголовных дела всего было возбуждено, но все они благополучно затихли. Более того, чаще всего на представления ДГК по ЦФО вообще не отвечают. Если уж только из прокуратуры или ГУВД, но только лишь для того, чтобы лаконично сообщить, что состава преступления не обнаружено. И это более, чем странно. Ведь инспектора ДГК по ЦФО действуют на основании

конкретных существующих законов, нарушения которых и указывается. И если правоохранительные органы не находят в этих нарушениях состава преступления, то кто же тогда превратил Подмоскovie в зону экологического бедствия? А 1200 карьеров варварской добычи песка, когда почти все они стали свалками — не преступление? Но ведь ни один из местных руководителей никакого серьезного взыскания не получил. Они отделываются либо мизерными штрафами, либо «неприятностями» от общения с налоговой службой, которая непременно взыскивает с них символические суммы. Безданность-то и стимулирует разорение недр и загрязнение окружающей среды, а попросту говоря — воровство.

Надо было возвращаться в контору, заполнять Протокол об административном нарушении генерального директора ЗАО «Шарапово» Лучина В. Е. Михайлик прекрасно понимал, что с подобными нарушениями, которые сегодня же будут доложены руководителю ДГК по ЦФО Александру Владимировичу Силакову, хозяйственная деятельность ЗАО «Шарапово», относящаяся к проведению горных работ по добыче песков, наверняка будет приостановлена.

Вскоре подъехали и сотрудники ОБЭП — Лобанов Л. Г. и Прохоров Д. В. Оказывается, у них сломалась машина. А судя по реакции главного бухгалтера, они здесь были не раз и дела на карьере им прекрасно известны. Значит, и Акт проверки и Протокол об административном правонарушении будут подписаны всеми членами Комиссии. Свою задачу на данном этапе служба Государственного контроля, можно считать, выпол-

нила. Удивляло и озадачивало несколько другое: почему при столь интенсивной разработке карьера в течение не одного года сотрудники того же ОБЭП ГУВД Московской области и Одинцовского района ведут себя столь пассивно? Ведь могли бы остановить любую груженую песком машину, выезжающую из карьера, и все выяснить? Как заказчика, так и потребителя...

В народе говорят: «Вор ворует, а мир горюет». Жители села Шарапово уверены, что именно из-за бесконтрольной разработки карьера у многих из колодцев ушла вода. И это вполне возможно. К тому же, борта карьера уже подпирают деревянные домишки окраины села, и десятки самосвалов, ревущих по соседству, превратили дорогу в грязный поток. Зато в отдалении можно полюбоваться красивыми кирпичными коттеджами за высокими глухими заборами. Кто-то строит себе замки и из песка.

ОБЪЯВИТЬ ДЕРЕВО ВНЕ ЗАКОНА!

Сегодня уже никого не надо убеждать в агрессивности американцев. Достаточно вспомнить атомные бомбардировки городов Хиросима и Нагасаки в поверженной во второй мировой войны Японии, жертвами которых стали миллионы японцев; или разгром неудобной Югославии, война с Ираком ради захвата природных богатств, то есть явное стремление США к мировому господству. Жадность, зависть, агрессивность, продажность двигали еще первыми переселенцами из Европы на американский континент, которые истребили миллионы индейцев, чтобы присвоить себе их земли. Но осваивать их и приносить богатства диким пришельцам придется черным рабам. Миллионы негров станут затем жертвами Ку-Клус-Клана, их будут убивать ради развлечения и живыми сжигать на крестах. Жажда легкой наживы рождало безудержное насилие, земля буквально поливалась потоками крови, злоба и привычка убивать ради собственной выгоды, порождали и животный страх. И все эти черные испарения европейской «цивилизации» пропитали не только воздух, но отравили и воду, и почву, которая уже рождала и агрессивные по своим генетическим качествам растения. А те, в свою очередь, воздействовали на молодые поколения американцев, доводя в них эти бесчеловечные качества до дьявольского совершенства. Теперь агрессия пропитала, очевидно, и территорию США, и все живое на ней...

Примерно такие рассуждения неожиданно услышал я от директора Тамбовского лесхоза Аркадия Александровича Ослопова, с которым встретился совершен-

но случайно на Всероссийском съезде лесоводов. Как вскоре выяснилось, они были далеко не беспочвенными. А сетовал директор лесхоза на засилье в Тамбовской области американского клена, по его словам, дерева-оккупанта настолько же напористого и наглого, насколько и бесполезного.

— Американский клен можно сравнить по своей натуре лишь с колорадским жуком, также завезенном из Америки, как и это дерево, — совершенно серьезно говорил Аркадий Александрович, и своим откровением заставил меня невольно улыбнуться.

Ну, что касалось колорадского жука, то здесь все было понятно — для картофеля это чума. Но вот чтобы дерево так досадило, и его можно было бы признать бесполезным, в это как-то не верилось. В конце концов все-таки зелень, и если пиломатериал из него не получается, так на поделки пойдет, в крайнем случае, на дрова...

— Да в том-то и дело, что даже дрова из американского клена сельские жители не очень-то жалуют. То ли не горят, то ли жара мало дают, то ли угар идет какой-то ядовитый от него... Объяснить толком никто не может, — раздосадовано произносит директор лесхоза. — Лес, деревья, должны людям радость приносить, отдых, здоровье. А клен этот... Формы и то неопределенной. Мне в одном селе сказали, что с виду заросли этого дерева напоминают непричесанную голову колхозника...

Американский клен был завезен из США в сороковые годы с благими, что называется, намерениями — для укрепления склонов оврагов и балок, дороги защи-

тить лесополосами. И мало кто на него потом обращал внимания. Но вот в последнее десятилетие жители деревень Тамбовской области начали вдруг замечать перемены в окружающей их природе. Красивейшие некогда поляны в пойме реки Цены, окаймленные тонкими березками или зелеными елочками, вдруг стали исчезать одна за одной, покрываясь жесткой щетиной непонятного то ли кустарника, то ли деревьев. Потом оказалось, что это все-таки деревья, хотя и корявые, но росли дружно, покрывая собой все свободное пространство и вытесняя знакомые с детства березовые рощицы, орешник... Но самое странное заключалось в другом, чего осознали сельчане не сразу. В зарослях американского клена не находили они ни грибов, ни ягод. Не росли! Более того, это пришлое дерево не боялось никаких вредителей, которые почему-то обходили его стороной и, естественно, в большей степени поражали хвойные и мягколиственные породы. Трудно проходимые заросли американского клена препятствуют иногда и тушению пожаров, и борьбе с незаконными рубками.

— Вы знаете, что это за растение? — продолжал, все больше хмурясь, Ослопов, заметив, что я с некоторым недоверием слушаю его историю про «американского лесного разбойника». — Если это дерево где-то появилось, через три года оно уже дает семена, которые тут же произрастают, и эта сорняковая поросль целым фронтом уже двигается на свободные площади, не занятые древостоем. Такая густая и корявая щетка неминуемо быстро растет и появляется буквально всюду, но там где клен американский поселяется, ни одна древесная наша порода лесная возобновляться уже не мо-

жет. Таким образом зарастают и дороги, и ценнейшие ландшафтные поляны, исчезает красота цнинской поймы. Вот по всем статьям и получается, что мы на пороге событий, когда засилье американского клена в русских лесах станет гораздо большей угрозой, чем колорадский жук для картофеля. И распространение дальнейшего этого дерева в скором времени резко сократит продуктивность наших лесов. А в перспективе и вообще способно вывести из оборота многие тысячи гектаров леса. Если не принять срочных мер...

По утверждению Аркадия Александровича, кстати, потомственного лесника, борьба с американским кленом трудная и сложная. Ведь его даже в степных деревнях люди не рубят на дрова, и называют — клен негодный. Если его начинаешь вырубать, то на месте срубленного ствола через пару лет появятся 10-20, толщиной с руку уже, а в высоту он может вымахать до двух метров в год.

— Вот почему я уже и сейчас не устаю повторять, — убежденно восклицает директор лесхоза, — что для всех лесоводов в России американский клен необходимо объявить деревом вне закона. И разрешить его рубку в любое время года, в любом месте без какого-либо разрешающего документа. Клен американский угрожает нашей русской природе в большей степени, чем волк лесным и сельскохозяйственным животным, которого разрешено отстреливать в любое время года без лицензии. Каждый лесник обязан просто вести непримиримую борьбу с этим американским злом и гордиться тем, что в его обходе такой сорный пришелец отсутствует. Однако при наличии его обход не может быть даже

представлен к званию «Обход отличного качества». Лишь всем миром мы можем противостоять этому нашествию...

Я слушал страстную речь уроженца Тамбовской области Аркадия Александровича Ослопова, а в памяти моей невольно возникали слова, написанные его гениальным земляком — Владимиром Ивановичем Вернадским, которому 12 марта исполнилось 140 лет со дня рождения. И хотя они жили в разное время и решали разные задачи, их объединяло то, что они не были безразличны к судьбе родной земли — каждый на своем месте. Ведь и Владимир Иванович не раз писал о том, что согласованное с Природой развитие общества, ответственность его и за Природу, и за ее будущее потребуют специальной организации общества, создания специальных структур, которые будут способны обеспечить это совместное согласованное развитие. Значит, и развитие биосферы должно проходить целенаправленно, когда его может направлять Разум, то есть имеет такую возможность. Но в интересах ли человека Разум направляет развитие биосферы? Может ли он пользоваться своим могуществом именно в этом направлении? Или вполне реален и иной вариант? Ведь если в Природе все взаимосвязано, то почему агрессивность человеческая не способна отравить не только воздух, но и действительно лес и воду? Тогда уж и не совсем фантастической видится вероятность того, что именно в последнее десятилетие американский клен начал буйно разрастаться в России, словно почувствовал агрессивную подпитку из вне. Агрессия ведь имеет способность на какое-то время подавлять развитие жизни. И глав-

ное, такой момент уловить и противопоставить насилию и злу все добрые и справедливые силы. Поэтому лучше уж заранее очерчить грядущую проблему для российского леса, чем ее запустить, а значит, и запоздать с решением. Об этом предупреждал и В. И. Вернадский.

ЧТО ПОКАЗАЛИ ПРОВЕРКИ ДОРОЖНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

Во все времена в России существовали два больших вопроса: состояние дорог и руководящие кадры, которые всегда и везде решали все, кроме качества дорожного покрытия. Очевидно, поэтому никто и никогда не пытался выяснить, что представляют из себя конкретно российские дороги, а уж тем более не мог знать о нарушениях природного законодательства при их строительстве и эксплуатации. Но когда в соответствии с распоряжением Руководителя государственной службы, заместителя министра МПР России А. И. Поволоцкого от 6 ноября 2003 г. № 498-р «О проведении проверки соблюдения требований законодательства Российской Федерации в области природопользования и охраны окружающей среды на федеральных объектах дорожного хозяйства Российской Федерации» была проведена в ноябре прошлого года комплексная проверка основных дорог России и дорожного хозяйства страны, стало ясно, что с первым вечно большим вопросом государство российское решило покончить. Вероятно — раз и навсегда!

Однако, прежде чем говорить о результатах данной проверки, необходимо вообще уяснить, что из себя представляют российские дороги, да и дорожное хозяйство в частности. Как, впрочем, и российские автомобили.

О дорогах, которые мы не выбираем

На сегодняшний день протяженность дорог в Российской Федерации более 920 тыс. км. Из них федерального значения — 47 тыс. км., а территориальных — 546 тыс. км., из которых с твердым покрытием — почти 495 тыс. км. Однако на каждый километр российских автомобильных дорог, в зависимости от их технической категории и значимости, отводится от 2 до 7 гектаров территории. И получается, что общая площадь, занимаемая дорогами, составляла в 2002 году почти 18,8 тыс. кв. км. Но дорога, как говорят специалисты, имеет еще и зону повышенного влияния на прилегающие территории, обусловленного прежде всего вредным воздействием автомобильного транспорта. И площадь таких экологически неблагоприятных зон в 2002 г. составила 32,6 тыс. кв. км. Именно на этой территории располагаются производственные предприятия дорожного хозяйства. В 2002 г. они выбросили в атмосферу, например, углеводородов более 21 тыс. т., сернистого ангидрида — почти 29 тыс. т., оксидов азота — 64,7 тыс. т., соединений свинца — 136,7 т, оксидов углерода — более 100 тыс. т., ну а минеральной пыли — 3187 тыс. т. И надо сказать, что государственной дорожной службой делается немало для снижения загрязнения окружающей среды на подведомственных ему территориях. Достаточно заметить, что в рамках федеральной целевой программы «Модернизация транспортной системы России (2002-2010 годы)» построено и реконструировано около 4 тыс. км. автомобильных дорог общего поль-

зования, отремонтировано 22 тыс. км. В Томской, Ульяновской областях и на автомагистрали Москва-Волгоград переведены на газ 22 котельные и 33 асфальтобетонных завода в Саратовской области, в Северной Осетии, Республике Дагестан, на Волжской автодороге и т. д. В стране уже 450 асфальтобетонных заводов дорожного хозяйства работают на газовом топливе. Однако проблему экологической безопасности автотранспорта вряд ли можно решить только созданием и внедрением экологически чистых транспортных средств, топлив, технологий и производств. Эта далеко не однозначная и долговременная проблема может быть решена лишь в комплексе. Не секрет ведь, что среди отраслей экономики автотранспорт является одним из крупнейших загрязнителей окружающей среды.

По данным на начало 2003 г. численность автомобильного парка России составила 27,79 млн. транспортных средств, из которых 22,47 млн. легковых автомобилей. И численность машин на дорогах России постоянно растет, увеличивая негативное воздействие автотранспорта на окружающую среду. В 2002 г. было выброшено загрязняющих веществ почти 14,5 млн. т. а объем сброса отработанных сточных вод от автотранспортных предприятий составил 6,7 млн. кубометров. Но вместе с ними в реки и озера поступило 59 тыс. т. взвешенных веществ и 2,1 тыс. т. нефтепродуктов. По-прежнему остается острой проблема загрязнения транспортом атмосферного воздуха в крупных городах, хотя выбросы от предприятий дорожного хозяйства составляют всего чуть более 4% от выбросов всего транспортного комплекса.

Остается добавить, что в 2002 г. автотранспорт выбросил в атмосферу загрязняющих веществ в 277 раз больше, чем речной, морской, воздушный и железнодорожный транспорт вместе взятые. И основную массу выбросов составляет оксид углерода — 71%. Исследования показывают, что выбросы автотранспортного комплекса в больших городах определяют основной риск заболеваемости населения. А главной причиной этого является отсутствие нейтрализаторов на автомобилях. В настоящее время Россия — единственная страна в мире, где автомобили выпускаются без нейтрализаторов.

Отсюда понятно, что состояние автомобильных дорог и дорожного хозяйства страны — лишь часть проблемы экологии автотранспорта, но далеко не маловажная.

Дорога всегда рождала философов

Цель подобной проверки не требовала разъяснений — установление степени соблюдения требований законодательства Российской Федерации в области природопользования и охраны окружающей среды на федеральных объектах дорожного хозяйства России. А проводили проверки инспектора Департаментов государственного контроля и перспективного развития в сфере природопользования и охраны окружающей среды МПР России вместе с сотрудниками Главных управлений (Управлений) природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР России. Проверке подлежали федеральные объекты дорожного хозяйства, включая

строящиеся и реконструируемые автомобильные дороги, искусственные сооружения, объекты придорожного сервиса, мосты ремонтные производства и т. д.

За период с 6 по 21 ноября 2003 г. было проверено 224 объекта дорожного хозяйства, в результате чего инспектора государственного контроля выявили более 400 нарушений законодательства в области природопользования и охраны окружающей среды. Из них 76,5% относится к нарушениям экологическим. Треть их приходится на Северо-Западный федеральный округ, зато в Дальневосточном федеральном округе их обнаружено в 10 раз меньше. Вот такой разброс. В основном не выполняются требования в обращении с отходами производства и потребления — таких нарушений выявлено 149 (36,8 %). Второе место занимают нарушения в области Государственной экологической экспертизы — их 88 (21,8 %), а затем уже охраны атмосферного воздуха — 57 (14,1 %).

К наиболее значимым результатам проверки можно отнести правильность изъятия земель лесного фонда при строительстве дорог и объектов дорожного хозяйства. Судя по отчетам, подобных нарушений по России выявлено всего 6 (2,8 %), в то время как отсутствовали необходимые данные по 147 объектам, что составляет

64,7 % от всех проверенных объектов дорожного хозяйства. А это ровно в два раза больше количества тех объектов, на которых изъятие земель лесного фонда под дорожное строительство соответствует распоряжениям Правительства России и администрациям Субъектов Российской Федерации. Фактически такая же картина обнаружилась и при проверке соответствия катего-

рий защитности участков лесного фонда их таксационным описаниям.

При проверке расчета ущерба, наносимого лесному хозяйству при переводе земель лесного фонда в нелесные, выявлено всего 11 нарушений (4,9 %), хотя из 224 проверенных объектов на 129 (57,6 %) из них не было представлено соответствующей документации. И в этом отношении, то есть отсутствием необходимых данных, можно сказать, «отличились» Южный — 32 (82,1 %), Центральный — 47 (70,1 %), Уральский — 11 (64,7 %), Сибирский — 18 (61,5 %) и Северо-Западный — 12 (57,1 %) федеральные округа. Лучшим оказался единственный Дальневосточный федеральный округ, где на всех 19 проверенных объектах дорожного хозяйства расчет ущерба лесному фонду был произведен правильно.

Надо заметить, что при проверках соблюдения требований федерального законодательства по обеспечению экологической безопасности, всегда особо стоял вопрос наличия свалок строительного мусора и бытовых отходов. Особенно в близлежащих придорожных участках лесопосадок. Из представленных данных проверок следует, что на придорожных лесных участках обнаружено 28 несанкционированных свалок, то есть всего 12,5 % от количества проверенных объектов. И в то же время на 48 объектах (21,4 %) данные об этом опять-таки отсутствуют. Наличие обустроенных мест сбора отходов на площадках отдыха выявлены лишь на четверти всех проверенных объектов. Они отсутствуют даже на таких оживленных автомагистралях, как Москва — Н. Новгород во Владимирской области протяжен-

ностью 220-340 км. или в Волгоградской области на мостовых переходах через Волгу и реку Балыклейку, а в Краснодарском крае на автодороге Павловская — Новороссийск и Кавказ или в Ростовской области на автомагистрали Ростов-на-Дону — Таганрог — граница с Украиной в обход села Чалтырь и другие.

По существующему законодательству, любой строительный проект должен пройти государственную экологическую экспертизу. И лишь при наличии положительного заключения ГЭЭ на проектную документацию можно начинать строительство или реконструкцию участков дорог или отдельных инженерных сооружений. Однако при проверках выяснилось, что отсутствует положительное заключение ГЭЭ или данных о проведении таковой вообще нет были обнаружены при исследовании проектной документации на строительство 77 (34,4 %) проверяемых объектов из 224. Более того, количество тех объектов, где имелось заключение ГЭЭ, но выполнение содержащихся там условий и требований не было осуществлено, иначе говоря, не соответствовало содержащимся в них требованиям, или данные по этому немаловажному вопросу вообще отсутствовали, составляло 87 (38,8 %) от количества проверенных объектов. И опять же «отличились» здесь, в основном, Северо-Западный и Южный федеральные округа.

В заключении следует сказать, что проверка соблюдения требований законодательства Российской Федерации в области природопользования и охраны окружающей среды на федеральных объектах дорожного хозяйства вскрыла 177 нарушений КоАП, за которые было наложено штрафов на сумму 11856 МРОТ —

более 8 млн рублей.. Самые значительными нарушителями в этом отношении оказались Северо-Западный и Южный федеральные округа, на которые приходится более половины всех штрафов. По результатам проверки произведена приостановка деятельности на 17 дорожных объектах. Не подверглись такому суровому наказанию лишь объекты в Центральном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах.

Жизнь — это дорога, как отмечали древние философы, длина которой отмерена. О качестве дорожизни мыслители умалчивают. И правильно делают. Если судить по российским дорогам, особенно местного значения, то они обеспечивают населению довольно мучительную жизнь. Российский пессимизм рожден в большей степени бездорожьем в стране. Так что доверие к власти, можно сказать, валяется на дороге, правда, на хорошей и экологически безопасной.

ВИРУСНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Мыслящий человек есть мера всему. Он есть огромное планетное явление».

В. И. Вернадский

Известно, что вирусные эпидемии уносят не меньше жизней, чем войны. Вспышки таких заболеваний, как малярия, брюшной тиф, лихорадка, холера, чума, туберкулез в разных районах мира свирепствуют до сих пор, не говоря уже о раке, СПИДе... Но иногда эпидемия страшна не многочисленными жертвами, а ужасающей таинственностью, когда медики обреченно разводят руками, больные остаются один на один с безысходностью, а жители «проклятых мест» бегут от родных домов.

Например, случаи странного заболевания эмигрантов из Таиланда зафиксированы были в Сингапуре и Саудовской Аравии, когда пораженных неизвестным вирусом людей смерть настигает во сне — их погибло около тысячи...

Сотни жизней унесла неизвестная «химическая» болезнь в Приаралье, Черновцах и на Алтае, диагноз врачей — гемолитическая желтуха, поражение центральной нервной системы, анемия... Носитель заболевания — не выявлен...

В Ростовской области и Ставропольском крае зафиксированы вспышки конго-крымской лихорадки, хотя

многие ученые считают, что эпидемия вызвана неизвестным вирусом.

В 1957 году эпидемия «испанки» выкосила от 3 до 5 миллионов человек в мире. В 1997 году впервые в Гонконге был зарегистрирован вирус H5N1, вызывающий птичий грипп. По признанию медиков, этот вирус появился вследствие мутации вируса «испанки». В июле 2005 года в Южной Азии была зафиксирована вспышка птичьего гриппа. Сегодня он долетел уже до Сибири. В мире от этого заболевания погибли более 60 человек...

В Московской области выявлены массовые случаи отравления среди любителей грибов. По заключению специалистов, у некоторых видов съедобных грибов обнаружен яд бледной поганки. Подобное могло произойти только в результате мутаций на генном уровне.

Жертвами загадочного мора у восточного побережья США стали дельфины — более 200 морских млекопитающих погибло меньше чем за месяц. По данным ученых, заболевания вызвали обычные морские бактерии из-за внезапного ослабления иммунной системы морских животных.

Эти печальные события произошли в разное время и в разных районах земного шара, но, как ни странно, есть нечто, которое их все объединяет. Тем более, что о развитии подобной ситуации на планете еще в начале 90-х годов прошлого столетия предупреждали ученые.

Свет против... СПИДа и птичьего гриппа

Куда исчезли майя

— У меня есть все основания предполагать, что болезни СПИД вообще не существует...

Честно говоря, такая категоричность заведующего лабораторией Российского НИИ сельскохозяйственной метеорологии, доктора технических наук Петра Петровича Федченко меня несколько обескуражила. Если бы не мое предварительное знакомство с его ранними публикациями в сугубо научном и некогда всемирно известном и уважаемом издании «Доклады Академии наук СССР» десять лет назад, которые и привели меня к нему, я бы принял подобное заявление П. П. Федченко, мягко говоря, как научно необоснованное. Но дело было еще и в том, что я держал в руках Патент № 2031945 на изобретение: «Способ инактивации вируса СПИДа», зарегистрированный в Государственном реестре изобретений 27 марта 1995 года. В «Описании изобретения к патенту Российской Федерации» было сказано, что данное изобретение «относится к вирусологии, в частности, к средствам лучевой нейтрализации вируса СПИД. Сущность изобретения состоит в том, что светом, соответствующим длине 636.2 нм, облучают в течение 30-60 минут материал. В результате этого у вируса СПИДа происходят существенные изменения как в нуклеиновых кислотах, так и в ферменте обратной транскриптазы, что приводит к инактивации вируса». Что это значит, я и пытался выяснить у автора данного открытия П. П. Федченко.

— Поймите, что СПИД это всего лишь сумма признаков, — терпеливо объясняет Петр Петрович, — которые показывают врачу, насколько ослаблена у человека иммунная система, его защита, в связи с чем он может заболеть чем угодно: пусть это будет грипп, воспаление легких — неважно, человека ждет смерть, если не принять необходимых мер. А вот причина такого состояния иммунной системы больного — в ретровирусе. Мы и разработали способ подавления его активности...

— И в чем же его суть?

— Дело в том, что наше изобретение, — усмехнулся Федченко, — в научном плане несколько глубже, чем борьба с вирусом СПИДа, рака и многих других «неизвестных», но смертельных болезней, которыми награждается наш век. Речь идет об открытии закономерностей солнечно-земных связей, на которые обратил свое внимание еще Чижевский, и в той глобальной катастрофе, что настанет непременно, если эти связи нарушатся. Но именно к этому как раз все и идет...

История знает немало примеров повальных эпидемий в период солнечной активности. Можно вспомнить и о таинственном исчезновении в 1X веке цивилизации майя — одной из самых ярких цивилизаций Нового Света. Они оставили даже недостроенными архитектурные сооружения. Как считают некоторые исследователи, майя могли погибнуть вследствие эпидемии. Известно, что эта цивилизация делила всю историю жизни на Земле на пять периодов, которые именовали эпохами Первого Солнца, Второго Солнца и так далее. Началом такой эпохи считались сильнейшие вспышки на Солнце, которые были видны с Земли, как говорится,

невооруженным взглядом и вызывали многочисленные пожары и мутации на генном уровне среди всего живого на планете. Сами майя, по их утверждению, жили в период Пятого Солнца. И они же в своих документах отмечали, что Шестое Солнце начнется в 1991 году — настанет период активизации солнечной активности и всевозможных мутационных процессов. Как утверждают ученые сегодня, в первую очередь в таких случаях мутируют микробы и вирусы, что неотвратимо повлечет за собой возникновение новых заболеваний и эпидемий. Не грозит ли подобное человечеству от СПИДа или, скажем, птичьего гриппа?

Как отмечали в своем докладе «Эволюция материи — эволюция разума» М. Лерковский и М. Брызгалов на первых Всесоюзных Федоровских чтениях, проходивших в 1988 году в Боровске, «... болезнь сегодняшнего дня, СПИД, которая проникла во все страны мира, — это, по-видимому, не просто эпидемия, а нечто большее. Распространение СПИДа — показатель крайней степени напряженности в сложившихся экологических условиях иммунной системы не только человека, но и высших животных... В целом СПИД — это, пожалуй, уже не Предупреждение, а Наказание Человечеству за те раны, которые оно нанесло Природе, а также за те нравственные язвы, которыми оно разукрасило собственное тело...»

Как показывает жизнь, на своих ошибках Человечество учиться не желает!

Расшифрованные «черные пропасти»

— Как вы думаете, чем отличается, например, человек от «волчьей» ягоды? — Петр Петрович вполне серьезен. — ДНК одинаковые, жиры, белки, углеводы и тому подобное есть и там, и там...

В XIV веке до нашей эры, то есть почти 3,5 тысячи лет назад, египетский фараон Аменофис IV (Аменхотеп), что значит «любезный Амону», вводит для своего народа единое божество — Солнце. Олицетворением его становится диск с гривой лучей вокруг, заканчивающихся человеческими руками. Свое имя фараон меняет на Эхнатон — «угодный Атону», то есть Солнцу, которое дарит свет и жизнь всему живому на Земле. Неважно, чем тогда руководствовался царь Египта, меняя государственную религию, главное, Эхнатон не ошибся, обожествляя наше светило, — ведь благодаря ему на Земле и расцвела во всем своем многообразии жизнь. Но что конкретно держит Солнце в ладонях своих лучей?

Вот таким «простым» вопросом однажды и задался Петр Петрович Федченко в конце 80-х годов прошлого столетия. Возник он, естественно, не на пустом месте. В то время Петр Петрович находился в командировке в Киеве. В Институте ботаники имени Н. Г. Холодного он вместе с биофизиком кандидатом физико-математических наук Валерием Александровичем Каневским занимался определением содержания хлорофилла в растениях по силе отражаемого ими света.

— Опыты несложные, — объясняет Федченко. — Брали лист картофеля или кукурузы и в совершенно темной лаборатории подсвечивали их голубоватым лучом лазера...

Известно, что свет всегда исходит от вещества — рождается в нем и им же поглощается, а если проходит через вещество, то может заставить светиться и его — эффект всем известной люминесценции. Свойственна она и растениям, просто их свечения на Солнце мы не видим. Однако если растение ночью некоторое время освещать лазером или даже лампой, то оно начнет испускать красный свет. И чем больше содержится в растениях хлорофилла, тем он ярче. Правда, такой метод неудобен, да и лазеры — вещь дорогостоящая. Не раз Федченко и Каневский задумывались о том, что хорошо было бы найти способ определения хлорофилла в растениях при свете. И вот вспомнили о так называемых фраунгоферовых линиях, находящихся в спектре Солнца.

Все знают, что если солнечный луч разложить, то мы увидим полосу света с постепенным переходом цветов от темно-красного до фиолетового. Но ежели приглядеться к спектру повнимательней, цветная полоса его окажется вовсе не сплошной, а со множеством пересекающих ее поперек темных линий, которые находятся всегда в строго определенных местах. Фраунгоферовыми они названы по имени открывшего их ученого, а С. И. Вавилов определил так: «Темные пропасти на ярком фоне солнечного спектра». Почему они возникают, не знали до 1659 года, когда немецкие ученые Г. Кирхгоф и Р. Бунзен открыли спектральный анализ и

доказали, что фраунгоферовы линии (ФЛ) по своему положению в точности соответствуют тем ярким линиям, которые образуют спектры паров чистых металлов, полученных в лаборатории. Поэтому пары элементов в солнечной атмосфере, пропуская на Землю сплошной спектр солнечного ядра, оставляют на нем свои следы в виде ФЛ. Впоследствии эти «темные пропасти» в спектре Солнца и «рассказали» о том, что почти все элементы, имеющиеся на Солнце, есть и на Земле. Кстати, для астрономов ФЛ давно служат уникальным источником информации о процессах, происходящих как на нашем светиле, так и на звездах.

— Вот тогда мы и предположили, — продолжает Петр Петрович, — что ФЛ солнечного спектра и их форма имеют какое-то отношение и к живым организмам на Земле...

Как известно, в фотосфере Солнца содержатся десятки металлов. Однако шесть из них: натрий, магний, калий, кальций, медь и железо — составляют аж 95 процентов солнечной атмосферы, два из них — магний и железо — 50 процентов этого состава. Кроме того, только эти два металла образуют в биологически значимой области спектра мощные фраунгоферовы линии. Именно те металлы, атомы которых находятся в клетках живых организмов, в молекулах так называемых металлоферментов, и выполняют важнейшие функции. Более того, магний, кальций и железо определяют и форму молекулы. Были бы другие металлы, организовались бы и другие формы жизни на Земле. Иначе говоря, металлы в клетках живых организмов настроены строго на

волну соответствующих фраунгоферовых линий в солнечном спектре.

Не вдаваясь в специфические подробности экспериментов, проведенных П. Федченко и В. Каневским, могу лишь сказать, что результаты их подтвердили предположения исследователей: ФЛ биологически значимой области спектра имеют непосредственное отношение к растительным и животным клеткам. Изменяя солнечный спектр, то есть оптическим методом, разработанным П. Федченко и В. Каневским, вполне можно влиять на развитие растений и животных — ускорять или замедлять его. А это уже имеет практическое значение. Главный же вывод — жизнь на Земле образовалась лишь благодаря определенному и неизменному составу спектра Солнца.

К. Кондратьев, В. Каневский, П. Федченко «Фраунгоферовы линии Солнца и устойчивость геометрической структуры биологических молекул»: «Включение в состав биологической молекулы атома металла, линии поглощения которого соответствуют фраунгоферовым линиям металлов Солнца, обеспечивает существенное уменьшение вероятности фотовозбуждения химических связей, возникающих между атомом металла и соседними атомами молекулы, что приводит в итоге к повышению стабильности структуры молекулы по отношению к воздействию солнечной радиации. Это является одной из причин соответствия между атомами основных металлов фотосферы Солнца и основными металлами, входящими в состав биологических молекул».

О чем говорят «божьи отметины»

— Теперь, думаю, понятно, чем отличается человек от «волчьей» ягоды? — улыбается Федченко. — Вроде бы незначительным: в крови человека содержится железо, в растениях — магний. Всего лишь два различных металла, а дали они несоизмеримо разные формы жизни. Теперь представьте, что может случиться, если спектр вдруг изменится...

Известно, что первые растения зародились в воде. Они поглощали солнечный свет, размножались, все больше выделяя кислорода в воду и атмосферу. Потом в воздухе появились озон, углекислый газ, окись азота. Но вместе с изменением состава атмосферы постепенно менялся и спектр Солнца. Когда озоновая оболочка закрыла Землю от губительного ультрафиолетового излучения, появились и другие условия для роста растений. Правда, потребовалось время, чтобы им приспособиться к новому спектру Солнца. И снова измениться он может лишь в том случае, если станет другим химический состав воздушной оболочки Земли. Вот с этой стороны опасность существует вполне реальная. Только одного углекислого газа благодаря человеческой деятельности ежегодно выбрасывается в атмосферу около 30 миллиардов тонн. И, вероятнее всего, здесь уже давно нарушена разумно допустимая граница загрязнения, ибо природа начала сигнализировать об этом своеобразным способом.

Из года в год все чаще и повсеместно в летнее время люди вдруг обнаруживают на своем теле странные знаки, непонятно каким образом появляющиеся на коже. Листики, цветочки, веточки, различные геометрические фигуры и замысловатые крючки — чего только не проявляется на обнаженных телах многочисленных загорающих и купающихся. Происходит все в основном незаметно и безболезненно, но поэтому и нервирует, беспокоит. Подобные «рисунки» с годами у многих бледнеют, деформируются, но бесследно не исчезают. Как заметил один шутник, таинственный художник — это, очевидно, Бог, который решил всех блудниц разом вывести на чистую воду. Увы, подобные жертвы в лице как женщин, так и мужчин, зафиксированы тысячами почти во всех крупных городах. Так кто же все-таки «метит» людей и для какой цели?

Как выяснилось, «рисунки» и всевозможные знаки на теле человека появляются благодаря потоку космических частиц, которые физически связаны с инфракрасным излучением. Они падают, к примеру, на лист дерева и формируют на расстоянии его проекцию на человека, то есть необязательно находящегося рядом. Эти частицы, изменяющие свойства инфракрасного излучения, идут из космоса узким пучком, потоком, попадают на некий предмет, а от него, как от зеркальной поверхности, и идет проекция. Куда попадет отражение, скажем, древесного листа, на том месте он и отпечатывается. Явление это природное, ничего опасного для здоровья людей не несет и в недалеком прошлом довольно редкое. Ведь появление потока подобных частиц связано с изменением состава атмосферы Земли, и

загрязнением ее, в частности, углеродистыми соединениями. Именно изменение (загрязнение) состава атмосферы и дало возможность этим частицам в сопровождении инфракрасных лучей проникать на Землю. И участвовавшие случаи появления на коже людей подобных проекций, их стабильность уже говорят о том, что в том районе уровень загрязнения атмосферы углеродом катастрофически высокий.

Однако подобные отметины появляются не у всех людей, потому что не все люди одинаково чувствительны, кожа у всех индивидуальна: у одних она ярко реагирует на проекции, у других — нет, отпечатки могут получиться бледными, почти незаметными, и вряд ли на такие вообще обращают внимание. В принципе, даже если поток частиц попадет на лист дерева, то необязательно он отпечатается на теле человека полностью — на коже могут появиться всего лишь пятна. Это зависит и от ширины пучка, падающего на лист: если он охватывает его весь, то и след будет такой, а если меньше листа — произойдет частичная фиксация. В месте прохождения пучка частиц (луча) в атмосфере и находятся точечные скопления углерода. Короче говоря, сам факт появления таких частиц (а значит, и таинственных отметин) уже дает возможность говорить о сильном атмосферном загрязнении. Так что «божьи отметины» — это тоже показатель состояния экологии, клеймо самой матери-природы, хотя страдает она не только от углеродистых выбросов в атмосферу.

Не так давно выяснилось, что и хлорсодержащие газы, считавшиеся нетоксичными, в стратосфере под воздействием мощной коротковолновой радиации раз-

лагаются и выделяют свободный хлор. Но один его атом способен разрушить 100 тысяч молекул озона, и также ведут себя фтор, йод и многие другие элементы. Ученые считают их основными виновниками «озоновых дыр». А человечество выбрасывает в атмосферу ежегодно 500 тысяч тонн хлорсодержащих веществ и около 30 миллионов тонн других «пожирателей» озона.

В загрязнении атмосферы «помогают» и вулканы. Один только взрыв Эль-Чичона в Мексике в 1982 году выбросил громадное облако пепла и газов с большим содержанием хлора, которое расползлось по всему земному шару. А сколько произошло более мелких выбросов, оживших за последние 15 лет вулканов? Такие события меняют состав атмосферы почти на пять лет. Ученые же предсказывают климатические катастрофы либо от глобального потепления на планете, либо от жесткого солнечного излучения вследствие нарушения озонового слоя. Но, оказывается, и это не все — можно ожидать крупных неприятностей и от изменения оптических параметров атмосферы. Экспериментальные исследования П. Федченко и В. Каневского показали, что именно такой процесс последнее время и происходит. К тому же — ускоренными темпами. В спектре Солнца уже появились дополнительные «черные пропасти», связанные с выбросом в атмосферу больших количеств соединений металлов. Значит, возможно и искажение «оптической матрицы» солнечного света, к которой приспособилось все живое на Земле за длительный период эволюции...

— И что же тогда произойдет?

— Это зависит от того, — чуть помедлив, ответил Федченко, — как и что в спектральном составе Солнца изменится. Например, всем известно, что растения очищают воздух, как бы фильтруют его. В атмосфере содержится большое количество СО — угарного газа, очень вредного для человека, и молекулы которого поглощаются растениями. Определенное изменение спектра — и свет будет вышибать из растений поглощенные ими молекулы СО, то есть природный фильтр перестанет действовать. Увидеть это невозможно, а человечество начнет задыхаться. Предсказать же такие изменения в атмосфере можно лишь по изменению спектра Солнца...

К. Кондратьев, В. Каневский, П. Федченко «Фраунгоферовы линии Солнца и устойчивость геометрической структуры биологических молекул»: «Следует отметить, что изменение газового состава атмосферы за счет антропогенного воздействия может привести к изменениям спектра солнечной радиации в области функционально значимых для растений минимумов интенсивности радиации. Такие изменения могут произойти за счет накопления в атмосфере окислов азота NO₂ и других газов антропогенного происхождения. Поэтому антропогенное воздействие на газовый состав атмосферы может оказать влияние на ход биохимической эволюции в будущем».

Предсказывают дрозодилы

Любопытный эксперимент провели П. Федченко и В. Каневский со спорами грибов. Они облучали их светом, спектр которого соответствовал солнечному лучу, прошедшему через загрязненную атмосферу. Правда, в несколько раз больше ее нынешнего состояния. После такой обработки споры исследовали специалисты и сказали, что из них выросли бы грибы без шляпок, и вполне вероятно, как заметил Петр Петрович, что именно грибы станут первыми жертвами, так сказать, наглядными свидетелями, критического уровня загрязнения атмосферы.

Неужели нечто подобное может ожидать и людей?

Механику реакции организмов на измененный спектр солнечного света Петр Петрович изложил кратко, но внушительно.

— Дело в том, что в клетках растений есть металло-содержащие пигменты, так называемые транспортные молекулы, передающие энергию. Они работают на определенной волне спектра. Мы эту волну изменили в соответствии с расчетным загрязнением. Естественно, «транспорт» остановился, и для растений наступила, образно говоря, ночь, хотя в этот момент солнце светило ярче обычного. У человека или животного в такой ситуации нарушается обмен веществ, потому как тоже приостанавливается «транспорт» переноса энергии. И человек умирает... от голода, несмотря на то, что он по-прежнему питается три раза в день. Однако такой опасности можно избежать, но для этого необходимо знать,

когда, при каком уровне загрязнения атмосферы наступит роковая минута для человечества.

Как выяснилось, именно такие эксперименты прогноза П. Федченко и В. Каневский не так давно провели, и один из них, предварительный, с дрозофилами. Наблюдения за изменениями в их генетическом коде на протяжении 30 — 100 поколений и показали, что при нынешнем уровне загрязнении атмосферы человечество уже совсем скоро подойдет к той опасной черте, за которой наступит сначала период тяжелых болезней, а потом... Хотя это «потом» может уже наступить менее чем через 50 лет. Но тогда получается, что период тяжелых болезней уже наступил?

— Таким образом, наша гипотеза о функциональном назначении фраунгоферовых линий Солнца экспериментально полностью подтвердилась.

Петр Петрович надолго замолчал, потом вдруг со вздохом произнес:

— Но идея о биологической значимости ФЛ имеет самое прямое отношение и к вирусам. Дело в том, что все вирусы в качестве генетического материала содержат или молекулу ДНК, или РНК, которые в своем активном центре имеют атомы магния. Это значит, что подсветка вируса на определенных ФЛ, соответствующих магнию, может существенно снизить активность того или иного вируса. Мы эту свою идею и проверили на вирусе СПИДа...

— Вы хотите сказать, что нашли эффективное средство от «чумы» нашего века?

— Не только нашли, но и экспериментально доказали высокую эффективность нашего метода, использо-

вав для этого штамм ВИЧ-1, полученный из института Пастора в Париже. Впрочем, об этом тоже сказано в Патенте, — пожимает Федченко плечами. — И наши исследования показывают, что иным способом (химическим) ретровирус СПИДа не одолеть. Почему? Во-первых, для ретровирусов характерна высокая частота рекомбинации и способности к захвату чужих генов — клеточных или вирусных. А с ними ретровирус приобретает новые свойства. Вообще он обладает такой изменчивостью, что, вероятнее всего, даже двух абсолютно одинаковых вирусов не существует. По крайней мере, так утверждают медики. Значит, вакцина, эффективная против одного варианта вируса, будет бессильна против другого. А нам достаточно всего лишь изменить длину волны излучаемого света, и вирус теряет свою активность — тихо «засыпает». С таким «спящим» вирусом можно спокойно прожить до глубокой старости. Во-вторых, генетический материал СПИДа надежно защищен двойной оболочкой, образованной слоями липидов и белков. Химическими препаратами ее никогда не пробить. Ну а кислоту пить же не будешь...

Я вспомнил, как в одной из телевизионных передач говорилось о неизвестной и страшной болезни, эпидемия которой вспыхнула где-то в Африке. Вообще, о вспышках вирусных заболеваний, ранее неизвестных, информация приходила и из развитых западных стран. Когда я сказал об этом Федченко, он понимающе кивнул и заметил:

— Вирус Эбола.

— И его тоже можно обезоружить вашим методом? — поспешил я с вопросом.

Вместо ответа Петр Петрович взял со стола папку и молча протянул ее мне. Открыв, я увидел в ней несколько патентов — сверху же лежал Патент № 2079552 на изобретение: «Способ инактивации вируса Эбола», зарегистрированный в Государственном реестре изобретений 20 мая 1997 года.

— Для нас это теперь несложно, — усмехается Петр Петрович, — если меняется материал, то есть изменяется, мутирует, ретровирус, мы подбираем под него и «свой» свет... Но все это можно назвать любительскими опытами, нужны серьезные научные исследования. Получить патент — полдела, метод необходимо внедрить, совершенствовать его на практике. И я уверен, что практически можно добиться стопроцентного положительного результата в излечении не только СПИДа, но и любого вирусного заболевания, будь то туберкулез, птичий грипп или еще что-то неизвестное, а вернее сказать — мутация известного. Однако для этого у государства как раз денег и не находится, а ведь иные пути спасения от эпидемий XX 1 века обречены на провал. Даже если какой-то химический препарат и изобретут, то он будет слишком дорогостоящий и неэффективный — ведь ретровирус способен иметь десятки вариантов. Наш же метод и дешевый и доступный по технологии, и перспективный в своем масштабном развитии.

Чижевский решал простую задачу: брал данные интенсивности Солнца по 11-летним циклам и сопоставлял их с числом больных и умерших. Он определил, что мощная солнечная активность рождает и большее число жертв, но механизма этого явления не знал... Мы же впервые в мире как раз и определили механизм яв-

ления, нам не надо ждать многолетних циклов, я могу за один день сказать, кто будет подвержен сильному солнечному излучению. И тогда человек может защититься от него, имея такой прогноз по регионам — кому необходимо уехать, кому надо отказаться от появления на открытом солнце и так далее. Мы определяем сам механизм воздействия солнечного излучения...

Странная возникает ситуация. С одной стороны, ученые предсказывают к 2010 году смертность от СПИДа и иных «неизвестных» заболеваний половины населения земного шара; правительствами отчисляются десятки миллиардов долларов на профилактику от СПИДа и помощь зараженным этим беспощадным вирусом. Но с другой стороны — давно существует экспериментально подтвержденный, эффективный и дешевый метод борьбы с этой «чумой», чего упорно никто не хочет замечать, хотя о нем известно как у нас в стране, так и за рубежом.

Совсем недавно сотрудник научной группы П. Федченко побывал в США и попытался там запатентовать как открытие разработанный в России «способ инактивации» вируса СПИДа. Однако, к его изумлению, российские патенты в Америке не признаются. Несомненно, такое положение создается искусственно, так как в этом случае любой иностранный специалист может, ознакомившись с публикацией на эту тему, заново «открыть» метод П. Федченко и запатентовать его уже как свой. Не по этой ли причине в России ликвидировали Комитет по научным открытиям? А может, «чума» века выгодна, и кому-то совсем не хочется терять государственные субсидии в десятки миллиардов долла-

ров? Недаром последнее время зачастили к П. Федченко таинственные эмиссары из Израиля и США с предложениями купить «технология по инактивации вируса СПИДа», предлагают хорошие деньги.

Опять нет пророка в своем Отечестве?

Из доклада Всемирной Организации Здравоохранения:

«Сегодня вирус H5N1 действует скрытно: заболевают люди, не имевшие контакта с зараженными или больными птицами. Это изменение, по неизвестной причине повышает риск заболевания среди детей и молодежи. Атаке также подвергается большая часть сельского населения. истинный масштаб угрозы оценить невозможно, так как эпидемиологический надзор в сельской местности налажен плохо. Возможен резкий скачок числа случаев стремительной неуправляемой передачи вируса от человека к человеку».

Когда мстит сама природа

Многое ли наука знает сегодня о зарождении биологической жизни на Земле? О простейших ее «кирпичиках» — бактериях? И много, и мало!

Сегодня существует концепция рождения метеоритов на планетах Солнечной системы, с которых происходит выброс обломков пород в космическое пространство. Именно к таким обломкам ученые относят и метеоритные куски, падавшие в 1969 году вблизи австралийского города Мерчисон. спектральный анализ их состава показал, что они соответствуют спектрам некото-

рых пород Марса, а значит, и «прибыли» оттуда. К. Маккей, сотрудник Эймсского исследовательского центра НАСА (штат Калифорния), считавший Марс идеальным местом для палеонтологических изысканий, не мог пройти мимо подобного факта. Вместе с группой ученых он исследовал «марсианский» метеорит, и в метеоритном веществе обнаружил некоторые образования, напоминавшие окаменевшие бактерии. К. Маккей опубликовал результаты своих исследований, подкрепив их фотоснимками окаменевших 600 миллионов лет назад бактерий и современных живых. Сходство оказалось поразительным.

Спустя несколько месяцев в журнале Российской Академии наук «Геохимия» появилась статья директора Палеонтологического института РАН члена-корреспондента А. Ю. Розанова, который уже на основании собственных исследований также утверждал о наличии в метеоритных остатках ископаемых бактерий. А чуть позже в США публикуется еще одна статья, Гувера, сотрудника Алабамского исследовательского центра НАСА, который в образцах того же «мерчисонского» метеорита обнаружил окаменелые остатки бактерий, хотя о работе российских ученых в тот момент и представления не имел.

Все это и послужило причиной начала совместных исследований американских и российских ученых. Как предполагает А. Ю. Розанов, сотни тысяч лет, а, возможно, и первые миллионы, бактерии могут находиться в анабиозе. Значит, перенос живого вещества в космическом пространстве — реальность? А ведь до этого лет двадцать в научном мире царил полное неприятие

даже мысли о том, что в метеоритах могут находиться ископаемые биологических объектов. Русский ученый Б. В. Тимофеев, утверждавший, что обнаружил в метеоритах и выделил с помощью аминокислот образования, которые принципиально ничем не отличались от современных спор и пыльцы, вынужден был опубликовать свою работу в Германии. Однако В. Б. Тимофеев совершил здесь обычную психологическую ошибку — обнаруженным образованиям в метеоритах он сразу дал названия, сравнив их с земными объектами. Естественно, ученый попал под огонь жестокой академической критики. Кстати, и Розанов тоже был в их числе. Правда, не только в России происходило подобное.

Кстати, учеными Палеонтологического института был найден способ обработки ископаемого материала таким образом, что стало возможным выявлять биологические объекты практически во всех осадочных породах. А это было далеко не просто. Нанобактерия (нанометр — 1000-ая доля микрона) размером

10⁻⁹ миллиметра, а тут еще она превращается в камень. Однако когда было исследовано метеоритное вещество, собранное в Монголии научной экспедицией Палеонтологического института, то в нем обнаружили образования всего лишь 2-3 микрона толщиной. Оно оказалось остатками нанобактерий, окаменевших 600 миллионов лет назад и блестяще сохранившихся. Именно тогда ученые и убедились в том, что исследовать бактериальный мир в ископаемом состоянии необходимо. В результате группа А. Ю. Розанова стала родоначальником совершенно нового мощнейшего направления в науке — бактериональной палеонтологии. А

вскоре и экспериментально было доказано, что окаменение современных бактерий происходит всего лишь за несколько часов. Вот когда стало понятно, почему в ископаемом состоянии бактерии прекрасно сохраняются. В один момент разрушились легенды о том, что окаменение — длительный процесс, вследствие чего бактерии и не могли сохраняться.

В настоящий момент уже хорошо известно, что очень глубоко под землей при достаточно высоких температурах живут и трудятся нанобактерии. Это открытие последних лет в значительной степени переворачивает наши представления о возможной земной глубине реального существования биосферы, условий сохранения нанобактериальной жизни. С помощью бактериальной палеонтологии можно существенно изменить и наши представления о земной биосфере — определить, на какой глубине она существует. По словам А. Ю. Розанова, в ближайшие годы, вероятно, нам придется менять многие представления об окружающем мире.

Неожиданный поворот к Солнцу

Найденные в метеоритах окаменевшие следы древнейших бактерий, как и живых в глубинных слоях Земли, привели ученых к рождению гипотезы о том, что именно планета в своих недрах рождает бактерии, затем «вытаскивает» их на поверхность, где под действием солнечного света, как катализатора химических процессов, происходит дальнейшая организация биологических цепочек вплоть до ДНК. Мощные мутации всего

живого на Земле в связи со вспышками на Солнце, когда биосфера Земли делала в своем развитии качественный скачок, случались неоднократно. Это был естественный инструмент эволюционного развития простейших, затем флоры и фауны. Более того, из-за частых природных катастроф в разных районах планеты происходило загрязнение атмосферы и воды и на длительное время они меняли свои оптические свойства. И солнечный свет, проходя сквозь измененную воздушную и водную среду, качественно менялся, что тоже вызывало мутационные процессы живых организмов в тех районах и появления новых видов среди флоры и фауны. Ну а позже и человека, именно его короткий путь в становлении существа разумного и служит веским доказательством роли мутаций как инструмента революционных преобразований в природе на пути эволюционного развития. Что косвенно подтверждает и открытие доктора технических наук П. П. Федченко.

К. Кондратьев, В. Каневский, П. Федченко «Фраунгоферовы линии Солнца и устойчивость геометрической структуры биологических молекул»: «... изменение спектра солнечной радиации вследствие тех или иных антропогенных воздействий на оптические параметры атмосферы и океана может коренным образом нарушить многие биологические процессы в биосфере. В связи с этим особенно актуальной представляется разработка имитационных математических моделей, объединяющих основные идеи статистического моделирования оптических характеристик атмосферы и океана с

развивающимися в последнее время математическими моделями в медицине и биологии».

Ведь почему медики так и не распознали вирус конго-крымской лихорадки, вспыхнувшей в Ростовской области? Что сбило с толку ученых? Один только факт: у данного вируса были обнаружены свойства разных вирусов вплоть до СПИДа. А по утверждению П. Федченко, это как раз и свидетельствует об ухудшении экологии, загрязнении атмосферы, проходя сквозь которую, измененный солнечный свет порождает в живых организмах определенные мутации. Тем более, что сейчас очень активное Солнце, и эта активность будет нарастать. Иначе говоря, мутационные процессы среди микробов и вирусов также активизируются. Вот почему бороться со всякими вирусными заболеваниями, вызванными возбудителями, которые быстро и непредсказуемо меняют свои качества и признаки, бороться медицине своими традиционными методами будет крайне сложно, если вообще возможно. Медики просто физически будут не в состоянии изобретать вакцину или иные химические средства против стремительно меняющегося врага-невидимки. Значит, необходимо менять сам подход к решению жизненно важной проблемы. Открытие П. Федченко и разработанная им методика усыпления вируса дает шанс на победу. Но если корыстные корпоративные интересы возьмут верх...

Олег Киселев, академик РАМН:

«Складывается впечатление, что этот психоз с птичьим гриппом создан для того, чтобы решить ком-

мерческие проблемы: завоевание рынка по поставкам продукции, завоевание фармацевтического рынка... Фармацевтические компании очень богатые, поэтому им на самом деле раскрутить серьезную кампанию, от которой мы будем приходить в себя два года, очень легко. Сегодня западные компании будут добиваться реализации рекомендаций Всемирной организации здравоохранения о закупке сверхдорогих противовирусных препаратов, выпускающих ведущими международными концернами в качестве государственного стратегического запаса, хотя у нас есть свои, дешевые. И большинство специалистов, занимающихся проблемами птичьего гриппа, категорически против того, чтобы нанести сегодня серьезный урон бюджетной политике Министерства здравоохранения России».

Смех во время эпидемии

Помню, прощаясь с Федченко, я спросил его, какова перспектива развития изобретенной им технологии. Петр Петрович вздохнул и сказал, что применил уже «измененный свет» для приготовления особой вакцины против СПИДа. И сразу усилился иностранный натиск — тайные эмиссары с Востока и с Запада не дают покоя, предлагают большие деньги за «технологию». Но пока они держатся. А вот что касается вакцины, получаемой с помощью «световой» технологии, то в этом плане добились определенного прогресса — получили ряд патентов. Однако работа практически прекращена из-за отсутствия какого бы то ни было финансирования.

Да, это очень напоминало историю с генетикой, когда русские ученые достигли существенных результатов и были уже близки к разгадке структуры ДНК, но руководителям страны сама наука встала поперек горла. И вот Нобелевскую премию получают американец Джеймс Уотсон и англичанин Фрэнсис Крик. Сегодня причины безразличного отношения к ученым у власть имущих в России совсем иные. Но разве так важно, почему губятся научные исследования мирового значения у нас в стране?

— Нам уже известно, — признался Петр Петрович, — что сейчас в США развернуты работы с использованием наших методов, ко мне приезжают консультироваться ученые из Франции, Израиля... Вот поэтому последнее время все мои усилия были направлены на разработку устройства, позволяющего больному СПИДом спокойно жить 10-15 лет. Такой прибор уже существует.

— Подождите, Петр Петрович, вы хотите сказать, что вами изготовлен прибор, который сможет поддерживать иммунную систему на таком уровне, что СПИД не станет прогрессировать?

— Не совсем так. Дело в том, что для лечения иммунной системы в современной медицине имеется целый ряд надежных и достаточно эффективных препаратов. Они способны в течение длительного периода поддерживать иммунную систему на должном уровне. А во многих случаях и лечить некоторые болезни, вызванные нарушением структуры и функции того или иного звена иммунной системы. Однако иммунодефицит бывает не только приобретенным, но и врожденным, связанный с

тяжелыми заболеваниями детей, такими, как пневмония, отит, экзема и т. д. С открытием антибиотиков они хоть как-то, но лечатся. Что же касается вируса СПИД, то подобное лечение лишь оттягивает на незначительное время трагический исход. А вот уменьшить активность вируса, не дать ему, находящемуся уже в клетке, быстро сделать свое черное дело и тем самым сохранить как можно дольше иммунную систему на своем уровне — это вполне возможно. Вот таким вопросом я в последнее время и озадачен.

— И что же, в данном случае, является основой вашего прибора и метода?

— Как известно, в качестве генетического материала в вирусе СПИДа служит РНК, которая имеет пять атомов магния. А магний обеспечивает «нормальную» работу вируса только в том случае, если атом будет находиться в спокойном состоянии. Значит, возбуждая электронную оболочку атома магния, находящегося в вирусе, светом определенной длины волны, мы и нарушаем его работу. Иными словами — нарушаем его активность в молекуле-хозяине, в данном случае, лимфоцита. По существу, мы не лечим иммунную систему, а только уменьшаем активность самого вируса, иммунная же система остается на прежнем уровне.

— Неужели все так прозаически просто?

— Вы ошибаетесь, подсветка — вопрос довольно непростой. Дело в том, что направленный на определенный участок тела свет должен обязательно быть прерывистым, то есть импульсным, да еще с определенной частотой. Причем, частоту света еще надо определить и направить в строго определенную точку, иначе

никакого эффекта не будет. Такая таблица частот изобретена не мной, а разработана и скорректирована целым рядом отечественных и зарубежных ученых. Мы ею воспользовались и заложили эти данные в свой прибор, который и воздействует на организм человека на определенной частоте, ответственной за иммунодефицит человека. Эффект оказался даже для нас поразительным. Ведь в соответствии с учением восточной медицины на теле человека находятся биологически активные точки — акупунктуры. И чтобы излечить его от какой-либо болезни, на них и необходимо воздействовать — неважно как: иглоукалыванием, прижиганием или с помощью массажа. Наш прибор такую операцию проводит с помощью света, и достигает максимального лечебного эффекта, потому что производит сразу три действия. Он светит на вирус на определенной длине волны, к тому же импульсами на выверенной частоте, да еще в строго определенную точку тела.

— Но ваш прибор помогает и хроническим, если можно так выразиться, больным СПИДом? Как часто и сколько времени надо себя им облучать, чтобы добиться эффекта «выздоровления», когда симптомы этой страшной болезни перестанут проявляться?

— По показаниям нашего прибора можно судить о состоянии иммунной системы больного на данный момент. Кстати, определив свои параметры по прибору, больной уже сам решает — пользоваться им или нет. Как, скажем, человек измеряет давление, снимает кардиограмму, а потом решает, принимать ему лекарство, улучшающее работу сердца, или нет. Поэтому не надо дожидаться, когда вирус СПИДа уже начнет проявлять

свои патологические особенности, и появятся недомогание, одышка, боли в груди, нарастающее похудение, кровохарканье и так далее.

— То есть, насколько я понял, прибор не заменяет существующие методы лечения иммунной системы, а лишь дополняет их?

— Совершенно верно. Он и создан не для лечения иммунной системы в привычном понимании этого слова, а для уменьшения вирусной активности. Сочетание современных методов лечения с работой нашего прибора существенно замедлит и облегчит темпы развития болезни. К тому же воздействие светом не приносит ни малейшего вреда здоровью человека. Наконец, мы светом способны «найти» вирус СПИДа и «потревожить» его до того, как его обнаружит иммунная система. Все это только доказывает перспективность наших исследований.

— Петр Петрович, а почему вы все время говорите только о СПИДе? Ведь ваш прибор, насколько я понял, фактически может нейтрализовать любой вирус, будь то рак, туберкулез, птичий грипп, наконец?..

— Вы правильно поняли, но возможности нашего прибора гораздо шире. Он, например, может служить незаменимым инструментом для людей, зависимых от наркотиков. И для этого ничего в приборе переделывать не надо, а всего лишь выбрать нужную частоту и в определенные точки тела посветить прибором, чтобы выбрать желаемый эффект.

— Что вы имеете в виду?

— С помощью прибора снимается синдром необходимости принятия наркотика, фактически зависимо-

сти от него. Но здесь необходимо пояснить, что прибор в этом случае надо пользоваться не тогда, когда наркотически зависимый человек уже «сорвался», и без принятия наркотиков у него может наступить «ломка», а за определенное время до этого момента. И для такой цели мы разработали специальный датчик в виде шариковой ручки, который носят все время с собой. В определенный момент он и «сообщит» звуковым сигналом больному о необходимости воспользоваться прибором, чтобы снять желание принять наркотики.

— И тем самым спасти еще сотни и тысячи тех же самых подростков от наркотического дурмана. Фактически подарить им свет Солнца.

— Для этого мы и работаем. Но...

Однажды Галилей в послании знаменитому астроному написал: «Посмеемся, Кеплер, великой глупости людей. Что сказать о главных философах здешнего университета, которые с каким-то аспидским упорством, несмотря на тысячекратные приглашения, не хотели даже взглянуть ни на планеты, ни на Луну, ни на телескоп. Поистине, как у аспиды нет ушей, так и у этих ученых глаза закрыты для света истины...»

Когда Федченко услышал от меня эти слова, он даже не улыбнулся, заметив:

— В нашем случае это скорее будет похоже на смех во время эпидемии. Хотя только так и можно расценить поведение власть имущих чиновников...

Уже сегодня ученые Палеонтологического института пришли к некоторым интересным выводам. Например, о том. Что наша биосфера никогда не уничтожа-

лась и не возникала вновь, пережив все мыслимые и немыслимые катаклизмы. Именно человеческая деятельность является для нее страшным возмутителем, и биосфера вынуждена вырабатывать контрмеры в свою защиту. Вот почему вполне возможно появление нового бактериального мира, крайне опасного для людей, который и станет инструментом противодействия биосферы человеческой глупости. И вероятнее всего, бактериальная атака начнется с размороженных анабиозных залежей в заполярных широтах Арктики и Антарктиды, откуда хлынут ожившие тучи различных бактерий. Ведь последствия всяческих крупномасштабных экспериментов, проводимых по отношению к природе, будь то сплошная вырубка лесов, уничтожение пахотных площадей, грабительская добыча полезных ископаемых, глобальное загрязнение атмосферы и океана, не считая культивации зла и насилия — на самом деле пока никто просчитать не в состоянии. Проблема настолько серьезна и глобальна, что НАСА решила организовать Международный институт астрофизики для продолжения данных исследований общими усилиями. Вопрос сохранения планетарной жизни сегодня перевешивает любые другие интересы. Однако, как замечает А. Ю. Розанов, в этом отношении предупреждения ученых никому, выходит, не нужны — их никто не слушает. Вот почему совсем не исключено, что в относительно далеком будущем кто-то, изучая ископаемые земные породы, и про Землю может сказать: «На этой планете жизнь... была»...

Именно об этом я с горечью и думал, когда, распрощавшись с Петром Петровичем, ехал домой. Вот то-

гда-то до меня и дошло, какой смысл вкладывал ученый в обескуражившую меня фразу, с которой, по сути дела, и начался наш разговор: «У меня есть все основания предполагать, что болезни СПИД вообще не существует». Очевидно, он имел в виду, что дело вовсе не в болезни: СПИДе, раке, холере или птичьим гриппом и иных других, известных своими страшными последствиями или еще только грядущих, чтобы поразить человечество. В конечном итоге они все будут излечимы, для каждой надо ли найти «свой» свет, а это как раз и по силам П. Федченко. Дело, как говорится, за малым — предоставить им такую возможность. Однако в данном случае Петр Петрович, вероятно, осознает эту проблему неизмеримо глобальнее, потому и трактует смысл прочитанных им знаков на Солнце конкретно и всеобъемлюще: Жизнь или Смерть? Этот вопрос — крик загубленной Природы и обреченного Человечества. А кто возьмет на себя ответственность за те миллионы уже приговоренных к гибели людей от СПИДа или рака, от остановки процесса обмена веществ или от удушья?

Микко Виенонен, специальный представитель Всемирной организации здравоохранения в России:

«Я хочу подчеркнуть, что птичий грипп — это не конец света, это не черная смерть. Люди с этим уже сталкивались. И наш организм, и наша система здравоохранения намного лучше подготовлены к преодолению данной проблемы, чем люди в начале XX века после первой мировой войны. Это угроза, которую нужно бояться, но которую не нужно переоценивать. Мы должны пропустить это через себя, мы должны подго-

товиться к этому и сделать нашу систему противодействия очень быстрой. Момент, когда мы получим вакцину и начнем вакцинацию людей, это и будет моментом, когда мы сможем преодолеть эпидемию».

Корпоративные интересы сегодня, видимо, не хотят считаться даже с тысячами загубленных жизней. Китайский философ Конфуций утверждал: «Три пути ведут к знанию: путь размышления — путь самый благородный, путь подражания — это самый легкий путь и путь опыта — это путь самый горький».

Судя по своей последней статье «Несколько слов о ноосфере», В. И. Вернадский убежденно считал, что человечество как единое целое может смотреть на наше будущее уверенно. Это будущее находится в наших руках и мы не должны выпускать его из своих рук. Такие слова с полным правом мог бы повторить и Петр Петрович Федченко.

Шумерские жрецы были убеждены в том, что будущее запечатлено тайными письменами в событиях, происходящих вокруг нас в настоящем. Если так, то это обнадеживает.

« Я НЕ ПЕРЕСТАНУ ПОВТОРЯТЬ — «SOS»

I

В метро, как всегда в эти часы, народу было полно. Заканчивались занятия в институтах, и многочисленная армия студентов разъезжалась по своим неотложным делам. Николай Никифорович вошел в вагон, стараясь не забираться далеко — выходить ему надо было через одну остановку, но веселая толпа ребят сзади надавила и мгновенно переместила его в середину вагона. Уцепившись за металлическую перекладину, благо рост позволял сделать это и через головы стоявших впереди женщин, Лукьянчиков перевел дух, уже обдумывая, как ему пробираться к выходу. Будучи сам пожилым человеком, он с уважением относился к людям в возрасте, а тем более к женщинам — так был воспитан, и чувствовал неловкость, когда приходилось причинять им неудобства. В часы пик в метро, конечно, было не до сантиментов, но привыкнуть к уже ставшей естественной для столичного метро картине, когда молодые сидят, а пожилые стоят, и которую Николай Никифорович наблюдает уже более десятка лет, он так и не смог. Сначала шумно возмущался, стыдил, кто-то действительно вставал, недовольно и мрачно поглядывая на него исподлобья, но большинство вообще не реагировали ни на что. А вскоре понял, что винить в этом моральном уродстве только молодежь вряд ли будет справедливо. Они лишь копируют поведение старших, иногда облеченных властью людей. Таких журналисты не стыдили, а превозносили, что смогли преодолеть в себе «совко-

вость», стали раскованными и демократичными. Конечно, советская власть во многом была не сахар, но и не яд, как теперь ее стараются представить перестроечному поколению. Если верить тем, кто записывал изречения Будды, то нет, не было и никогда не будет общественного устройства, про которое можно было бы сказать только одно плохое или только одно хорошее. Но наша перестройка — это капитализация страны без ума. Благодаря сегодняшним демократам, наглость и мат в обращении чуть ли не узаконены. И уступать место женщине или старику стало просто неприличным, как и быть честным...

Николай Никифорович отметил про себя, что подумал об этом как-то вскользь, без того внутреннего надрыва и учащенного сердцебиения, как было когда-то, и горько усмехнулся про себя. Привык или стало безразлично? Нет, скорее устал, все-таки семь десятков лет уже, хотя на здоровье пока не жалуется — как-никак спортсмен в прошлом. Так от чего устал? Вопрос простой, но Лукьянчиков с удивлением поймал себя на мысли, что возникает он у него далеко не первый раз. И все как-то походя, вроде изнутри прорывался при определенных обстоятельствах, как нарыв какой, сигнал или намек, что пора найти причину этих неожиданных всплесков.

Хотя, казалось бы, никаких видимых причин жаловаться на жизнь у него не было. Наоборот, как говорится, живи и радуйся. Третий раз готовится к переизданию учебник «Экономика и организация природопользования», написанный вместе с профессором Иваном Михайловичем Потравным, его коллегой и другом. Учеб-

ник переведен на китайский язык. У нас в стране Министерство образования включило его в «Золотой фонд российских учебников». Теперь вот хотят вроде как издать в Китае и его работу «О новом пути развития современного мира в условиях глобализации». Не так давно на заседании Президиума Российской академии естественных наук обсуждался его доклад «Экономическая стратегия возрождения России»...

Правда, для него самого приглашение выступить с докладом в РАЕН было неожиданным. Позвонили из секретариата Президиума, сказали, что Лукьянчиков — единственная кандидатура по данной теме, намекая, очевидно, на то, что отказы не принимаются. Да Николай Никифорович и не думал отказываться, наоборот, рад был поделиться с коллегами давно его волновавшими мыслями и теми конструктивными предложениями по экономическому возрождению страны, которые он упорно вырабатывал последние годы. А фактически всю вторую половину жизни. Да не всегда эти мысли его и идеи он имел возможность высказать. Особенно тем официальным лицам, которые принимают важные государственные решения — просто интереса с их стороны Николай Федорович не замечал. Вероятно, поэтому, давая слово академику Лукьянчикову, президент РАЕН О. Л. Кузнецов и представил его как видного ученого в данной области, которого поддерживает академия, но которого не очень любят власти. Вроде как в шутку произнес, да только то была горькая правда.

Развернувшаяся после доклада дискуссия показала, что и сам доклад и прозвучавшие в нем предложе-

ния коллеги восприняли серьезно, что и отразили в своем решении.

Хотя, конечно, Николай Никифорович отчасти признавал, что говорил он несколько резковато, излишне эмоционально, да как же иначе! Россия только-только начала выходить из системного экономического кризиса, в который, кстати говоря, попала не в результате какой-то слепой судьбы, а вследствие непродуманной экономической политики горе-реформаторов. Так ведь о последствиях таких реформ предупреждали видные экономисты вроде академиков Леонтьева и Львова, да и многих других. И вот в результате проведенной, а вернее срубленной топором, перестройки, такая политика, по сути дела, начиная с 90-х годов, привела к тому, что в России было создано криминально-воровское государство, когда взяточничество стало привычным делом для чиновников всех мастей и рангов. Но если болезнь запущена, привычные терапевтические средства уже не помогут, необходимо хирургическое вмешательство. Да только где тот хирург, вот в чем вопрос! И получается, что реформы нам подарили две как бы России — нищую до неприличия и супербогатую до... Тут и края-то не найдешь, чтобы происшедшее в короткое определение вместить. Богатых всего 10-15 процентов от населения российского, а обездоленных по вине государства оказалось более 140 миллионов. Вот так и поделили общенародную некогда собственность реформаторы! Попробуй тут сдержать эмоции. Да и сейчас политическое осмысление жизни в России сводится к одному тезису: богатые — богатеют, бедные — бед-

неют. За очень небольшим исключением в крупных городах.

Можно ли такое положение изменить? Да, конечно же, можно. Нужна лишь, как сегодня принято выражаться с туманной дипломатичностью, политическая воля. Та воля, которая способна осознать, что только путь устойчивого развития (построения у нас в стране ноосферного социализма) — и есть путь возрождения России. Именно это предложение и было научно обосновано и предложено к обсуждению академиком Лукьянчиковым в его докладе на заседании Президиума РАН. И одобрено всеми без исключения, но...

Вот, вот — опять это самое «но», как камень на дороге, о который споткнулся и только тогда заметил его. Да что толку, если и увидел, ведь надо еще сообразить, откуда взялось это «но», что за сомнения его породили. И почему, когда вроде есть все основания жить и радоваться, именно настоящей радости, душевного удовлетворения Николай Никифорович сейчас как раз и не испытывал. Да, усмехнулся он про себя, получается, что прав был Конфуций, только мудрец ни в чем не сомневается. Значит, далековато ему до мудреца-то...

Однако вспомнив Конфуция, Лукьянчиков как-то сразу вдруг осознал, что эти его сомнения и внутренняя маята начались после поездки в Китай, куда он вместе с Потравным был приглашен на презентацию их учебника «Экономика и организация природопользования». Правда, знакомство с экзотической страной началось довольно прозаично. В аэропорту Пекина они проходили обычный таможенный досмотр, когда служба наркоконтроля пустила собаку проверять выставленный пас-

сажирами багаж. Дойдя до небольшой спортивной сумки Лукьянчикова, собака обнюхала ее и легла. Это был сигнал, что в сумке находятся вещества, содержащие запрещенные законом наркотики.

— Откройте вашу сумку, все вещи на стол...

Видно было, что и китаец-переводчик, и прибывшие официальные лица для встречи российской делегации, были просто обескуражены. Иван Михайлович, крайне взволнованный, вполголоса добивался у Лукьянчикова, что у него было в сумке, раз привлекло внимание обученной реагировать на наркотики собаки. Однако Николай Никифорович и сам ничего не понимал, автоматически выкладывая на стол бумаги, газеты, электробритву, сверток с куском сала, которое он любил, и жена, естественно, положила ему с собой. И здесь раздался грозный рык овчарки — наострив уши, она не сводила своих умных глаз со свертка.

— Что это?..

Через несколько минут разобрались, таможенники извинились за собаку, которой сей продукт известен не был. Однако взвинченный до предела Лукьянчиков долго не мог успокоиться. Потому и не понял, что хочет от него переводчик, спросивший вдруг, кто из них писал предисловие к китайскому изданию книги «Экономика и организация природопользования». Ожидавший очередного подвоха, Лукьянчиков долго молчал, пока не признался, что автор предисловия он.

— Вы знаете, — заулыбался сразу переводчик, — вы там привели высказывание нашего великого философа Конфуция о том, что кто не заглядывает далеко вперед, того ждут близкие беды. А мы его так любим.

Вот мы и решили, раз вы тоже любите Конфуция, отвезти вас на Желтое море и показать домик, где жил великий китайский философ...

Да только пожеланию этому не суждено было сбыться — дни пребывания в Китае были насыщены до предела. На встречах в Академии наук, в Министерстве охраны окружающей среды и в Министерстве экономики земель и ресурсов обсуждались не только экономические вопросы экологии, но и природопользования. Китайских ученых и руководителей интересовало все — и какая должна быть собственность на природные ресурсы, и как их использовать, и системы регулирования... Идея Лукьянчикова о том, что окружающая среда — это ограниченный ресурс, ограниченные блага, к которым надо относиться разумно и даже трепетно, лимитировать изъятие природных ресурсов, как и выбросы загрязнений — китайцами была воспринята со всей серьезностью. На презентации книги многие из китайских товарищей отмечали, что Россия и Китай во многом прошли схожий путь индустриализации страны и развития экологической политики. Как в Китае, так и в России первоначально делался акцент на развитие тяжелой промышленности, а экологические факторы не всегда учитывались в полной мере при развитии и размещении производительных сил. Ну а природоохранные мероприятия проводились формально, потому как финансировались по остаточному принципу.

А вот запомнилась встреча в Министерстве экономики земель и ресурсов. Вопросы сыпались со всех сторон и касались самых разных тем.

... — Господин Лукьянчиков, заместитель министра товарищ Сунь Ваньшен спрашивает, как по вашей методике рассчитываются природные ресурсы как национальное богатство? И какую роль при этом должна играть рента?

— Понимаете, — глядя в бесстрастное лицо заместителя министра, устало проговорил Николай Никифорович, отмечая в глубине сознания, что до сих пор тот лишь внимательно слушал ответы российских ученых, делая пометки в блокноте, — любая стоимость, как известно, создается трудом, капиталом и природными ресурсами. Чтобы оценить последние, надо из того экономического эффекта, который мы получаем в результате эксплуатации месторождения, вычесть долю прибыли, получаемой трудом и капиталом. Разница и останется на природные ресурсы, вот ее-то и надо положить в основу оценки национального дохода. Вернее, это будет тот сверхдоход, который мы получаем в результате эксплуатации природных ресурсов. То есть та же рента. По сути, мы должны учитывать оценку природных ресурсов как национальное богатство на основе дифференциальной природной ренты.

— Однако, насколько мне известно, вы этого в России не делаете? Почему?

— Видите ли, — замялся Лукьянчиков, понимая, что не только государственному чиновнику, заботящемуся о процветании своей страны и народа, но и любому нормальному человеку объяснить, почему в России небольшая кучка людей присваивает себе сверхдоходы от использования природных ресурсов, принадлежащих всем гражданам страны, а правительство такое поло-

жение вещей поддерживает, просто невозможно. И он начал пространно говорить о сложности идущих в стране процессов. Но не успел закончить, как переводчик тут же перевел следующий вопрос заместителя министра.

— Господин Лукьянчиков, а с Президентом Путиным вы на эту тему говорили?

Николай Никифорович невольно усмехнулся и развел руками.

— Нет...

Такой пристальный интерес к новейшим идеям и разработкам в использовании природных ресурсов со стороны Китая был не случаен. Руководство КНР готовилось провести в стране реформы, о цели и задачах которых сказал заместитель директора Института земель и ресурсов Яо Хуацзюнь:

— Национальные ресурсы — единая эколого-экономическая категория. И сегодня, осмысливая горькие уроки изолированного, односторонне-утилитарного подхода к освоению отдельных видов природных богатств, люди все явственнее ощущают их целостность. Именно поэтому принцип «комплексного координированного управления ресурсами» закладывается в основу реформирования систем управления национальными ресурсами в современном Китае. Управление национальными ресурсами превращается тем самым из разобщенного и рассосредоточенного в централизованно-сосредоточенное...

То, что китайцы сумеют сделать правильные выводы из своих «горьких уроков», Лукьянчиков убедился немного позже.

Из статьи «О будущем России» (газета «Спасение», февраль 1997 года):

«В процессе реформ были созданы благоприятные условия для воровства, обмана и ограбления народа, передачи общенародной собственности преимущественно в руки мафиозных и криминальных структур, разграбления природных богатств России, разгула преступности. Первое крупное ограбление народа началось со стороны государства с обесценивания вкладов населения в сбербанках в результате инфляции.

Основная масса населения в результате «ваучеризации» осталась обманутой и никаких дивидендов не получила. Затем население начали грабить различные коммерческие структуры и инвестиционные фонды, которые после сбора определенной суммы денег исчезали или объявляли себя банкротами.

Но самым крупным ограблением народа можно признать прошедший этап приватизации, и не только потому, что основная часть общенародной собственности за символическую плату попала в руки криминальных структур и иностранных компаний. Более важным является то обстоятельство, что приватизация осуществлялась в угоду политическим мотивам, а не экономическим интересам. Для общества полезным является внедрение лишь тех элементов рыночных отношений, которые ведут к повышению эффективности общественного производства — единственного источника роста благосостояния народа (при прочих равных условиях). В процессе приватизации этот источник был уворо-

ван у народа, и это воровство в скрытой форме по своим масштабам превосходит любые ограбления века...

Воровство и взяточничество во всех структурах власти стало привычным делом для России. Верховная власть должна полностью подчиняться диктатуре совести. В этой связи следует вспомнить высказывание древнекитайского философа Конфуция. «Правление есть исправление, — говорил он князю, — если вы будете показывать пример справедливости, то кто осмелится поступить несправедливо? Если вы не будете алчны, люди не станут воровать».

II

— Вы на следующей выходите?..

Грохот метро ударил по ушам и вырвал Лукьянчикова из оцепенения воспоминаний. Однако он ничего не успел ответить, потому как не слышал название объявленной станции, а двери уже открылись. Поток выходящих пассажиров захватил Николая Никифоровича и вынес из вагона. Благо станция оказалась его, здесь пересадка...

Привычка анализировать свое состояние, мысли и чувства еще с юности не раз уже здорово помогала ему в нелегких жизненных ситуациях. А их у него в жизни хватало. И если некоторые, всплывавшие в памяти, вызывали улыбку, то другие наоборот заставляли внутренне собраться и насторожиться.

Кривой Рог, например, стал для него не просто куском жизни, а школой добра и зла одновременно. Но зло это всегда было объективным, а добро — субъек-

тивным, людским. Однако, чем выше взбирался Лукьянчиков по служебной лестнице, хотя, по правде говоря, сам он такого желания никогда не высказывал — продвигали, тем все отчетливее осознавал, что должность — это не столько положение и зарплата, сколько довольно ощутимый груз ответственности. И перед теми, кто доверил тебе определенный участок работы, перед людьми под твоим началом, и перед государством, обществом, на благо которого ты и трудишься. А главное — быть честным перед самим собой. Именно исходя из интересов дела Николай Никифорович всегда и поступал. Так было и в Кемеровской области, где он работал инженером-экономистом в управлении Соловского рудника сразу после окончания Харьковского инженерно-экономического института, и в Кривом Роге в институте «Механобрчермет», где он уже находился в должности главного экономиста и начальника отдела перспективных разработок и технико-экономического анализа. Заниматься приходилось проблемой обогащения железных руд, для Лукьянчикова делом новым, по вечерам он подолгу засиживался в институтской библиотеке, вникал в суть технологического процесса, выискивал его сильные и слабые стороны. Этот неподдельный профессиональный интерес Николая Никифоровича привел его к неожиданным выводам. Железная руда — это как булка с изюмом, где изюминки и есть вкрапления железа, фракции. Для того, чтобы их извлечь, руду надо сначала размельчить, чтобы можно было добраться до железных зерен, и магнитом отделить их от пустой породы. По тем временам содержание железа в концентрате достигало 59 процентов. А

почему не больше? Скажем, процентов на 65 или 70? Когда Николай Федорович попытался этот вопрос прояснить с институтскими коллегами, то оказалось, что это вполне реально, но сам технологический процесс будет нерентабельным, потому как довольно сложный и затратный. Однако мнение специалистов на этот счет Лукьянчикова не убедило, и он стал просчитывать перспективную технологию обогащения железной руды уже с металлургами. И следуя сухому, но убедительному языку цифр, вдруг оказалось, что если все-таки пойти на дополнительные затраты, действительно, существенные, то повышение содержания железа до 65 процентов давало экономию средств, исчисляемую миллиардами рублей. Ведь если выдавать более качественный концентрат, то вырастет и производительность доменных плавильных печей, увеличится срок их службы, снизится расход кокса, угля... То есть для выплавки определенного количества металла потребуется уже не три, скажем, а всего две домны, гораздо меньше коксовых батарей, рабочей силы и так далее. А на сэкономленные миллиарды рублей сколько можно было построить детских садов и школ, больниц и поликлиник, театров и дворцов культуры, стадионов...

Признание Лукьянчикова как думающего, знающего, а главное — не робеющего перед авторитетным мнением специалиста среди институтских коллег и начальства Николай Никифорович воспринял спокойно. Он действительно не считал, что сделал нечто выдающееся, чего не мог выполнить любой другой инженер. Просто он был молод, сталкиваясь с высоким начальством по вопросу выделения дополнительных средств

на нужды производства ему не приходилось, и его не испугала огромная сумма затрат на новую технологию. А именно этот факт и тормозил не один год технический прогресс по проблеме качественного обогащения железных руд.

Однако такой эпизод в его трудовой биографии сыграет для Николая Никифоровича определенную роль. Спустя некоторое время Лукьянчикова назначают начальником отдела перспективных разработок и технико-экономического анализа. Ему всего тридцать три года, а под его началом шестьдесят сотрудников, среди которых немало умудренных профессиональным и жизненным опытом специалистов. А строить отношения с людьми — это куда сложнее и ответственнее, чем пробивать новую технологию. Результат здесь зависит от того, как ты себя с людьми поставишь. Но Лукьянчиков и тут долго не размышлял. Он на свой счет иллюзий не имел, свои возможности и недостатки ему были известны лучше любого, а интересы дела ставил превыше всего. Так что решение молодого начальника отдела определилось для него сразу — у более опытных сотрудников учиться самому, а молодым — помогать, насколько позволяли ему обретенные знания.

Сложившиеся таким образом отношения Лукьянчикова со своими сотрудниками в отделе негласно были оценены и одобрены не только его подчиненными, но и многими руководителями в институте. Хотя догадался об этом Николай Никифорович гораздо позже. Так ведь не ради начальственной похвалы напрягался и волновался Лукьянчиков — ради дела. Вот это и объединяло людей. И когда подошел срок выходить на пен-

сию директору института Павлу Васильевичу Самохвалову — в те времена по достижению шестидесяти лет государственный служащий не мог уже занимать руководящую должность, лишь рядовую, — и директора спросили, где бы он хотел дальше работать, тот ответил категорично: только в отделе у Лукьянчикова.

Конечно, это лестно, когда сам директор института, для всех в недавнем прошлом довольно строгий руководитель, образованный и опытный специалист такого высокого мнения о начальнике одного из ведущих отделов, тем более обоснованного — отдел перспективных разработок и технико-экономического анализа в соцсоревновании всегда занимал передовые места. Но в каком сложном, прямо скажем, положении оказался Лукьянчиков. Что делать и как он должен вести себя теперь с Павлом Васильевичем, своим подчиненным, когда одна мысль об этом вызывала судорожный смех? Однако предпринимать что-то надо было. И однажды Николай Никифорович незадолго перед концом рабочего дня просит его зайти к нему в кабинет.

— Павел Васильевич, — чувствуя внутри какую-то скованность и неловкость, начал Лукьянчиков, — вы только правильно меня поймите, но мне просто необходимо поговорить с вами...

— Знаешь что, Николай, — остановив его движением руки, с улыбкой проговорил Самохвалов, — давай возьмем бутылку, закусить, а там и все с тобой обсудим...

Павел Васильевич все прекрасно понимал и даже сообразил, что с напряженным и взволнованным Лукьянчиковым лучше говорить в неофициальной обстанов-

ке. В человеческом общении существуют барьеры, которые, если не преодолеть с пониманием, могут повредить и делу, и человеку. И позже никаких разногласий у них никогда не возникало, а отеческое отношение бывшего директора и его огромный опыт для Николая Никифоровича оказались незаменимыми. Лукьянчиков до сих пор благодарен Самохвалову за тот разговор.

Из статьи «О будущем России» (газета «Спасение», февраль 1997 г.):

«Мы должны себе четко представлять, что современная мировая цивилизация движется к экологической катастрофе. Население планеты растет, природные ресурсы истощаются, качество среды обитания ухудшается. Загрязняя и уничтожая природу, мы тем самым причиняем ущерб не только самим себе, но и нашим потомкам и несем нравственную ответственность перед ними за продолжение рода человеческого, многообразие и богатство природного мира. Если сейчас не принять срочных мер по кардинальному решению экологической, продовольственной, и энергетической проблем, то в недалеком будущем Человечество может оказаться в такой ситуации, когда уже никакие меры не в состоянии будут спасти его от катастрофы — будет поздно. В первую очередь требуется решение проблем, связанных с обеспечением равновесия в биосфере и ее отдельных экосистемах.

В условиях, когда разрушена старая командно-административная система хозяйствования, а новая еще не создана, Россия имеет реальные предпосылки первой в мире перейти на ноосферный путь развития. Утра-

тив статус бряцающей оружием сверхдержавы, она может стать здесь лидером при неизбежном и желанном переходе всего человечества к ноосфере...

К помощи России народы Европы и Азии не раз прибегали, переживая тяжелые времена и нуждаясь в спасении от претендентов на мировое господство. Она и сейчас, при соответствующих условиях, может оказать человечеству неоценимую помощь при переходе его на ноосферный путь развития».

III

Случались и иные моменты.

Николай Никифорович до сих пор помнит тяжелый взгляд секретаря парткома института «Механобрчермет» Осиповича, когда он прочитал письмо из Москвы от руководства головного института «ЦНИИЧермет». В нем говорилось, что Н. Н. Лукьянчиков прошел конкурс и принят на работу в вышеупомянутый институт, ему будет предоставлена четырехкомнатная квартира в зеленой черте города Москвы.

— Как же ты попал на конкурс, если тебе ни руководство нашего института, ни партбюро разрешения не давали?..

Все получилось совершенно случайно. Будучи в командировке в Москве, зашел подписать какую-то бумагу к директору Института экономики черной металлургии Николаю Федоровичу Склокину. Разговорились, и тогда он предложил работать в его институте. И хотя Лукьянчиков его сразу предупредил, что это вряд ли

удастся, Николай Федорович попросил его только заполнить листок по учету кадров.

— У нас ведь замещение вакантных должностей проводится по конкурсу, — с улыбкой произнес он, — а это история длинная...

Да Николай Никифорович и не надеялся на положительный результат, и вернувшись в Кривой Рог, вовсе забыл об этом. А тут еще письмо из дома получил, отец с матерью приболели. Будучи в командировке в Харькове, заехал в Мерефу, увидел, что дом обветшал, холодно и сыро в хате, вот и решил на зиму перевезти родителей к себе в Кривой Рог. Тесновато, конечно, трое детей у них с Кларой уже было, и бабушка с ними жила, но иного выхода Николай Никифорович не видел. Но однажды, уже ближе к весне, отец как-то сказал ему:

— Знаешь что, Николай, если любишь своих детей — уезжай отсюда. Здесь все в копоти от металлургического завода, синие круги по окнам. Потому и дети на лицо бледные...

Конечно, для Лукьянчикова это не было открытием, тем более не он один страдал от заводских выбросов. Здесь и листва на деревьях серая была с отливом в голубизну. Да как-то по привычке не замечать. Но слова отца, который чувствовал себя день ото дня все хуже — беспокоило фронтовое ранение, Николай Никифорович уже забыть не мог. А недели через две отец умер. Институт выделил автобус для отправки гроба с покойным в Мерефу и материальную помощь. После похорон Лукьянчиков ушел в очередной отпуск, когда и пришло письмо с вызовом из «ЦНИИчермета». Но если раньше Николай Никифорович и не пытался бы настаивать на

переводе в Москву или предпринимать какие-то меры, то теперь, помня предупреждение отца накануне смерти, решил в Кривом Роге не оставаться. Другое дело, что он не знал, как ему поступить, если все-таки руководство ему откажет. А то, что оно его не отпустит, судя по мрачному виду секретаря парткома, Лукьянчиков как бы уже и не сомневался.

— Партбюро будет решать твой вопрос о переводе в Москву, который ты пытался скрыть...

Естественно, решение партбюро было не в пользу своевольного Лукьянчикова. Более того, сообщили об этом в райком партии, и можно было ставить крест на переезд в столицу.

Однако, оказавшись в очередной служебной командировке в Москве, Лукьянчиков все же решился зайти к директору «ЦНИИчермет» Голикову и рассказать, в какой ситуации он оказался.

— Что ж, придется твоему начальству доказать, что ты тоже не бедный родственник...

В присутствии Лукьянчикова Голиков связался по телефону с Министром черной металлургии СССР, с инструктором Отдела черной металлургии ЦК КПСС, а затем и с Кривым Рогом. И вопрос был решен.

В тот момент Николай Никифорович радовался не новому месту работы, а тому, что удастся увезти детей из Кривого Рога. Да только очень скоро понял, что в столице он все-таки действительно бедный родственник. Конфликт назрел неожиданно, и не с кем-нибудь, а с заместителем министра черной металлургии Антоненко. Дело касалось обогащения окисленных руд, из которых извлекать железо было довольно трудоемким

процессом. Обычно такую руду складировали в отвал. И вдруг решение правительства построить новый горно-обогатительный комбинат для окисленных руд для нужд стран Совета Экономической Взаимопомощи, которые в ней тоже принимали участие. Так что объявленная международная стройка «дружбы» была с чистым политическим акцентом.

С технологией обогащения окисленных руд Лукьянчиков был хорошо знаком. Поэтому и крайне удивился такому решению. Будучи экономистом, Николай Никифорович подсчитал, что на базе уже действующих комбинатов по обогащению окисленных руд, разве что с небольшой реконструкцией, можно добиться выхода необходимой дополнительной продукции. То есть решить проблему в несколько раз дешевле. Лукьянчиков пишет свое заключение и отдает руководству. Фактически он выступил против строительства нового комбината, тем самым невольно показав некомпетентность ведущих специалистов Министерства черной металлургии СССР. Хотя здесь сыграло роль обычное «чего изволите?» И вот тут началось. То, что молодой сотрудник, хотя Лукьянчикову исполнилось уже сорок лет, посмел противопоставить себя министерству, решению правительства, не укладывалось ни у кого в голове. За подобную наглость и дерзость могли уволить сразу и без содержания. Лукьянчикову так открыто и было сказано — выгоним. В ответ Николай Никифорович и рубанул:

— А с такими специалистами лучше дела не иметь, себе дороже...

Если Лукьянчиков был уверен в своей правоте, он на попятную никогда не шел. Раз страдало дело — ком-

промиссов он не признавал. Поэтому, недолго думая, пошел «со своей правдой» к директору Института экономики Склокину. Николай Федорович сразу во всем разобрался.

— Не волнуйся, — говорит, — мы тебя в обиду не дадим...

Однако после скандала на прежнее место работы Лукьянчиков вернуться уже не мог. А тут неожиданное предложение из Совета по изучению производительных сил Госплана СССР, где освободилось место начальника Отдела региональных проблем, экологии и природных ресурсов. Николай Никифорович согласился сразу — слишком свежи были в памяти синие разводы от выбросов вредных веществ из труб металлургического завода на окнах его квартиры в Кривом Роге и слова отца. В то время Лукьянчиков и предположить не мог, что его заключение о нерентабельности строительства нового комбината по обогащению окисленных руд окажется на столе Председателя Госстроя СССР Б. Н. Ельцина. Ведь это был их объект. Создается Комиссия по расследованию данного факта, председателем которой назначают Тиграна Сергеевича Хачатурова, а заместителем — Николая Никифоровича Лукьянчикова, кто заварил всю эту кашу. И они доказывают с цифрами в руках, что если даже остановить стройку, то даже с выброшенными на ветер деньгами на это строительство вариант Лукьянчикова все равно будет гораздо экономичнее. Госстрой принимает это заключение и направляет его в Совет Министров СССР. Оно было оглашено в присутствии представителей Госстроя СССР и членов Комиссии Т. С. Хачатурова и Н. Н. Лукьянчикова. В конце совеща-

ния Николай Никифорович не выдержал и подошел к заместителю министра Антоненко.

— Ну и чего вы добились? Столько народных денег угробили...

— Лишний комбинат нашей стране не помешал бы, — засмеялся он. — Так что не чувствуйте себя героем...

Николай Никифорович понял, что разговаривать с ним бесполезно. Да и желания особого теперь он не испытывал. Тем более, что вечером он уезжал в Свердловск в командировку. Но ее ему придется прервать — Совмин СССР срочно вызывал в Москву — Лукьянчикову предложили занять должность начальника Главного управления экономики и организации природопользования во вновь созданном Госкомприроде СССР.

Лукьянчиков уважал и ценил в людях достоинство. Жизнь доказала, что только человек, обладающий достоинством, способен быть честным и неподкупным, никогда не предаст и не продаст. Николай Никифорович жил именно по таким принципам, как и его отец, мать, да и большинство тех, кого он знал.

Родители его были родом из села Берека Харьковской области, из крепкой крестьянской семьи. Здоровьем у них Бог никого не обидел, так что все были физически крепкими. Правда, семья немногочисленная по тем временам — мать Анна Яковлевна, отец — Никифор Дмитриевич, бабушка Прасковья Дмитриевна и дед Дмитрий, но трудились от зари до зари. То, что они жили зажиточно, то есть имели две лошади, две коровы, плуг, дом, власти официально признали в 1933 году, когда решили их раскулачить. Тогда это делалось просто. Подгоняли запряженную парой лошадей бричку, на нее

грузили кое-какие вещи, сажали людей и увозили в неизвестном направлении. Возможно, так и сгинула бы семья Лукьянчиковых в отдаленном глухом сибирском поселении, если бы не помог отец матери. По тем временам он считался человеком заслуженным, участвовал в революции, чуть ли не московский Кремль брал, поэтому ему вскоре удалось добиться освобождения родни, доказать несправедливость примененных к ним «суровых революционных мер». Но дед Дмитрий пережить позора и унижений так и не смог, и вскоре после возвращения из пересыльной тюрьмы помер. Однако дом и скотину Лукьянчиковым после революционной конфискации так и не вернули, и им пришлось переехать на новое место жительства — в село Мерефу, где проживали родная сестра отца.

Правда, впоследствии судьба все расставила по своим местам и воздала каждому по заслугам. В 1943 году Советская Армия освободила от фашистов Харьковскую область. Лейтенант Александр Безлепкин, житель села Берека, и родственник Лукьянчиковых, ненадолго заскочил домой узнать о своих родителях. Здесь и услышал страшную новость — отца его, партизана, немцы повесили по доносу соседа. Ворвавшись к нему в дом, Безлепкин выволок предателя во двор и при стечении народа расстрелял. Никто из односельчан даже не попытался остановить лейтенанта. А спустя какое-то время об этом стало известно и в Мерефе. Колька слышал, как перекрестившись, мать тихо проговорила:

— Вот и нашла его кара Господня. Он ведь нас раскулачивал, изверг...

Однако война оставила и еще один след в душе Николая Никифоровича. Немцы оккупировали Мерефу в 1941 году. Перед уходом на фронт отец недалеко от дома выкопал большую яму, поверх настелил еловый стволыжник, а сверху набросал кучу песка. Сбоку лопатой вырезал ступеньки. «Бомбить начнут, — пояснил он, — прячьтесь в этот блиндаж, авось и пронесет...» И оказался прав. При подходе немцы бомбили Мерефу фактически ежедневно. Смертельная опасность заставляла взрослеть не только детей. Умнели даже животные. У Лукьянчиковых была коза, которая чувствовала прилет фашистских самолетов прежде, чем их можно было увидеть или услышать. И тут же бросалась с бляньем к блиндажу. После нее торопились укрыться мать с бабушкой и Колька. Бабушка Прасковья научила его читать молитвы, и когда наверху адски грохотало и все рушилось, Николай в голос распевал «Отче наш...» и «Да воскреснет Бог и расточатся врази его...» И кто знает, вполне возможно, что именно молитвы, возносимые малым ребенком к Творцу этого мира окаянному, и спасали всех их от гибели...

А после войны дверь их дома никогда не запиралась, потому как в округе все знали — никто, кроме Анны Яковлевны, не излечит от ушибов, вывихов или переломов и даже от родовых повреждений. Была у нее такая сила в руках, но о чем она не любила распространяться. Правда, всегда спрашивала страдальца, крещеный он или нет. Некрещеных лечить даже не бралась, говорила, что просто не сможет помочь все равно. Некоторые после этого шли в церковь и крестились, а потом приходили снова. Денег мама не брала ни с кого,

хотя в ту пору жили бедно, как и все, — и полы в хате глиняные, и лучина в сумерках...

Из статьи «О будущем России» (газета «Спасение», февраль 1997 г.):

«Люди — по мнению древнегреческого философа Сократа — слишком мало ценят сокровище, которым владеют. Они не знают своей души и лишь поэтому оказались беспомощными в мире вещей. Отсюда — и «ужас Рока» и безнадежность». Поэтому, чтобы нам не ошибиться в своих действиях по возрождению России, нужно прежде всего познать ее душу.

Россия является уникальной цивилизацией на Планете, с особым духовным складом русского народа. Он покоится на религиозных началах Православия. Ему присущи такие черты как доброта, сострадание, отзывчивость, желание помочь ближнему, соборное единение и солидарная ответственность. Такие черты русского характера как уживчивость, добронравие и терпимость позволили объединить в нашем государстве множество этносов, проживающих на Евразийском континенте, при сохранении равноправия, многовековой культуры и вероисповедания каждого из них.

Ни одна страна в мире не имеет такого жизненного пространства, такого разнообразия природных ресурсов, богатства национальных культур и устойчивости генофонда, такой истории, как Россия. Историческими корнями нашего народа являются: соборность, высокий дух, патриотизм, готовность к самопожертвованию. Материальная сторона являлась как бы производной от

духовности и уходила на второй план. Это полностью соответствует принципам ноосферного развития».

IV

Выбравшись из метро и вдохнув полной грудью морозный воздух, Николай Никифорович сразу освободился от гнетущей духоты метро, почувствовал себя лучше. Хотя метро тут было вовсе ни при чем. Им овладело непонятное ощущение — словно он лыжник на дистанции, но никак не может дойти до финиша. И сил уж нет, и дыхание сбито, а впереди лишь синь убегающего горизонта...

С таким настроением Николай Никифорович и открыл дверь квартиры. Вошел в прихожую, разделся и тут увидел неслышно появившуюся из кухни жену.

— Ужинать будешь?

— Нет, попозже, мне тут кое-что записать надо, — рассеянно проговорил Лукьянчиков и заспешил к себе в комнату.

Здесь он тяжело опустился на стул и задумался. А ведь он лукавит сам с собой, и ему прекрасно известно, что за усталость навалилась на него. И наплыв воспоминаний — это был не просто прорыв в вожденную молодость, когда характер, сознание своей правоты, уверенность в важности того, что он делает, самой цели, которую он старался достичь, и рождали тот воинствующий дух в нем, который определял его успехи в жизни.

Нет, сейчас Николай Никифорович исходил совершенно из другого, которое до конца пока еще так и не

открылось ему. Он как бы сравнивал самого себя в том далеком и трудном, но по-своему счастливом прошлом, словно бы для того, чтобы понять самого себя в настоящем. И те очень важные перемены, которые происходили в нем и временами так остро ощущались. А вот что толкнуло его на это, Лукьянчиков пока еще определить не сумел. Может, поэтому мысли и прыгали, бросая его то в прошлое, то в будущее, то заставляли рыться в настоящем. Но это не было смятением чувств, скорее происходил необходимый ему поиск причин, дабы верно понять и оценить следствие происходящего, а значит, сделать и правильные выводы. Это был тот самый анализ своего духовного внутреннего содержимого, своего большого «Я», которое он терзал еще со школьной скамьи в соответствии с целями и задачами, стоявшими перед ним.

Правда, сейчас происходил анализ совершенно иного уровня, и это Николай Никифорович тоже отметил. Да, последнее время он действительно испытывал непонятную сердечную маяту, душевную печаль удрученного человека, который надеялся увидеть плоды своего труда, воплощение своих идей, замыслов, проектов. Но оказалось, что те, на кого он возлагал эти надежды, не понимали его или не хотели понять. И не по злобе своей или по причине дурного характера, а в силу заблуждений. Человек очень трудно и неохотно расстаётся со своими иллюзиями. Особенно, если с ними предвидится потеря и части его материальных благ. Нет, то, что творилось с Лукьянчиковым, не было следствием ни его пожилого возраста, ни физической или моральной усталости. То было полностью еще не осоз-

нанный им самим качественный переход на высшую ступень сознания, выразившийся уже иной реакцией на происходящие с ним и вокруг события — человека-мыслителя, философа, сумевшего подняться над эгоистическими желаниями и проблемами, а затем и вместить в себя и оценить понимание, суть происходящих на Земле процессов и осознать себя частью планетарной жизни — не отделимой от нее и зависимой от ее общего состояния. И чем глубже это новое осознание в него проникало, тем спокойнее становился он сам, тише звучал его голос в выступлениях даже с высоких трибун. Он будто доказывал всем древнюю русскую истину: «Не в силе Бог, а в Правде». Ему казалось, что сама жизнь готовила его стать именно экологом, давала проявить себя во всех качествах. Наверное, потому, что судьба преданного своему делу защитника природы трудна и неблагодарна. Испытал все это на себе и Николай Никифорович Лукьянчиков.

В марте 1994 года должны были состояться первые парламентские слушания по концепции перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития. Единственным докладчиком был академик Лукьянчиков, в то время директор института «Экобезопасность». Произошло это, можно сказать, случайно. С председателем Комитета Госдумы академиком Михаилом Яковлевичем Лемешевым он был знаком давно — связывали профессиональные и служебные интересы. Тем более, что человек это был принципиальный и бескомпромиссный, особенно, если вопрос касался охраны природы. Эксперт ООН, доктор экономических наук, профессор, очень авторитетный человек, известный

своими публикациями. Николаю Никифоровичу запомнилось совещание в Челябинске, которое он проводил в 1989 году под эгидой тогда еще Госкоприроды. В виде эксперимента в некоторых областях внедрялась система платежей за загрязнение окружающей среды, чтобы проследить, как они впишутся в действующий механизм регулирования. На совещании присутствовали ведущие специалисты отраслей промышленности, которым Лемешев, Лукьянчиков, Потравный и другие попытались объяснить, что экологические платежи, сборы и налоги — это необходимый инструмент, который позволит экономически компенсировать последствия негативных воздействий на окружающую среду от производств. Выступавшие затем представители министерств — металлургии, тяжелого машиностроения, энергетики — в выражениях не стеснялись. Мол, кто вы такие и что здесь делаете, что за бред несете? Хотите страну оставить без металла? Без энергии?..

По выражению Николая Никифоровича, они тогда в драке шли «стенка на стенку». Правда, Лукьянчиков как-то сдержал себя и на выпады министерских чиновников отвечать не стал. А вот Лемешев не стерпел. Тем более, что его завалили записками из зала, содержание которых сводилось к одному: вы тут заставляете нас принять решение, сами потом уедете, а нам как быть — правительство нас с грязью смешает? Ответом прозвучали гневные слова Лемешева с трибуны:

— Значит, председателя правительства Рыжкова надо отправить в отставку.

Противодействия чиновников оказалось сильным, препятствия чинились со всех сторон. Хотя их понять,

вероятно, тоже можно было. Экономика страны в тот период находилась в стадии трансформации и была настолько слаба, что введение еще одного платежа могло сказаться на прибыли предприятий довольно серьезно. И если бы на том совещании было принято решение о компенсации ущерба в полной мере, то получилось бы как в Костромской области, где плата за загрязнение окружающей среды превысила в 140 раз балансовую прибыль. Но для того и проводился эксперимент, чтобы найти компромиссное решение. И его нашли — предприятия должны были платить экологический налог в размере 7% от балансовой прибыли. Первый практический шаг в охране природы на тот период был сделан. И немалую заслугу в этом надо отнести на долю академика Лемешева.

Когда же Михаила Яковлевича избрали депутатом Государственной Думы и назначили председателем Комитета по экологии, Николай Никифорович как-то при встрече и рассказал ему о своем видении проблемы перехода России на модель устойчивого развития. С подачи Лемешева Лукьянчиков выступил со своей концепцией на заседании Комитета по экологии, и доклад его был одобрен. Тем более, что уже готовились парламентские слушания по данной теме. Естественно, что основным докладчиком на них и стал Лукьянчиков, больше этой проблемой никто так глубоко не занимался. И как только вопрос этот окончательно был решен, Николай Никифорович зашел к министру доложить о своем участии в заседании Госдумы.

Министром экологии и природных ресурсов в то время был В. И. Данилов-Данильян. Он выслушал Лукьянчикова и, усмехнувшись, сказал:

— Ну, что ж, депутатов тоже надо образовывать, просвещать. Это наша служебная обязанность.

Таким словам министра Николай Никифорович нисколько не удивился, он считал Виктора Ивановича своим единомышленником. Но когда комитет решили реформировать в министерство, в правительстве и в Верховном Совете СССР витало в воздухе негласное мнение, что кресло министра по праву должен занять Лукьянчиков. В то время он был уже известным ученым, автором многих публикаций и проектов по устойчивому развитию, под его началом разрабатывался и закон о платежах за негативное воздействие на окружающую среду. Сам Николай Никифорович слухами не интересовался, потому как проблем у него и по службе хватало с лихвой — он занимался разработкой нового природоохранного механизма для России. К тому же опубликовал статью с критикой той экономической политики, которую проводило правительство Гайдара и которая, по меткому замечанию Лукьянчикова, вела страну в небытие.

В свое время Данилов-Данильян уже как-то намекнул Лукьянчикову, что с таким первым заместителем он бы не прочь работать и в министерстве. И вроде в шутку поинтересовался, поддерживает ли Николай Никифорович его кандидатуру на пост министра?

— Так я же не член ЦК и даже не депутат Верховного Совета, — засмеялся шутке Лукьянчиков, — назначить министром не могу.

— Да в Совмине мою кандидатуру вроде как готовы утвердить, — заторопился с пояснениями Данилов-Данильян, — хотя и там недоброжелателей хватает. А вот в Верховном Совете кто-то на меня действительно зуб имеет. Очевидно, кому-то я там дорогу перехожу. А у тебя там, Николай Никифорович, друзья, тебя уважают, ценят. Ты бы не мог поговорить обо мне? Мы бы все твои идеи протолкнули...

Лукьянчиков раздумывал недолго. Тем более, что обязан был помочь человеку, который старается вроде не для себя, а ради дела, ради осуществления проектов, которые действительно могут помочь стране вырваться из тисков кризиса и пойти по новому, своему пути развития. И к мнению Лукьянчикова депутаты Верховного Совета СССР прислушались — кандидатуру В. И. Данилова-Данильяна утвердили министром экологии и природных ресурсов СССР.

Правда, Лукьянчиков в тот момент не знал лишь одной небольшой детали — Данилов-Данильян, о котором он так хлопотал, был выдвигенцем Гайдара, экономические реформы которого Николай Никифорович подвергал резкой и обоснованной критике. Однако об этом факте ему еще предстояло узнать.

Перестройка все туже затягивала петлю — развалился Советский Союз, расстреляли Верховный Совет, в общем, как тогда шутили, перестройка плавно перешла в перестрелку.

За день до парламентских слушаний Данилов-Данильян позвонил Лукьянчикову и тоном, не терпящим возражений, заявил:

— Я вам запрещаю завтра выступать с докладом в Думе. Нам надо решать насущные проблемы, а не проектерством заниматься.

— А что случилось? — Николай Никифорович ничего не понимал, ошарашенный не столько словами министра, сколько его угрожающим тоном. — На слушания приглашены ученые, руководители регионов...

— Предупреждаю, не снимете свой доклад — вас уничтожат.

И вот тут Лукьянчиков понял, что с ним не шутят. Дрожащей рукой он набрал номер телефона Лемешева, но его секретарша прощebetала, что Михаил Яковлевич срочно улетел в Париж и вернется только через неделю. А ведь Лемешев должен был председательствовать завтра на парламентских слушаниях вместе с Астафьевым. И тогда Николай Никифорович поехал в Госдуму. В кабинет председателя Комитета по природным ресурсам и недропользованию он вошел сам не свой. Только и сказал, что министр потребовал от него снять свой доклад на завтрашних парламентских слушаниях.

Астафьев сразу все понял.

— Ну а вы? — тихо спросил он.

— Если поддержите...

— Значит, повестку дня менять не будем...

Доклад свой Лукьянчиков прочитал. Но после него сразу попросил слово Данилов-Данильян. Министр в выражениях не стеснялся, обвиняя докладчика в том, что он проталкивает свои надуманные, нежизненные идеи, прекрасно понимая, что они не осуществимы. Более того, отвлекает депутатов Госдумы и правительство от решения насущных задач...

Что думают по этому поводу приглашенные на слушания ученые или сами депутаты, Данилова-Данильяна уже не интересовало. Сойдя с трибуны, министр покинул зал заседаний, всем своим видом показывая, что считает это пустым препровождением времени.

Из Рекомендации парламентских слушаний «О концепции перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития» от 22 мая 1994 года: «Исходя из результатов обсуждения принимается следующее решение.

Рекомендовать Правительству Российской Федерации использовать материалы Концепции при разработке федеральных мероприятий по реализации Указа Президента Российской Федерации от 04.02.94 г. № 236 «О Государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития», Национального плана Российской Федерации по охране окружающей среды и развитию в соответствии с рекомендациями Конференции ООН (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.).

Считать целесообразным проведение экспериментального опробования предложенной модели в одном из крупных регионов Российской Федерации (Удмуртская Республика).

Рекомендовать осуществить финансовую поддержку мер по экологизации экономической реформы, в том числе по линии федерального бюджета, созданием Экологического банка России, сохранением системы внебюджетных экологических фондов.

Считать необходимым включить в состав государственных программ, имеющих приоритетное значение, следующие экологические программы: «Экологическая безопасность России», «Родон»; «Федеральная система экологической (природоохранной) сертификации»; «Федеральная система территориальных комплексных кадастров природных ресурсов»; «Совершенствование экономического механизма природопользования в условиях рынка».

Государственной Думе предусмотреть разработку и принятие законопроектов, обеспечивающих создание механизма рационального использования природных ресурсов России и перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития: «Об экологической (природоохранной) сертификации», «Об экологическом страховании», «Об учете природных ресурсов и ведении комплексных территориальных кадастров», «Об экологических ограничениях на хозяйственную и иную деятельность», «О комплексной эколого-экономической экспертизе и оценке воздействия на окружающую природную среду», «Об особо охраняемых природных территориях», «О государственной монополии внешней торговли на стратегические виды сырья и энергоресурсов».

Создание законодательной базы и нормативно-правового обеспечения перехода на модель экологически безопасного и устойчивого развития представляет собой долговременный процесс, включающий в себя цели как краткосрочного (1994-1995 гг.), так и долгосрочного (1996-2000 гг.) периодов».

Да, «стенка на стенку» — это серьезно, с улыбкой подумал Николай Никифорович. А ведь никто и не подозревает, что за этим выражением не метафора скрывается, а сама жизнь. Но попробуй скажи кому, что Лукьянчиков в молодости в жестоких уличных драках участвовал, вряд ли кто поверит. Правда, Николай Никифорович и сам не любил вспоминать подобные подробности своей биографии. Да куда денешься, тоже ведь постигал жизненную науку. Возможно, совсем не зря...

Послевоенный город Мерефа слыл бандитским, судя по милицейским сводкам Харьковского областного УВД. Земля хранила столько оружия, что игры меревянок пацанов мало чем отличались от настоящих фронтовых действий. Часто раздавалась автоматная стрельба, взрывы гранат, иногда имелись погибшие и раненые. Хотя и по мальчишеской дурости или неосторожности. Что уж говорить о тех, кто и не думал добывать свой хлеб насущный честным трудом. Вооруженные налеты и ограбления случались нередко, и сбиться на преступную дорожку можно было легко.

Николая Лукьянчикова судьба хранила и от преждевременной смерти, и от кривой дорожки. Однажды прибежал поутру его двоюродный брат Иван, который был старше его, показал две гранаты и позвал на речку рыбу глушить. Бабушка Прасковья полола на огороде грядки, мама ушла на работу, так что никто помешать им не мог. Да бабушка заметила сорванцов и прикрикнула на Кольку — мол, вместо того, чтобы по улице

днями шастать, лучше бы на огороде помог. И как не упрашивал он ее, бабушка его на речку так и непустила. Словно чувствовала, что там беда подстерегает. А вот Ивана удержать не смогла. Потом они услышали глухой взрыв. Как оказалось, гранаты взорвались в руках у Ивана, от него фактически ничего не осталось.

Позже, будучи уже старшеклассником, у Николая появилась и своя компания. Кучковались они вокруг сорви-головы, участника всех драк и грозы Мерефы Виталия Шеховцова. Закривидорога Иван, Коновальчук Евгений, Кривошей Виктор, Калашник Владимир...

Летом не раз они добывали на колхозной бахче арбузы и дыни, а вечерами ходили в кино и на танцы. С ними были и девчонки — Михайлик Нина, Козовник Раиса, Кривошей Антонина, Шейко Александра. Все из родной Мерефянской средней школы № 1.

Изредка танцплощадку посещали и блатные. Они больше куражились, показывали свою власть и пьяную удаль. Ребята с ними не связывались, но однажды пришлось.

В тот вечер блатные появились на танцплощадке где-то уже к концу и бесцеремонно вклинились в толпу танцующих. Парней после войны было мало, и многие девушки танцевали друг с другом. Вот блатные их и разбивали. Отказаться было нельзя, потому терпели. И не только они, но и другие, которых эти ухари нарочно задевали, толкали, довольные нагло усмехались и всячески провоцировали на драку.

Николая ощутимо задели, когда он танцевал со знакомой и что-то ей рассказывал. И скорее автоматически, нежели с какой-то целью, бросил через плечо:

— Поосторожней.

— Смотри-ка, Бил, — сразу раздался веселый голос с простудной хрипотцой, — фраерок на авторитетных бочку катит.

В этот момент танец закончился, замолчал духовой оркестр, и все столпились вокруг блатных и Николая, оказавшихся в плотном кольце толпы. Лукьянчиков сразу заметил, как высокий парень с прыщавым лицом, лоб которого закрывала косая челка, не спуская с Николая безжалостных прищуренных глаз, быстро сунул руку в карман. «Нож»- догадался он и сразу понял, что рука у этого бандита не дрогнет, зарежет. И уже не раздумывая, едва тот шагнул к нему, ударом в челюсть вырубил его. Благо опыт был, боксом занимался больше года, ну а практиковался, когда ребята с Козивки громили пацанов с Оболони. Так что рука была набита. В этот момент Николай опасался лишь одного — как бы его друзья не полезли в драку, особенно Виталий Шеховцов не сорвался бы или горбун Куталья. Тогда бы дело точно закончилось кровью и трупами.

Однако ребята, видимо, сообразили сразу не лезть. Тем более, что блатные от длинного худого фраера такой резвости явно не ожидали. И пока Бил приходил в себя, медленно соображая, как он мог очутиться на земле, второй попытался «сделать ноги», чтобы крикнуть свою кодлу на подмогу. А этого допускать было нельзя. И только тот ринулся было в сторону, как получил удар по ногам и растянулся на земле рядом с уже почти оклемавшимся и побледневшим от ярости и злобы Билом.

— Ну все, падла, на лоскуты порежу, — прохрипел он, поднимаясь и выхватывая нож.

Николай понял, что ему не сдобровать, но бежать не собирался. Бесплезно, зато позору на весь город.

— А ну постой, Бил.

Лукьянчиков обернулся на голос и увидел спокойно пробиравшегося сквозь немую толпу Павло Буряковского, пользовавшегося у бандитов города авторитетом из-за известности своего брата — чемпиона Украины по боксу. Хотя и сам был неплохим боксером и лыжником.

— Слушай сюда, Бил, — негромко сказал Павло, — тронешь Кольку, клянусь, зарежу.

Бандит ничего не успел ответить, как рядом с Буряковским возник парень пониже его ростом да и в плечах узковат. Однако голос его прозвенел металлом.

— Ты, Бил, слышал или повторить? Перестреляю всех, как щенят...

Глаза бандита вдруг забегали, он ослабился, сунул нож в карман и, кивнув другому, вразвалочку пошел прочь.

Заиграл оркестр, толпа снова рассыпалась по танцплощадке, а ошеломленный происшедшим Николай не успел даже спасибо сказать своим спасителям — они исчезли быстрее, чем появились. В этот момент к Лукьянчикову подошел Олег, сосед, и шепнул:

— Уходи, что-то Бил со своими шустрит, как бы чего не вышло...

Через несколько дней вечером Олега поймали на пустыре, жестоко избили и порезали. Недели две он провалялся в больнице.

Шло время, и Николай уже начал забывать про инцидент на танцплощадке, полагая, что на этом дело и закончилось. Но ошибся. Конечно, он предполагал, и совершенно справедливо, что избить его могут запросто, потому и не скрывался, и на танцы продолжал ходить. Его никто не трогал. А вот что не зарежут — был уверен. Не решатся, их предупредили.

Однако то, что вскоре произошло, Лукьянчиков до сих пор вспоминает с содроганием. Поздним вечером он вместе с друзьями Степаном и Славкой шли со станции. И когда переходили железнодорожные пути у темного тупика, их окружили человек десять. Не местных. Николая схватили сразу, скрутили руки и оттащили в сторону, к вагонам. Друзей его пока не трогали, очевидно, ждали сигнала вожака. Это был светловолосый, крепко сбитый парень, он дымил папиросой и с усмешкой, изучающе смотрел на Лукьянчикова. Потом издевательски медленно произнес:

— Кольку мы не тронем, мы его слишком уважаем, чтобы бить. Но пусть он на своих друганов закадычных поглядит со стороны, как они страдают за него. Воспитание фраеров, так сказать, наглядным примером, — и подмигнул своим. Те разом набросились на ребят и опрокинули их на землю. Били жестоко и молча, исполосовали ремнями в кровь.

Николай от такого зрелища просто озверел, его с трудом удерживали трое. Смысл изуверской выходки бандитов Лукьянчиков понял потом. Они хотели, чтобы друзья за это его же и возненавидели. Но бандитская психология не сработала — товарищи все понимали.

За свою жизнь Николай Никифорович только дважды вспоминал этот случай, когда бессилён был перед обстоятельствами что-либо сделать, чтобы исправить положение. Один из них — после выступления Данилова-Данильяна в Госдуме.

Люди бывают всякие во все времена — и негодяи, и подлецы, воры и авантюристы, льстецы и подонки разных мастей. Кто по слабости характера, кто в погоне за материальными благами, а кого ломала сила. Важно всегда было другое — как к таким людям относится общество. Если не хочет замечать их бесчестные поступки, снисходительно к порочным проявлениям, либеральничает, не наказывает, не осуждает публично, находя всяческие оправдательные мотивы их низости и бездушия — то и разрастается эта масса словно плесень в сырости. Развратить всепрощением можно кого угодно легко и быстро, воспитать человека созидательного, ценителя прекрасного, доброго и образованного, нравственно цельного — куда сложнее. И время нужно, да и немалые усилия приложить и терпение. Это когда хорошие люди обществу нужны...

Может, именно это и осознав, понятие «стенка на стенку» у Лукьянчикова позже ассоциировалось уже с любым невольным противостоянием властям, партийным функционерам, с борьбой против невежественных или лживых «идейных» чиновников, откровенных хапуг или людей без принципов. Потому что он никогда не был в одиночестве, рядом всегда оказывались честные люди, которые тоже пытались сдерживать удары тех, кто предавал национальные интересы России. Хотя поначалу приходилось и в одиночку — при негласной

поддержке сочувствующих. Достаточно вспомнить Международное семинар по развитию черной металлургии в развивающихся странах, который проходил в Турции...

Из статьи «Возможны голод и экологическая катастрофа — как спасти от них народы России?» (газета «Зеленый мир», № 11-12, 1992 г.):

«Народы России — на краю пропасти, и самое время всем нам вспомнить сейчас заповедь Божию, гласящую: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их». Самое время спохватиться — и не «уподобиться человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот и он упал, и было падение его великое» (Библия, от Матфея, гл. 7). Страна разваливается, народ обнищал, резко обострились национальные противоречия, продолжается ухудшение среды обитания...

Выход из экологического и экономического кризисов следует искать прежде всего в решении проблемы рационального использования природно-ресурсного потенциала России. Необходимо пересмотреть ценовую и таможенную политику в отношении экспортируемого сырья в зарубежные страны, в том числе и в страны СНГ; провести экономическую оценку природных ресурсов; ввести платное природопользование; провести зонирование территории с указанием режимов природопользования; создать рынки природных ресурсов, а также

потенциальных сырьевых топливно-энергетических и других материальных ресурсов».

VI

Заканчивалась посадка на самолет местной авиалинии «Стамбул-Измир». Удобно устроившись в кресле, Лукьянчиков наконец-то вздохнул с облегчением — сегодня они будут в Чешме, где и должен был состояться Международный семинар по проблемам черной металлургии для развивающихся стран. Последнюю неделю нервы пришлось помотать. Сначала неожиданным для него оказалось решение руководства института «ЦНИИчермет» послать его на этот семинар вместе с двумя другими сотрудниками в качестве руководителя делегации. Потом утверждение на партбюро, в райкоме партии, затем беседа в ЦК КПСС, где пришлось не только выслушать наставления, как нужно было вести себя за границей, но и подписать бумагу, что с таковыми правилами ты ознакомлен. Да все бы это было ничего, понятно, как смотрят на советских людей за рубежом, если бы не одно «но». В то время в стране шла компания за трезвый образ жизни, и инструктор Отдела черной металлургии ЦК КПСС, доброжелательный и улыбочивый, все втолковывал Николаю Никифоровичу, что и в Турции, будучи на Международном семинаре, где непременно устроят банкет для участников, надо тоже пропагандировать наш советский трезвый образ жизни. Иначе говоря — не употреблять спиртного категорически.

Вообще-то Лукьянчиков спиртным никогда не злоупотреблял — все-таки в недалеком прошлом спортсмен, да и спортивную форму поддерживать привык. Однако, оказавшись в хорошей компании никогда от рюмки не отказывался. Не монах, не чинуша или карьерист, да и чувствуешь себя не так скованно. А тут совсем не пить...

Однако с этой мыслью пришлось смириться, втайне надеясь, что, возможно, на таком серьезном совещании, где будут присутствовать ученые с мировыми именами, с такой насыщенной программой и вообще банкетов не будет. Все они летели за границу первый раз и, естественно, многого не знали. В стамбульском аэропорту, где делегацию, как и положено, встречал представитель советского полпредства — приятный и общительный молодой человек.

— Сергей Иванович, — представился он, — можно просто Сергей...

И сразу повел их обедать в ресторан, потому как самолет в Измир вылетал вечером. Но когда во время обеда он предложил выпить, поднять тост за встречу на турецкой земле, они смущенно начали дружно отнекиваться.

— Да знаю я, что у вас там в Союзе творится, — рассмеялся Сергей Иванович. — Никто об этом не узнает. Да и расслабиться вам необходимо. По пять грамм, как говорится...

Они выпили за встречу, за родину, потом поехали в аэропорт и там тоже пропустили по рюмке за успешное участие в семинаре... Однако на сердце у Лукьянчикова все же было беспокойно. Скорее бы уже объявляли

взлет, и можно было бы вздремнуть, как вон его товарищи...

— Господин Лукьянчиков, вас и вашу делегацию ожидают в аэропорту представители советского посольства. Просим вас освободить самолет. Повторяю...

Николай Никифорович сначала даже не понял, что речь идет о нем и его товарищах. Хорошо повторили сообщение. Но когда до него дошел смысл услышанного, Лукьянчикова бросило в жар. Вот и отпраздновали встречу на турецкой земле, пронеслось у него в голове, этот общительный представитель, очевидно, специально спровоцировал выпивку за столом, и теперь их высаживают, чтобы отправить назад в Москву. Нас проверяли на моральную устойчивость, а мы даже не сообразили этого. Чем все может для него закончиться — и гадать не надо было...

Они выходили из самолета и шли к стеклянному зданию аэропорта, ничего не видя и не слыша вокруг — мрачные и подавленные. И лишь оказались в зале, как к ним подошли двое — высоких, крепких, серьезных. Извинившись, один из них вполголоса пояснил, что по заведенному порядку вашу делегацию должны были встречать в Измире и сопровождать ее до Чешмы — места проведения Международного совещания. Однако получилась нестыковка в действиях, и встретить вас смогут в Измире только завтра. Поэтому вылет отложен на утро, переночевать им придется в отеле — номер забронирован...

Никогда еще Николай Никифорович не чувствовал себя таким счастливым.

На следующий день в прекрасном настроении они подъезжали к великолепному пятизвездочному отелю «Золотой Дельфин» на берегу Эгейского моря. Перед входом в отель стояла «золотая» скульптура дельфина с мальчиком. Оказалось, что существовала легенда, по которой в стародавние времена мальчик упал в море, но его вынес на берег дельфин и спас. А благодарные жители в память об этом случае и поставили дельфину памятник.

Отель встретил Лукьянчикова шумом и суетою, множеством известных в научном мире имен, богатых бизнесменов с их элегантными секретаршами, послов различных стран и бесцеремонных телевизионщиков. Здесь все чувствовали себя непринужденно, разноязычная громкая речь и смех слышались отовсюду. Все это было непривычно и даже странно. Николай Никифорович все время ощущал внутри себя некоторую скованность, совершенно не представляя, как себя вести в таких случаях, тем более после предупреждений в ЦК и пережитом волнении в самолете. И правильнее всего, как решил Лукьянчиков, это не высовываться, тихо сидеть в зале и не думать, цепенея, о возможном банкете.

Однако с первой минуты пребывания на Международном семинаре, судьба приготовила Николаю Никифоровичу испытание, о котором не только он сам не помышлял, но и все умники в ЦК КПСС и КГБ не смогли его даже предположить. В фойе у стола, за которым сидела симпатичная мулатка и регистрировала участников семинара, Лукьянчиков лишь назвал свою фамилию, как рядом, неизвестно откуда, оказался черноволосый полноватый мужчина во фраке с бархатным галстуком-

бабочкой и на русском языке с сильным акцентом сказал:

— Господин Лукьянчиков, мы рады приветствовать вас на нашем симпозиуме. Вчера состоялось заседание оргкомитета, на котором предложено было назначить лидером дискуссии руководителя советской делегации. Дискуссия состоится завтра, а вы, господин Лукьянчиков, по всем вопросам можете обращаться в оргкомитет...

Николай Никифорович так разволновался, что даже не ответил учтивому распорядителю. Он даже не представлял, что такое лидер дискуссии и что он должен делать. А оказаться таким русским медведем на виду всего мира очень не хотелось. Все волнения его по поводу пить или не пить теперь казались мелочными до умопомрачения. Услышав у соседнего стола русскую речь, Лукьянчиков оглянулся и увидел знакомое лицо, очевидно, ученого из Москвы, но кто это — вспомнить не мог. Он просто подошел, представился и попросил, не таясь, объяснить ему, что такое лидер дискуссии и что он должен делать.

— Честно говоря, я и сам толком не знаю. Что-то вроде председательствующего на партсобрании. Ну как вести его, вам, наверное, объяснять не надо...

В отдельном одноместном номере, куда его поселили, Лукьянчиков не мог найти себе места. Насколько он понял, ему предстояло вести заседание, на котором известные ученые и руководители крупнейших фирм будут обсуждать серьезнейшие вопросы, стоящие перед металлургической промышленностью во многих странах. И если опростоволосишься, то не только себя

подведешь, но и страну опозоришь, которую представляешь. А это уже политика.

Однако вскоре Николай Никифорович все же сумел взять себя в руки и сразу вспомнил совет обращаться в оргкомитет международного семинара. Найти его не составляло труда — везде по коридорам были наклеены указатели. Здесь он попросил услужливых турчанок подготовить ему короткую справку по списку о каждом из выступающих завтра на дискуссии, о его научных работах, открытиях, предложениях и т. д. Ему пообещали, и он отправился в номер. Однако заснуть ночью так и не смог, все переживал. Подобной ответственности на него еще никто не возлагал. А мысли лезли в голову всякие.

Утром перед заседанием Лукьянчиков получил в оргкомитете подготовленную справку о выступающих и уже почти успокоенный пошел в зал. Усевшись в первом ряду, он одел наушники для синхронного перевода и стал ждать своего часа. Сначала организаторы семинара зачитали приветствия глав государств и правительств ряда стран, а затем распорядитель сказал, что теперь для дальнейшей работы семинара им необходимо выбрать лидера сегодняшней дискуссии. И окинул переполненный зал вопрошающим взглядом: какие, мол, будут предложения.

«А ведь точно как на партсобрании», — с изумлением подумал тогда Николай Никифорович и вдруг совсем успокоился. Кто-то на немецком языке предложил кандидатуру руководителя советской делегации, и все сразу захлопали. Возражений не было. Лукьянчиков поднялся на сцену, ему представили слово и он оказался один на один с залом. Вспышки фотокамер коррес-

пондентов газет, телевизионщики... И тут, очевидно, у него сработала психология спортсмена-лыжника — оказавшись на дистанции, думать только о победе. От него сейчас ждали вступительного слова, и Николай Федорович его сказал — поблагодарил за оказанное доверие и высокую честь вести такое представительное собрание, обрисовал точку зрения советских ученых на некоторые спорные проблемы, а потом перешел к списку выступающих. Прежде, чем объявить имя ученого, Лукьянчиков кратко излагал основные даты его научной биографии, какими трудами знаменит, основные темы исследований, над чем работает сейчас... Каждого выступающего после такого представления встречали овациями. Во время доклада Николай Никифорович записывал в блокнот поднимаемые в нем наиболее значимые проблемы и предлагаемые решения.

— Какие будут вопросы к докладчику? — объявил он и, увидев десятки рук, с улыбкой сказал: — Ну, здесь, наверное, мы сначала предоставим слово дамам...

Во время перерыва на обед и после завершения дискуссии к Лукьянчикову подходили многие из участников семинара, поздравляли с успешным ведением дискуссии и удивлялись, что в Советском Союзе так хорошо знают не только научные работы зарубежных ученых в области металлургии, но и практические достижения известных фирм.

Лукьянчиков и сам был доволен ведением дискуссии, но более всего тем, что показал всему миру — советские ученые знающие специалисты, умеющие ценить зарубежный опыт, и сотрудничать с ними не только можно, но и взаимовыгодно.

Правда, волнения вымотали его за день, и Николай Никифорович мечтал лишь добраться до своего номера и отдохнуть. Однако ему не дали. Всех пригласили в банкетный зал. Как тут же выяснилось, во все дни работы семинара каждый вечер какая-нибудь фирма устраивала для участников банкет. Отказаться было невозможно, тем более Лукьянчикову после такого удачного дебюта. И опять перед ним встал вопрос: что делать, как себя вести? Снова в памяти всплыл эпизод высадки из самолета и страх, переполнявший, казалось, до краев.

В огромном ресторанном зале играла музыка, танцевали полуобнаженные турчанки, многие сидели за столиками, но большинство обходилось шведским столом, более пригодном для свободного общения. Лукьянчиков со своими товарищами сидели за столиком, но к спиртному не притрагивались. Однако длилось это всего несколько минут. К ним стали подходить, предлагать тосты за советских ученых, науку, за помощь развивающимся странам, и тут уж вырисовывался более серьезный вопрос: как выдержать такую нагрузку. Но и здесь советская делегация оказалась на высоте...

Вернувшись в Москву, Лукьянчиков доложил руководству и партбюро о результатах научной командировки, а для Отдела черной металлургии ЦК КПСС написал целый отчет. Однако инструктор читать отчет не стал, а уставившись на Лукьянчикова своим пронизывающим взглядом, спросил:

— Ну а как насчет пропаганды советского трезвого образа жизни? Вели себя достойно? Или все-таки не удержались, выпили на банкете?

— Видите ли, — не стал юлить и лукавить Николай Никифорович, — я всегда считал и считаю, что обязанность моя, как научного работника, состоит в том, чтобы на международном совещании показать себя знающим профессионалом, специалистом высокого класса, чтобы о советских людях складывалось за рубежом именно такое мнение. И я не считаю очень уж важным, выпил кто-то из нас на банкете или нет. За себя могу сказать — выпил. За дружбу, за помощь развивающимся странам, за советскую науку.

— Не надо кичиться этим, вы же вели себя неправильно, — инструктор аж лицом потемнел. — Партия и правительство объявило борьбу с таким негативным социальным явлением, как пьянство, а вы, коммунист, едете за границу и там на глазах у мировой общественности показываете, что для вас решения партии — пустой звук. Без последствий такое ваше поведение не останется...

Лукьянчиков понял, что дни его работы в институте сочтены. В тот момент он испытывал фактически то же самое, что пережил у пустынного железнодорожного тупика на станции Мерефа, когда бандиты истязали его друзей, а он извивался у них в руках, не имея возможности ничего предпринять. Паскудное это чувство — бессилие перед обстоятельствами, порождаемыми тупыми бесчеловечными служаками.

Последующие дни его работы в институте прошли напряженно, в режиме ожидания вызова в партком или к директору института для вынесения приговора. И такой момент наступил. Однако в кабинете директора

больше никого не было, да и сам он оказался довольно миролюбиво настроенным.

— Читал твой отчет, читал. Толково все схватил, самую суть. Надо будет на совете тебе выступить с более подробным изложением всего того, что происходило на том семинаре. Кое-что даже надо будет принять на вооружение.

— Так ведь инструктор ЦК сказал мне...

— По поводу выпивки на банкете? — поморщился директор. — А кто тебя за язык тянул? Иногда, братец ты мой, надо и мозгами шевелить. Успокойся, продолжай работать, вопрос этот уже закрыт. На, читай...

Из официального письма руководителя секции черной металлургии Отдела промышленности и техники Европейской экономической комиссии Б. Ру-Фуйе:

«Уважаемый господин Лукьянчиков!

Это письмо касается Семинара по потребностям черной металлургии в странах ЕЭК, находящихся в экономическом отношении на уровне развивающихся, который состоялся в Измире/ Чешме (Турция), 5-9 мая 1986 года.

Я хотел бы поблагодарить Вас за умело организованную и проведенную дискуссию, так же как и за подведение ее итогов, во время рабочей сессии по ассортименту выпускаемой продукции, рынкам, торговле и сотрудничеству.

Настоящий Семинар явился одним из наиболее успешных мероприятий, проходящих по эгидой ЕЭК, событием, важность которого признана не только секретариатом ЕЭК, но и специалистами, участвовавшими в

работе Семинара. Своим успехом Семинар в большой степени обязан очень качественной и высокопрофессиональной работе лидеров дискуссий.

Мы надеемся на дальнейшее совместное сотрудничество во всех областях деятельности Комитета по черной металлургии...»

VII

... — Может, тебе сюда чай принести?

— Что?

Николай Никифорович рассеянно взглянул на возникшую в дверях жену и машинально кивнул.

— Только...

— Не очень крепкий и не горячий, — со вздохом закончила за него Клара Георгиевна и, приблизившись к столу, обреченно проговорила: — Коля, ну ты можешь хоть на время забыть про свое устойчивое развитие? Ноги ведь протянешь.

— Ну, извини, — виновато взглянул он на жену, — припомнилось тут кое-что...

Клара Георгиевна мягко опустилась в кресло и, лукаво прищурившись, как можно серьезнее сказала:

— Я вот тут кручусь целый день на кухне и, знаешь, тоже пришла к определенному выводу. Хочешь знать, к какому? А к тому, что основа твоего устойчивого развития — все-таки крепкая семья.

— Это ты к чему? — не понял Николай Никифорович.

— Да все к тому же... Не так давно по телевизору показывали очередной круглый стол. Собрались фило-

софы, социологи, истории... И знаешь, какую проблему они обсуждали? Будущее семьи в России. И доказывали бедным зрителям, что таковая ячейка общества сейчас уже не играет положительной роли, как раньше. То есть, в прямом смысле отмирает, а получается — не нужна. Мешает людям жить, обременяет слишком тяжелыми обязательствами перед детьми, женой, родственниками... Вот так-то.

— Ты это серьезно? — подозрительно взглянул на жену Николай Никифорович, не веря в услышанное. Может, шутит? Хотя не заметно. И в свойственной ему манере уточнил: — А к чему ты об этом заговорила?

— Эх, Коля, — безнадежно махнула рукой Клара Георгиевна. — Вот твоя мать, Анна Яковлевна, царство ей небесное, институтов не кончала, а мудрая была женщина и хорошо это понимала, — увидев изумленные глаза мужа, она засмеялась, потом легко поднялась и пошла к двери.

— Сейчас чай принесу...

И только тут до Николая Никифоровича дошло, что Клара имела в виду, вспомнив вдруг его мать. И не мог удержаться от улыбки...

В центре Мерефы находился старый пруд, который зимой замерзал, и ребята катались там на коньках. Днем ставок, как местные называли каток на пруду, кишел малышней, особенно в зимние каникулы, поэтому ребята постарше приходили на пруд вечером. Пристрастился к такому спорту и Николай, приезжавший домой после сдачи экзаменов на зимней сессии. И в тот год, появившись в Мерефе, первым же вечером наточил коньки и отправился на пруд. Надеялся не только пока-

таться вдоволь, но и встретить кого-нибудь из друзей, если повезет.

Уже стемнело, когда он подходил к пруду, и сразу заметил одинокую фигуру, которая спринтерски гоняла по кругу. «Вот и повидался», — сразу упало настроение у Лукьянчикова. Но кто же это был? Явно спортсмен и катался на беговых коньках, которых не имел не только Николай, таких в городе по пальцам пересчитать можно было. Подгоняемый любопытством, он быстро одел коньки и бросился наперерез, однако догонять спортсмена не пришлось. Сам остановился. Он подъехал и обомлел. Девушка — симпатичная и незнакомая, в облегающем спортивном костюме, на голове шапочка. Чтобы как-то скрыть неловкость, спросил, кивнув на коньки:

— Спортом увлекаетесь? Наверное, разрядница...

— Ага, — поддакнула она и прыснула со смеху, отчего покрасневшие щеки ее вспухли, сделав выражение лица лукавым и немного кокетливым, — в шахматы играю. Для справки — на стекольном заводе, где я работаю прядильщицей стекловолокна, равных мне нет. Не верите?

Николай не только юмор ценить умел, но и такую черту характера, как общительность, особенно у девушек. Да и сам сразу почувствовал себя легко, скованность куда-то исчезла.

Девушку звали Клара.

Потом они еще несколько раз встречались. Николай узнал о своей знакомой почти все. До войны семья их жила в городе Лебедин Сумской области. Отец был артистом Лебединского драматического театра, мать

работала в библиотеке. Началась война, и отец ушел на фронт. Вернулся с осколком в легких. Семью свою нашел у знакомых — дом их сгорел от прямого попадания бомбы. Надо было строиться заново, но из-за ранения отец чувствовал себя очень плохо. Поэтому и лег в больницу, чтобы извлекли злосчастный осколок, однако во время операции умер.

Они уехали в Богодухов Харьковской области — мать, бабушка и Клара. Но работы там не нашлось, жить было не на что, и, вняв советам добрых людей, они переехали в санаторий Шаровка, бывшее имение немецкого сахарозаводчика с аллеями из столетних дубов и красивейшими прудами. Рассказывая об этом, Клара просто светилась от восторга. Здесь она и закончила школу. Пыталась поступить в Харьковский автодорожный институт, но не прошла по конкурсу. Надо было решать, как жить дальше. Клара пошла работать на Мерфянский стекольный завод, а учиться стала заочно в Херсонском текстильном институте. Жизнь вводила свои коррективы. Зато сейчас она уже на третьем курсе...

В общем, их еще короткие судьбы были в чем-то даже схожи. Отец Николая вернулся с фронта тоже раненым, но в руку. Зато живой, потому как из той кутерьмы, в какую он попал в декабре 1941 года, из целой роты лишь единицы остались живы. И день 19 декабря, в праздник Святого Николая Угодника, когда это случилось, отец после войны отмечал как свой второй день рождения. Их привезли на передовую под утро. А вскоре последовал приказ взять штурмом узловую железнодорожную станцию. Перед наступлением, словно

чувствуя, что вряд ли он останется в живых, отец молитвенно стал просить: «Святой Николай Угодник, у меня есть сын Николай, спаси меня ради него...» И когда бойцов подняли в атаку, а никто не хотел идти вперед, отца будто кто подтолкнул. И он вместе с товарищем побежал. Красноармейцы только успели развернуться цепью в глубокой снежной целине, как немцы открыли губительный пулеметный огонь. В это время отец с другом уже был недалеко от немецких окопов. Они зарылись в снег, а когда огонь поутих, оглянулись — а от роты их и в живых-то фактически не осталось никого. Они начали пробиваться к своим, да напоролась на немецкий танк. Когда в открывшемся люке появились фашисты, они расстреляли их. И тут немцы стали класть вокруг них мины. Погибает друг отца, а ему осколок пробил ладонь. К своим отец все-таки вышел, там и узнал, что из трехсот бойцов их роты в живых вместе с ним осталось семь. Остальные остались лежать под Ельцом.

Когда у Николая отец вернулся с фронта, он пошел работать в пожарную команду. В свободное от дежурств время они с матерью ходили по дворам и распиливали бревна на доски. Тогда многие строились, заказов хоть отбавляй — они в Мерефе считались лучшими пильщиками. А после восьмого класса помогать отцу стал и Николай. О том, куда ему идти учиться после окончания десяти классов, он не думал. Любимыми предметами в школе у него были математика и физика, поэтому и выбрал давно Харьковский университет. Да и учителя поддерживали Николая, особенно учительница математики и их классный руководитель Людмила Ивановна Векшина. Вообще-то ей Лукьянчиков вдвойне

был обязан — фактически она его отговорила от поступления в педагогический институт. Дело в том, что в университет Николай не стал даже сдавать документы, похоронив свою мечту. Сам, по своей воле, вопреки, возможно, здравому смыслу. Но он в хорошем смысле всегда был максималистом. Когда его попросили отвезти на велосипеде на станцию к поезду больную дочь одной учительницы, Николай сразу согласился. У нее были больные ноги, и она ездила в Харьков на процедуры. Отец девочки работал преподавателем в Харьковском университете, и пошел слушок, что Лукьянчиков так старается, чтобы не опасаться большого конкурса при поступлении. Этого ему было достаточно, чтобы забыть об университете.

А тут объявили областные соревнования по легкой атлетике, и Николай выступил довольно успешно. Его стали настойчиво уговаривать поступать в педагогический институт на факультет физподготовки, которому так нужны были студенты-спортсмены. Но именно математичка Людмила Ивановна и отговорила его от этой затеи. Она его слишком хорошо знала. Выручил друг Виталий Шеховцов. Он готовился поступать в Харьковский инженерно-экономический институт, предложил и ему попробовать. Но получилось так, что Николай конкурс прошел, а Шеховцов — нет. И всего на каких-то полбалла. Так распорядилась судьба...

Николай и Клара продолжали встречаться во время студенческих каникул и на следующий год. Клара даже помогала ему делать чертежи для дипломной работы. Но в то время ни о каких серьезных намерениях он и не помышлял. А защитив диплом, Лукьянчиков уехал рабо-

тать по распределению на Салаирский рудник. На вокзале его провожала и Клара.

Потом они переписывались, уже намекая друг другу о возможной совместной жизни. А когда Николай собрался ехать в отпуск в родную Мерефу, то за не такую уж и длинную дорогу уже твердо решил, что предложит Кларе выйти за него замуж. А там уж что получится, как она решит...

Однако вышло все иначе. Не успел Николай приехать домой, как мать усадила его рядом и сказала:

— Вот что, Коля, я не знаю, какие у тебя намерения насчет Клары, но ты должен на ней жениться, — и встретив изумленный и недоуменный взгляд сына, вроде как готового что-то ей возразить, с твердой решимостью добавила: — Иначе ты мне никто...

О том, что Николай и не думал возражать, что это было и его сокровенное желание, он матери сказать не успел, а после признаваться было поздно, да и как бы ни к чему — настолько поразили его слова мамы. А вскоре молодая чета Лукьянчиковых уехала жить в Салаир.

Позже уже, спустя годы, Николай пытался осторожно поговорить с матерью и все-таки прояснить ради любопытства, почему она так категорично настаивала, чтобы он женился именно на Кларе. Вообще-то это было не в характере матери — вмешиваться в жизнь взрослого сына, тем более в таком личном вопросе. А тут...

Но мать только и рассказала ему, как однажды Клара пришла к ней и, узнав, что у нее страшные головные боли, молча села рядом, положила ее голову себе

на колени и стала осторожно расчесывать скомканные волосы. Как ни странно, но после этого головные боли у матери прошли. И в тот момент она дала сама себе слово — Николай женится только на Кларе. Почему? Призналась, что сама этого ни понять, ни тем более объяснить она не в состоянии. А может, просто не хотела говорить настоящей причины. Но Николая это теперь не очень-то и волновало. Он уже и сам понял, что Клара и есть его любовь и судьба, а все остальное — досужие вымыслы.

VIII

... — Может, с чаем и бутерброд съешь? — сдвигая в сторону бумаги на столе и ставя перед ним дымящуюся чашку, спросила Клара Георгиевна.

— Ты меня так совсем избалуешь, — хохотнул Николай Никифорович, с нежностью глядя на жену, — раньше времени в раю себя почувствую.

— Ты лучше бы думал, как ада избежать, — поняв его слова по-своему, сказала Клара Георгиевна и, махнув на него рукой, вышла.

Николай Никифорович с улыбкой посмотрел ей вслед, но промолчал. Он-то имел в виду совершенно иное. Забыла Клара, хотя и не мудрено — четверть века ведь прошло, о таких ли пустяках помнить! И тут же возразил сам себе — нет, не пустяки...

Как раз четверть века назад ему выделили садовый участок за Серпуховым, на Оке, среди красивейших мест, воодушевлявших гениального русского художника Поленова. Далековато, конечно, и добираться тяжело —

с электрички до дачи пешком еще добрый час топать. Но оказалось, что это были рассуждения отвлеченной теории. В реальности же ни долгая утомительная дорога, ни тяжелые рюкзаки за спиной, с которыми весной пол-Москвы устремлялось тогда за город, не смогли преуменьшить радость и душевный трепет при виде красоты тех мест. Словами такое передать невозможно, может, поэтому Николай Никифорович с женой и преодолевали километры живописной равнины фактически молча. Они просто впитывали эту красоту, очищались ею от наносной городской сумятицы, уличного шума и громоздкой бетонной окружающей серости.

Один раз только Николай Никифорович и нарушил молчание по пути к даче почти у самой кромке леса. Даже неожиданно для самого себя. Остановился, сбросил рюкзак и, повернувшись к усталой на вид, но счастливой жене, совершенно серьезно спросил:

— Ты знаешь, где находится рай?

— Да Бог его знает, — пожав плечами, улынулась жена. — А ты что, торопишься туда попасть?

— Я тебе сейчас покажу рай...

И он почти упал на траву. Раскинув руки и глядя в безбрежную синь неба, Николай Никифорович вдыхал запах луговых цветов, слушал стрекотанье кузнечиков, пересвист птиц и просто кожей ощущал, как сила этой благодатной земли вливается в него, переполняет любовью к Жизни. Еще тогда он подумал, что лишь человек духовный, а не просто разумный, тем более образованный, и способен, сохраняя такую Божественную благодать, пользоваться ею не только для ублажения своих телесных нужд, но и духовных потребностей. Природа

дает людям и все необходимое для своего жизнеобеспечения, и не дает опуститься человеку до низменного животного.

Пустяк это или нет? Скорее всего нет, тем более этот эпизод, очевидно, не прошел бесследно и для Клары Георгиевны. Дачные соседи называют ее не иначе, как женщиной, которая любит цветы. Может, знакомство то с раем и сыграло в этом решающую роль?

И сейчас это видение возникло в памяти так ярко и отчетливо, словно Николай Никифорович только вчера приехал с дачи. Да за окном зима навалила такие сугробы, словно хотела скрыть неудачи технического прогресса людского. Для очищения. И завершения.

«Впрочем, — подумал вдруг Николай Никифорович, — седина на его голове тоже упрямо свидетельствовала о неумолимости времени, требовала, очевидно, завершения начатых дел, приведения их в соответствие, так сказать, с конечной целью...».

Для Лукьянчикова определенной вехой стало создание Международного движения за ноосферное развитие общества. Произошло это еще в 1997 году. Однако последнее время Николая Никифоровича не отпускало чувство какой-то незавершенности, будто в данном деле не хватало чего-то существенного. А может, это и было косвенной причиной того его внутреннего состояния дискомфорта, которое он испытывал? И воспоминания прошлого рождены тоже этой причиной? Вполне возможно. Вроде бы даже на недавнем заседании Московского отделения Петровской академии наук и искусств об этом намекал и академик РАН Александр Александрович Улитин. Точно, во время выступления он

так и заявил, что, мол, движение набирает силу и поэтому назрела необходимость подумать и о подобии некоего примерного свода законов, где четко и ясно прописать цели, задачи и конкретные действия на сегодняшнем этапе членов движения за ноосферное развитие общества.

Нет, востепенувшись, подумал вдруг Лукьянчиков, называться это должно по-другому. Николай Никифорович пододвинул к себе лист бумаги и размашисто написал: «Планетарный кодекс ноосферного (разумного) развития человеческой цивилизации». И откинулся на спинку стула, облегченно вздохнув. Наконец-то он нашел причину недавних тревог и волнений. Или, скорее всего, одну из причин. Но на этой дистанции он должен достойно прийти к финишу.

Из Планетарного Кодекса:

«Править миром Разум человечества может только в сочетании с Коллективной волей наций и Коллективным воздействием на тех, кто не подчиняется коллективной воле. Любое детище Разума может быть использовано и во благо, и во зло. Примером тому может быть использование ядерной энергии. Поэтому, чтобы сохранить жизнь на Земле и изменить мир к лучшему, Разум человечества должен базироваться на духовно-нравственном начале. Главной целью его должно стать обеспечение благополучия человека, соблюдение его прав и свобод, повышение качества жизни, физического и духовного здоровья, а также гармоничное взаимодействие с природой, при котором не ставятся под угрозу интересы будущих поколений.

«Мозговым центром» по формированию Разума человечества на современном этапе должна стать существенно реформированная Организация Объединенных Наций (ООН) совместно с Советом Мудрецов и научно-исследовательскими институтами, занимающимися глобальными проблемами человечества».

Вместо заключения

... — Понимаете, чтобы люди в массе своей осознали пагубность того, что они делают, — негромко и проникновенно говорил Николай Никифорович, — как неукротимым техническим прогрессом, подогретым все возрастающими желаниями и потребностями, истощают недра Земли и лишают своих же внуков и правнуков средств к существованию, нужно время. Это процесс эволюционный. Ведь еще Вернадский писал, что человек уже реально понял — он житель планеты и ему уже по иному надо жить и мыслить. То есть не как конкретной личности или представителю определенной национальности, в масштабе целой планеты. Сколько лет после этого прошло? Тот-то и оно...

Лукьянчиков ненадолго замолкает, словно для того, чтобы я успел осмыслить сказанное им. В его небольшом рабочем кабинете была какая-то располагающая к беседам атмосфера. И я никак не мог понять, в чем тут дело, пока до меня не дошло, что она не была отягощена ни компьютером, ни мобильным телефоном. И писал свои статьи Николай Никифорович по старинке — пером по бумаге.

— Еще в 1931 году Вернадский понял, что осознание его идей — впереди. Но будущее — понятие растяжимое, можно и опоздать, если его видимые контуры не обозначатся. Для этого и трудиться надо. А не то вместо эволюционного преобразования в сознании масс прогремит иная — революционная. Я имею в виду глобальную экологическую катастрофу, которая может разразиться. Тогда-то сознание точно враз у всех прояснится. Только зачем ждать жутких потрясений и неисчислимых жертв? Если кто-то думает, что они могут его не коснуться — то это глубочайшее заблуждение, даже преступное. Нет, именно сейчас нам всем надо пытаться остановить этот «поезд смерти», в котором мы все находимся. Вернее, поезд смертников, так как мы все пассажиры его. И среди них, — Николай Никифорович вздохнул и тихо добавил: — дорогие моему сердцу люди — сыновья Николай и Виктор, дочь Елена и три внука: Егор, Александр и Николай. Не считая остальных. Впрочем, как и у каждого нормального человека. Им придется мучиться, исправлять последствия наших ошибок. Так, может, лучше их сейчас уже уменьшить?

— Но в данном случае, — возразил я, — многое зависит от политиков, руководителей государств, за которыми стоят определенные влиятельные силы. Ведь они будут до конца защищать свои интересы. Разве не поэтому, очевидно, ни одна из стратегических задач, поставленных в «Повестке на XXI век» на Международной конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году так и не была выполнена?

— Да, верно, — поморщился Лукьянчиков. — Я не люблю политику в том качестве, как ее сейчас понима-

ют и представляют, да и исполняют. Это почти всегда грязь и ограниченность интересов при огромной власти. Хотя сегодня все вопросы жизнедеятельности и безопасности человечества во многом осквернены, как мне думается, политикой. И пока людской разум не избавится от этого тумана, он вряд ли станет мыслить глобально, решать проблемы планетарного масштаба. Но Россия в этом отношении сегодня более благоприятна. Я даже убежден, что именно Россия, в которой и родилась идея неперенного перехода на ноосферный путь развития человечества, станет и примером ее осуществления. Как известно, — рассмеялся Николай Никифорович, — русские долго запрягают, но...

— А что вам дает такую уверенность? — с удивлением поинтересовался я. — По-моему, вы говорили недавно совершенно другое.

— С одной стороны, так оно и есть, — он сокрушенно развел руками, — все движется очень медленно, да и чиновники не хотят упускать своего. Да только и среди них есть немало по-настоящему умных людей, а главное — болеющих за судьбу России, ее будущее. Вот, читайте...

Из Заключения на предложения Н. Н. Лукьянчикова «Что делать, чтобы сохранить жизнь на Земле и изменить мир к лучшему?», направленного Председателю Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации С. М. МИРОНОВУ: «Учитывая важность и актуальность представленных материалов, полагаю целесообразным:

направить материалы для детального анализа в Совет по науке при Президенте с целью их использования при выработке рекомендаций Президенту РФ В. В. Путину (председательствующему в «восьмерке» глав государств) при решении вопросов по изменению мира к лучшему;

направить материалы в Министерство экономического развития и торговли для учета в Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006-2008 годы) и организации комплекса научных исследований по данной проблеме;

использовать при совершенствовании налогового законодательства Российской Федерации;

рассмотреть возможность организации проведения «круглого стола» в Совете Федерации по проблеме ноосферного развития России под эгидой Комитета СФ по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии;

рассмотреть возможность создания при Комитете СФ по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии Совета по ноосферному развитию России.

Предоставленные материалы могут быть также рекомендованы для использования при корректировке Программы партии «Жизни».

Советник В. М. Лазарев»

— Знаете, — продолжал Николай Никифорович, когда я вернул ему документ, — у китайцев есть хорошая пословица, — и процитировал: — То, что хочет весь народ — почти всегда случается; то, чего не хочет весь на-

род — почти никогда не происходит. Отсюда вывод: главная наша задача в просвещении российских граждан и о необходимости перехода на устойчивое развитие, и о построении в будущем ноосферного социализма. И что иного выхода избежать гибели человечества не существует, чтобы ни говорили некоторые политики. Однако эти семена должны упасть на добрую почву, чистую в морально-нравственном отношении. И здесь обществу придется поступиться кое-какими правами и свободами. Тем более, что права без обязанностей, в чем я глубоко убежден — это иногда и преступление без наказания. А тем более, когда речь идет не о жизни отдельного человека, народа или даже государства, а о судьбе всего человечества. И я не перестану говорить о такой опасности. Это как сигнал SOS — его обязательно должны услышать...

Вещи и процессы, как утверждал великий русский мыслитель Николай Федорович Федоров, не несут в себе отношения к добру или злу, на самом деле они приобретают подобный характер только в результате пассивности человека, недостаточности его развития как нравственного и активного существа. Вот почему знание о природе, об истории, о социальной деятельности и должно в первую очередь выявить такое отношение. Иначе говоря, сначала позаботиться об обосновании нравственной стороны. Между тем сегодняшнее научное знание, к какой области оно бы не относилось, зачастую стремится освободиться именно от этого нравственного идеала.

Сейчас Н. Ф. Федорова вспоминают редко, почти не цитируют, больше известны его знаменитые последова-

тели, такие корифеи науки, как В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. Н. Моисеев и другие. Но как истинные ученики своего великого учителя они тоже утверждали и доказывали, что без соединения чувства с исследуемым объектом, без большой человеческой цели наука получает в результате лишь обрывки разрозненной ткани целого, фрагменты некоей картины без объединяющего их смысла. Но речь здесь идет не о вульгарном морализме, а о высшем нравственном долге, который един для всего человечества, объединяющий и оберегающий его, а значит, и Жизнь на Земле.

«Хотя бы идеи и создавались или порождались плотским человеком, — писал Н. Ф. Федоров, — они все же не для того возникают, чтобы плоть управляла мыслью, а для того, чтобы мысль и душа управляли материей».

Вот что нужно было бы крепко уяснить сегодняшним демократам, создающим законы, которые определяют развитие общества. Им бы послушать академика Лукьянчикова лет пятнадцать тому назад, тогда не было бы ни дефолтов и социальных язв в обществе, ни олигархических фурункулов и периодов безвременья.

— Недавно я прочитал сообщение китайского Агенства Синьхуа, — оживился вдруг Николай Никифорович. — Там со ссылкой на газету «Женьминь жибао» сообщается, что в Китае уже создается система расчета внутреннего валового продукта с учетом факторов ресурсов и экологии. Вы понимаете, они воплощают наши идеи, изложенные в книге «Экономика и организация

природопользования». Ведь Китай в ходе своего экономического развития столкнулся с такими глобальными проблемами, как громадное население, небольшой запас ресурсов на душу населения, серьезное загрязнение окружающей среды... И действующая система расчета ВВП в Китае, естественно, не отражала негативного влияния экономического развития на природные ресурсы и окружающую среду. А новая система расчета будет способствовать как раз обеспечению гармоничного развития экономики, ресурсов и окружающей среды, ее охране и рациональному использованию имеющихся природных богатств. Ну и долговременному развитию народного хозяйства. Они не скрывают, что это сложная работа, и для расчета «зеленого» ВВП, как они его образно назвали, базирующегося на научной оценке себестоимости расхода ресурсов и экологического ущерба, необходимо широкое и глубокое межведомственное взаимодействие. Именно об этом мы с ними и говорили. Так что прорастают наши зерна в мире...

Мне вдруг припомнилась недавняя встреча в Плехановском институте. Я ездил туда к профессору Ивану Михайловичу Потравному, чтобы прояснить кое-какие моменты в их совместной деятельности с Лукьянчиковым. После беседы мы с ним уже прощались в вестибюле института, когда Иван Михайлович, извинившись, остановил кого-то и заговорил с ним. Это оказался вице-президент Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова, профессор Владимир Протасович Белянский. Узнав, что я журналист и собираю материал об академике Н. Н. Лукьянчикове, он с оценивающим прищуром взглянул на меня и сказал:

— Да, о Лукьянчикове писать надо. Это действительно настоящий человек и ученый. Его оценят со временем. Сегодня многие говорят и пишут о ноосферном пути развития, иногда мало вникая в суть проблемы вообще. А между прочим, человек, который действительно обладает планетарным сознанием, живет среди нас. Николай Никифорович Лукьянчиков, я в этом убежден, достиг такого уровня. И это не преувеличение, а констатация факта...

Однако были и другие «мнения».

Разговаривая со многими людьми, знавшими Лукьянчикова, я изредка, иногда намеками, слышал снисходительное: «Да, такие люди тоже нужны...». А потом многозначительное — мол, сегодня простор для делового человека, профессионала, специалиста, можно зарабатывать и жить прилично, чего нам не позволяли при советской власти, так что романтизм эпохи строительства коммунизма закончился...

Ну как тут было не понять, что психология таких людей, чаще отягощенных должностями, постами, званиями и наградами, строится на вульгарном принципе «срубить американской капусты». Им не до ноосферного сознания, а тем более до понимания необходимости построения ноосферного социализма. Они — «совки» еще в большей и худшей степени, чем те, кто честно строил свое социалистическое государство и мечтал о коммунизме. Но слушая частенько таких «демократов», мне невольно вспоминаются слова директора Института прокризисных исследований Вахтанга Чкуасели, сказанные им еще в 90-е годы: «...Бесспорно, весь процесс реформ побуждает каждого человека не только раз-

мышлять, но и искать ответы на возникающие вопросы. Конечно, хорошо, когда господствующее положение в разрешении насущных проблем занимают профессионалы своего дела. Но этого уже мало. Нужны надежные интеллигентные люди, болеющие душой за свою страну».

Николай Никифорович давно освободился от «совковости» в осмыслении экономической неэффективности и пагубности административно-командной системы социалистического строя. Но на Международной конференции по окружающей среде и развитию, проходившей в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, была принята «Повестка на XXI век, предусматривающая решение экологических проблем и переход к устойчивому развитию. И именно на этой Конференции капиталистическая экономическая система развития была признана пагубной, ведущей земную цивилизацию к краху. А значит, не имеющую будущего. Поэтому академик Лукьянчиков, как идейный последователь учения В. И. Вернадского, разрабатывает механизм построения ноосферного социализма в России — в стране, по его глубокому убеждению, наиболее подходящей для этого по всем определяющим параметрам. Но главное — проводимые в России реформы, поиск приемлемого пути развития, отсутствие национальной идеи для сплочения народов, все это только указывало на своевременность принятия правительством соответствующего решения. Чтобы стать на путь устойчивого развития, необходимо по-новому взглянуть на решение экологических проблем, на их первоочередность в преодолении кризиса. Однако Разум не восторжествовал. И стало ясно, что на Зем-

ле необходим новый мировой порядок, обеспечивающий переход современного мира на ноосферный, то есть разумный, путь развития. И вскоре появляются работы Н. Н. Лукьянчикова «Новый путь развития России» и «О новом пути развития современного мира в условиях глобализации».

Да разве может человек, который смотрит не только в даль времен, но и в их глубину, в самую суть, исходить из принципов личной выгоды или корпоративных интересов? Нет, он анализирует и определяет инструменты общественного экономического устройства мирового сообщества из принципов пользы для всего человечества в целом. И разумного использования при этом природных богатств, сохранения самой Природы для будущих поколений, ее ресурсов, а значит, и самой Жизни на Земле.

Да, борьба за идею построения ноосферного социализма в России не принесет ни дивидендов, ни наград. Скорее, наоборот, зачислит в ранг чудаков, чтобы за глаза посмеиваться над ними. Однако в данном случае те, кто «срубает капусту», поступаясь не только совестью, но и национальными интересами России, никогда не будут в числе друзей академика Николая Никифоровича Лукьянчикова, его учеников и последователей. И как бы они себя не убеждали в том, что не такая уж это и большая потеря, они не могут не понимать, что дело не в уважении его или неуважении, принятии его принципов жизни или нет. Дело в том, что научное и человеческое наследие, оставляемое в истории такими личностями, не оценить ни «американской капустой», ни рублями, ни всеми сокровищами «Алроса» или Ме-

ждународного валютного фонда, должностями или орденами. Как нельзя оценить стремление спасти человека от гибели, самую спасенную Жизнь.

Сейчас, слушая Николая Никифоровича, я наконец-то понял причину, которая заставила Лукьянчикова терпимее относиться к тому, что его проектам и идеям суждено реализоваться не так скоро, как того ему хотелось бы. И не раз, очевидно, думалось ему, что он, скорее всего, и не доживет до этого. Подобные идеи и проекты должны быть не просто осмыслены холодным Разумом, но и восприняты горячим сердцем, духовно. На это действительно нужно время, которое можно сократить, если предпринять необходимые усилия. И подсознательно, в круговерти дел и замыслов, такое убеждение зрело, пробивалось в Лукьянчикове, вероятно, еще с 90-х годов. Иначе он вряд ли бы написал такое предисловие к статье «О будущем России»:

«Я люблю Россию и ее народ. Я хочу помочь ей выйти из состояния бедствия и стать свободной, могущественной и процветающей страной. Я также хочу, чтобы был мир на Земле и жизнь на нашей планете никогда не прекратилась. С этой целью я попытался найти пути возрождения России и предотвращения глобальной экологической катастрофы, которые здесь излагаются.

Буду весьма благодарен судьбе, если отдельные мои предложения воплотятся в жизнь».

Эти слова звучат как духовное завещание потомкам, которым жить в преддверии глобальной катастрофы, для кого и разрабатывались конкретные пути спасения. Им ее и предотвращать, спасая себя и планету.

Это слова человека, отдающего всего себя России и человечеству.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	3
ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ДИКОЙ ПРИРОДЫ	17
Из одиночества в люди	19
Ночной выстрел	22
Дамоклов меч закона.....	31
ВОЛКИ	39
МЕДВЕЖИЙ УГОЛ	65
Судьба неопровержимых улик.....	67
Опаснее зверя-подранка.....	85
Беспредел	106
Оскал медвежьего угла	115
СЕЗОН ОХОТЫ НА ОХОТНИКОВ.....	125
Права и интересы	127
Ответный удар	135
Заря надежд.....	149
Совесть — понятие не рыночное.....	153
Последняя инстанция	161
ЗОВ ПОТРЕВОЖЕННОЙ БЕЗДНЫ.....	168
Следы прошлых побед.....	169
Выбор.....	174
Люциферово крыло преисподней	177
А если все же подземный гром грянет?	180
НАДЕЖДА И БОЛЬ ДЕРЖАВНОГО АМУРА	185
НАД САМУРОМ УРАГАНА НЕ БУДЕТ	198
«ЛЬСТИЛ СЕБЯ БУДУЩИМ...»	211
Характер	212
Закономерные случайности.....	221
ОСТАНЕТСЯ ЛИ РОССИЯ ПУШНОЙ ДЕРЖАВОЙ?.....	241
«Глупые дети всё растратили».....	242
В тени пушного бизнеса	246
Лицензии... «за намерения».....	249
Возродить утерянное.....	251
Кто объединит охотпользователей?	254
ОН БЫЛ ПРЕДАН ЛЕСУ	257

САХАЛИНСКИЙ ШЕЛЬФ:	261
МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И... СМЕРТЬЮ?.....	261
Опасность подстерегает в лагуне.....	262
Выход из лабиринта только один	267
Пока суд да дело...	275
РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА.....	279
НА САМИХ СЕБЕ	279
СТРОЯТСЯ ЗАМКИ ИЗ... ПЕСКА.....	288
НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ.....	288
НА 1200 КАРЬЕРАХ ПОДМОСКОВЬЯ.....	288
ОБЪЯВИТЬ ДЕРЕВО ВНЕ ЗАКОНА!	296
ЧТО ПОКАЗАЛИ ПРОВЕРКИ	302
ДОРОЖНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ	302
О дорогах, которые мы не выбираем.....	303
Дорога всегда рождала философов.....	305
ВИРУСНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....	310
Свет против... СПИДА и птичьего гриппа.....	312
Куда исчезли майя.....	312
Расшифрованные «черные пропасти».....	315
О чем говорят «божьи отметины»	319
Предсказывают дрозофилы	324
Когда мстит сама природа.....	329
Неожиданный поворот к Солнцу.....	332
Смех во время эпидемии	335
« Я НЕ ПЕРЕСТАНУ ПОВТОРЯТЬ — «SOS».....	344
Вместо заключения	407